

С 17481
У 49

13

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

УЛУГ- ЖЕМ

КЫЗЫЛ • 1971

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

УЛУГ-ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

13

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Кызыл — 1971

НЕУДЕРЖИМЫЕ

(Главы из романа)

17.

Боражик с ветеринаром заехали на стоянку Чудурука. Овцы еще были в загоне. Среди них стояла Хураганмай с подругой и ласкала ягненка. Девушка заметила председателя. Всадники спешили и, привязав своих коней к привязи, подошли к девушкам.

На шум из юрты вышел Чудурук. Он увидел председателя и подумал:

«Раньше, бывало, приезжий человек первым делом заходил в юрту. А теперь такое время, что сначала с девушками поболтают», — и направился к собравшимся. Шел какой-то оживленный разговор, слышался смех.

Боражик почтительно поздоровался со стариком. На ходу поймав барана, пощупал курдюк и спросил:

— Почему эта овца не прибавила в весе?

Чудурук хмуро ответил:

— Какая уж есть...

Боражик пытался схватить еще одну, но овцы шарахнулись и разбежались в стороны.

— У вас все овцы такие?

— Смотрите сами, — ответил чабан.

Вмешалась в разговор Хураганмай:

— У нас овцы упитанные, а эта после болезни такая, — и взглянула на Менниг-Кара.

Ветеринар подтвердил:

— Да, она в самом деле болела.

Тут встряла в разговор веселая Каржанмай:

— Можете не щупать — овцы хорошие. Они же недавно вернулись с чайлага, а там вдоволь было и зелени, и воды. Да и что вы понимаете? Вот я съела зуб на этом деле, — девушка расхохоталась, мелькнули серебряной рыбкой зубы.

¹ Начало в «Улуг-Хеме» № 12.

— А чего тут понимать, и так все хорошо видно,— заметила Хураганмай.

Старик неодобрительно взглянул на дочь. Боражик все-таки поймал черноголовую овечку, подержал ее в руках и остался доволен. Ветеринар последовал примеру председателя, и его баран оказался жирный.

Чудурук пригласил гостей в юрту, решив, что здесь не поговоришь толком. Хураганмай позвала подружку, и они пошли следом. Это не понравилось старику — но что делать, не выгонять же их.

Боражик уселся, осмотрелся, спросил, все ли есть, чего не хватает, как с дровами, хватит ли кормов до весны. Всем хотелось поговорить с председателем, но старик не давал им рта раскрыть.

— Я скажу. Давно жду даргу. Скот в сохранности, падежа нет, место зимовки определил давно, думаю, перезимуем неплохо.

А Боражик думал: «...пока мы думаем, снег выпадет. А еще не все готово. Работаем по старинке. Много еще нерешенных вопросов. Если послушать старика, вроде и беспокоиться не о чем, не впервой зимовать»,— и, дослушав самоуспокоительную речь старика, возразил:

— Зима нынче ожидается суровая, а подготовились мы, честно говоря, неважно. Сена маловато. Я думаю, что зимовать надо на той стороне реки.

Чудуруку такое предложение пришлось не по душе.

— В таком открытом месте?

— Зато там есть трава. С лета сберегли, не потоптали.

— Сомневаюсь я...

Боражику хотелось выслушать старика до конца.

— Овцы любят привычное место. Тогда они спокойно падутся и сами возвращаются домой. Это имеет большое значение для прироста отары. Даже в самую суровую зиму мои овцы держались бодро.

— Ну, а вы что думаете, молодежь?— обратился председатель к остальным.

— Была бы трава,— это главное,— ответила Хураганмай. Остальные ее дружно поддержали. Чудурук промолчал.

— Давайте послушаем молодых — сменим место зимовки. Кроме вас там будут еще другие отары. Надо использовать нетронутое пастбище.

Чудурук в душе был не согласен, но не сказал этого. Кочевка — это большие хлопоты.

— Будьте готовы, я пришлю людей, машину, будем кочевать,— твердо решил Боражик.

— Ну, что ж, раз надо — придется кочевать, — ответил старик, сердито взглянув на девушек.

Боражик попрощался и поехал на дальние стоянки.

18.

Боражик, объезжая полевые бригады, присхал домой поздно. У калитки он стряхнул с себя пыль и направился к дому.

Вечерний ветерок уже стих, над селом опускались сумерки. Небо было усыпано золотым просом звезд. Вдруг одна из звезд оторвалась и полетела вниз, оставив за собой чуть приметный след. Боражик ничего этого не видел и вошел в дом.

Дома было темно, тихо, пахло чем-то застоявшимся. Он не ощутил никаких запахов еды. Темно, как на улице. Впрочем, там был звездный свет. Жена неподвижно сидела у стола. Боражик разделся и спросил жену:

— Что с тобой? Заболела?

— Что со мной? — Янма только отмахнулась рукой, как от надоедливой мухи.

— В самом деле, жена. Что это у тебя с лицом? Сидишь скучаешь по мне? — он еще пытался шутить.

— Ничего у меня не болит, но со мной что-то творится...

Хорошо знавший свою Янму Боражик подумал: «Нет, она не больна. Тут что-то большее, чем каприз. Что же стряслось?»

В последнюю неделю жена резко изменилась. Пожалуй, после приезда этого нового зоотехника.

Боражик слышал от кого-то, что они были друзьями детства, но не больше. Ревновать у него не было никаких оснований. От этой мысли он был далек.

— Если ты заболела, сходи к врачу, — сказал Боражик и стал умываться.

Янма подошла к зеркалу, пристально всмотрелась в свое лицо и пошла на кухню. Боражик пошел вслед за ней. На столе стоял холодный чайник, засохший хлеб и куски сахара. «Хорошо бы сейчас горячего бульона или чаю», — подумал Боражик. Он молча выпил чай и потом спросил:

— Почему нет ужина? Мясо кончилось?

— Есть, наверное, — нехотя ответила Янма.

— Давай сварим, — предложил он.

— Вари, если тебе надо, — откликнулась жена.

— Ну вот что. Я растоплю печь и принесу воды, а ты готовь еду, — распорядился Боражик и ушел.

Янма словно ничего не слышала. Она зябко закуталась в платок и удобнее устроилась на стуле. Она думала о сво-

ем муже, вспоминала старые обиды и ссоры. Янма знала, что Боражик хороший работник, но в семье он был никуда не годным человеком.

Когда он сердился, он всегда говорил:

— Некогда мне с тобой нежитьсь,— хлопал дверью и уходил. Первое время она плакала от обиды, а потом привыкла.

Целыми днями он не слезал с копя, все ездил и ездил по делам. А если заедет домой, наспех молча поест и заваливается спать. Ей становилось немого от скуки. Янма мечтала съездить в Кызыл, а потом в Москву — посмотреть людей и жизнь. Но от ее предложений Боражик отмахивался. Даже в райцентр не брал ее, стесняясь возить жену с собой. И это ее расстраивало и обижало. А один случай прямо камнем лег на сердце.

Однажды Боражик собрался по вызову в Кызыл. Дело было летом. Начались сборы.

— У тебя есть место в машине, я поеду с тобой,— попросилась Янма.

Боражик ответил:

— Я еду по делу, а ты присматривай за хозяйством. Нечего вдвоем разъезжать, что люди-то скажут?

— Ну и что особенного? За коровой присмотрит соседка, а с домом ничего не случится,— настаивала жена.

— Вот пойду в отпуск, тогда и поедем. А сейчас я на работе,— отрезал Боражик.

Но слово свое он не сдержал.

— Что значит в отпуск? План надо выполнять. Так постепенно разладилась семейная жизнь. Боражик разучился шутить и веселиться, а с ним и молодая жена.

Он не раз говорил ей: у тебя все есть — и дом, и корова, и наряды. Сиди дома и шей себе что-нибудь, обед вовремя сготовь. Что тебе еще нужно?

Боражик не замечал стремлений жены. Изредка ходили в кино, а чаще — на собрания. Там ей было неловко. Ей казалось, что все шепчутся о ней, осуждают ее. Специальности у нее не было — вот и была мужняя жена. И у нее была причина не любить собрания. А Боражик даже этого не замечал. На работе видел все, а дома... Так все и копилось и росло, как снежный ком.

Боражик принес воды, поставил ведра в кухне, занес дрова, затопил печь и спросил:

— А где же мясо?

Янма нехотя ответила:

— Где, где? Ничего в доме не знаешь. В кладовке лежит.

Боражик принес мяса, мелко нарезал и стал варить суп. Между делом он пытался разговорить жену, настроить на мирный лад.

— Сейчас ужин будет готов. Потерпи немного, моя неженка, проголодалась, наверное?

Он хотел приласкать ее, провел рукой по волосам, но Янма шлепнула его по рукам и отвернулась. Боражик замолчал, он думал, как бесчисленны капризы молодой жены, словно переменчивая погода: утром ясно, а после обеда вдруг хлынет дождь — откуда только возьмется. Что с Янмой случилось, поди разберись.

Запахло свежим вкусным мясом. Боражик налил тарелку супа и пригласил жену:

— Давай ужинать.

Янма молчала, и Боражик стал есть один. Он еще раз попытался заговорить с женой:

— Всему бывает причина. Без ветра и трава не колышется. Что произошло, Ян? Нельзя же так вести себя,—укоризненно говорил Боражик.

— Не тебе, старый пень, учить меня уму-разуму.

Боражик дернулся от боли и стыда, но сдержал себя:

— Ты только сейчас заметила, что я стар? Я и сам знаю, жена. Но и ты хороша, упряма, как коза. Могла бы быть и повежливее.

Янма с презрением взглянула на мужа:

— Тебе не нравится, как я себя веду?

— Зря ты сердишься, делаешь трагедию из пустяков. Даже неловко за тебя.

— Я тебя не устраиваю. Так кто же тогда тебе нужен?— в голосе ее зазвенели слезы.

— Никого мне не надо, кроме тебя. Только ты нужна и твоя скромность,— сказал Боражик и вдруг понял всю бессмысленность разговора — все равно не поймет. Лучше покормить ее — больше будет толку.

Он опять подошел к ней:

— Ну, вставай, поешь.

Янма дернулась.

Боражик продолжал мягко:

— О тебе же забочусь, чего тут дергаться-то.

— Я о тебе тоже заботилась, да все заботки кончились. Чем ты питался — травой что ли?

— Ничего такого я не говорю и не думаю. Давай жить мирно, беречь друг друга,—Боражик хотел высказаться до конца, но Янма оборвала его:

— Я тоже так думаю. Я тоже хотела, чтобы ты обо мне подумал хоть раз. Но я не видела твоего внимания никогда.

Только слышу одни упреки. Поглядел бы сначала на себя, на свою лысину...

Янма ушла в спальню, дав знать, что разговор окончен. Боражик остался один. Налил себе пиалу остывшего чая и задумался. «Ничего, посердится и перестанет. Пожалеет еще, одумается. Первой заговорит и будет ласкаться. И все-таки нехорошо, смутно на душе. Было бы хорошо в доме, если пришел — ужин готов, жена весела, и сам бы был другой. Поговорили бы, рассказал бы ей пару смешных историй, как в молодости. Без веселья на душе жить нельзя. Боражик не такой человек, чтоб унывать по пустякам. Живем на свете не ради жены, а ради большого дела. А дел впереди много, и нужны для них силы».

Боражик достал «Поднятую целину» — свою любимую книгу и увлекся делами и мыслями Давыдова, Нагульнова, Майдашникава. Ему казалось, что он видит их перед собой, как живых....

19.

Янма потеряла душевный покой. Ей хотелось увидеть Хеймер-оола хоть на минуту. Когда муж ушел на работу, она быстро оделась и вышла на улицу. Солнце уже стояло высоко, но было прохладно. Все ее внимание было приковано к маленькому дому в конце улицы Мира. Ей грезилось, что оттуда вышел высокий парень и смотрит на нее. Она долго смотрела в ту сторону, до боли в глазах, но никого не было. К ней подбежал Костук и стал ласкаться, помахивая хвостом. В ограде нежно замычал теленок. Она спохватилась — корова была еще не доена.

Янма зашла в дом, взяла подойник, привязала теленка и села доить. Потом унесла молоко и погнала корову к пастуху. Она шла как во сне, не обращая внимания на встречавшихся ей женщин. Когда проходила мимо дома Шорулбы — самой любопытной в селе старухи, та ее окликнула:

— Что так поздно гонишь корову и идешь не в ту сторону?

Она выпалила наобум:

— Хочу зайти к одной знакомой по пути.

Шорулба ухмыльнулась и затараторила:

— Придумали какого-то пастуха. Скот сам знает, где пастись и куда возвращаться.

Янма остановилась и поддержала разговор:

— Пастуху отдавать надежнее, никуда не забредет.

— Это правда, только пастух дорого берет за пастьбу, — пожаловалась Шорулба.

— Кто же даром будет работать,— безразлично ответила Янма и быстрее погнала корову по улице.

— Тебе-то хорошо, муж много получает,— услышала она вслед.

По дороге она встретила соседку и попросила ее угнать корову за село вместе со своей.

Она не помнила, как очутилась у дома Чанчыкмы. А когда опомнилась, было уже поздно. Она вошла в дом. Старуха сразу же заторопилась по своим хозяйственным делам. Янма осталась наедине с милым другом детства. Она протянула руку для приветствия и так и замерла в этом рукопожатии.

Хеймер-оол крепко и бережно держал ее за маленькую руку. В Янме вспыхнул лучик надежды, заставивший сильнее забиться ее сердце.

— Извини, я кажется сделал тебе больно. Но уж очень давно не видел тебя. Рад, очень рад за тебя. Слышал, что живешь ты неплохо. Желая и дальше много счастья и хорошей жизни,— сбивчиво говорил Хеймер-оол.

— Ничего ты не знаешь. Я не живу, а мучаюсь. Это только кажется, что я живу хорошо. Плохо мне, душа жива вполнину,— медленно и напряженно проговорила Янма.

Она залюбовалась стройным парнем. Он был такой же, как прежде, только более возмужавший. Лицо его было бледнее обычного, как у всех горожан. От этого волосы казались очень темными.

Нежно взглянув на Хеймер-оола, Янма сказала:

— Вот я и пришла посмотреть на тебя.

— Ну, и какой же я стал?

— Такой, как прежде.

Хеймер-оол улыбнулся и молча посмотрел на нее.

— Ты надо мной смеешься?

— Что ты, и в мыслях не было. Да и нет никаких причин...

— Ты можешь смеяться надо мной. Дело твое,— сникла Янма и, помолчав, продолжала:

— Я не сдержала своего слова. Когда ты учился, начали говорить, что ты вернешься не один, а с русской женой. Говорили, что ты женился там.

— И ты поверила?

— Конечно, я многого не понимала тогда.

— Ну и как же ты живешь сейчас, Янма?

Женщина молчала. В доме было тихо. Янма взглянула на Хеймер-оола, и в ней воскресла надежда — в его лице не было ни укора, ни обиды. Ей было приятно сознавать свою силу. Она осмелела, стала вспоминать детство. Ее мягкий го-

лос завораживал. Она была очень хороша в эту минуту, никто бы перед ней не устоял. «Этим и пленила она Боражика»,—подумал Хеймер-оол.

Она расспрашивала его, как ему там жилось в большом городе, не скучно ли здесь. Хеймер-оол спокойно отвечал на ее вопросы и говорил о том, что ничего нет лучше родных мест, что здесь многое изменилось к лучшему, люди стали другими.

— А я тоже изменилась, да? — ухватилась за это Ялма.

Хеймер-оол пристально взгляделся и ответил:

— Конечно. Так и должно быть. Ты стала зрелой, солидной женщиной. У тебя свой дом, хозяйство, муж.

— А вот ты ни капельки не изменился. Только волосы потемнели...

Во дворе послышался шум. Вошла Чанчыкма с ведром воды. Ялма засобиралась домой. Встреча была не напрасной...

20.

В эти дни у Хеймер-оола было много хлопот и забот. Это ему нравилось.

Он разъезжал по чабанским стоянкам, знакомился с людьми и не замечал, как летело время.

Комсорг Кара-оол попросил его провести беседу с молодежью на местах. Выбрали стоянку Чудурука. Когда в назначенный день Хеймер-оол приехал туда, молодежь была уже в сборе. Он заметил ветеринара с женой, краснощекую Каржанмай, милую скромную Хураганмай. Остряк Балажик забавлял всех разными историями. Увидев Кара-оола с Хеймер-оолом, он вскочил, вытянулся и отрапортовал:

— Трудовая молодежь в сборе. Докладывает известный в республике чабан Балажик.

Все засмеялись, удобнее рассаживаясь на траве. Кто-то тихонько ущипнул румяную Каржанмай, и она закатилась тоненьким смешком и долго не могла успокоиться. В народе говорят: добрый человек всегда весел. Так и она могла смеяться до упаду.

Кара-оол подхватил заданный тон:

— Вольно, вольно!

Наконец, все утихомирились, и Хеймер-оол сказал:

— Кажется, мы немного опоздали, просим извинить. Раньше я пешком здесь бегал и не замечал, что далеко.

— Что тут далекого? Как раз можно вскипятить чай за это время,—опять засмеялась Каржанмай.

Балажик подмигнул:

— Зачем чай ставить! Пока она смеется, можно съездить туда и обратно.

Снова посмеялись. Только Хураганмай чуть улыбнулась. «Что это с ней?» — подумал Хеймер-оол.

Кара-оол попросил внимания:

— Товарищи, мы решили как следует изучить устав комсомола. Явились на собрание все. Начнем. Слово предоставляется Хеймер-оолу.

Он тщательно подготовился, и слушали его с большим вниманием.

— Вы все здесь молодые. Кто пасет, кто сакманщицей работает. Внешне у вас вроде неплохо идут дела, но особых сдвигов в работе не чувствуется. По-моему, так дальше не может продолжаться, если мы настоящие комсомольцы. Как вы думаете?

Вопрос насторожил всех. Наступила пауза. Зоотехник продолжал:

— Значит, все у нас хорошо, больных вопросов нет. Выходит, так?

Все переглянулись. Балажик бросил реплику, чтоб выручить товарищей:

— Ну и вопрос задал, никто не ответит сразу.

Опять засмеялись.

Хеймер-оол продолжал дальше:

— Я говорю о деле. Что будем делать дальше? Это наш главный вопрос, и прошу не уводить в сторону.

Балажик смутился:

— Я просто пошутил.

— Мы — молодые хозяйева жизни. Все зависит от нас самих. Как говорится у нас в пословице: «Как можно жизнь прожить без грома и удали; как можно быть робким в своей юрте». Жизнь дана человеку, чтобы он след свой на земле оставил.

Все захлопали докладчику. Особенно эти слова понравились Хураганмай. Может, потому, что говорил их близкий ей человек.

А Хеймер-оол продолжал:

— К чему я это говорю? Дело в том, что наши чабаны живут далеко от людей. Как они там живут? Знают ли об этом комсомольцы? Чем им можно помочь? Ведь у молодых зоркие глаза. Надо, чтобы люди чувствовали кипение жизни.

— А как это сделать? — не удержался опять Балажик.

Хеймер-оол задумался:

— Вопрос этот сложный. Чтобы перестроить жизнь, необходимо участие всех: общая сила, общий разум. Словом, я добиваюсь того, чтобы создать у нас, как в других местах,

объединенные чабанские бригады. Чтоб у них на месте были дома, красный уголок, баня, ларек, столовая. Чтобы люди не были оторваны от жизни в тихом уголке. И работать будут тогда по-другому. Как вы на это смотрите? Поддержите меня?

Все замолчали, перешептываясь. Набралась смелости Хураганмай.

— Он прав. Наша жизнь мало чем отличается от одиночной, когда араты жили разрозненно. Одобряю эту мысль о создании бригады. Жить и работать будет веселее, интереснее.

Хеймер-оол мысленно поблагодарил девушку за поддержку.

Встал балагур Балажик и начал:

— Крепкий вопрос поставили. Вот и решайте — можете вы только хохотать или способны на большое дело.

Вскочила Каржанмай:

— Можно мне? Это он в мой адрес говорит. А разве можно жить без смеха? — обиженно сказала девушка и села на место.

Балажик продолжал:

— Да смейся, сколько душе угодно, пусть стены качаются от смеха. Это дело твое. А я говорю о деле. По-моему, это хорошая инициатива. И я готов помогать чем могу.

Собрание единодушно поддержало предложение Хеймер-оола. И это было радостно и ко многому обязывало.

Постепенно все разошлись. Остались только Хеймер-оол и Хураганмай.

Им нравилось уединение. Но никто из них в этом бы не признался другому.

— Спасибо, Хураган. Ты меня просто окрылила, — благодарил зоотехник.

— Ты очень интересно говорил. Я представила центр бригады — просто здорово было бы осуществить эту мечту.

— Иначе жить нельзя — без новой работы, без хорошей дружбы, без любви...

— Что ты сказал? — переспросила девушка, словно не поняв.

— Я говорю о любви. Она бывает разная. Любовь к жизни, любовь к труду, любовь к родным местам, любовь к матери и...

Девушка внимательно следила за выражением его лица, и в мягком взгляде ее блестящих глаз отражался только он.

— А твоя любовь?

Хеймер-оол задумчиво ответил:

— Многое я люблю — степь, песни, свою работу. Мне хочется свершить задуманное, и я рад, что меня поддержали. Ты хороший друг, Хураган.

— Я готова помочь тебе. Если не справлюсь, ты мне можешь, наверное. Я умею работать,— просто сказала девушка.

— Давай помогать, быть опорой друг другу. Ты согласна? Он мог не спрашивать ее об этом.

21.

Однажды, когда Боражик возвращался из тайги от лесорубов, ему встретился зоотехник.

— Где ты был? — бодро спросил его Боражик.

— У чабанов. Еду домой, надо одеться потеплее, холодает.

— Вот и приходит зима,— сказал грустно Боражик и умолк. Хеймер-оол подивился перемене настроения.

— А вы где были?

— В тайге, подгонял со стройматериалами.

Хеймер-оол вспомнил Янму. Очень разными они показались ему сейчас. Хеймер-оол принялся рассказывать о своей затее:

— Строить вам придется много, если мы займемся созданием чабанских бригад.

«Я, значит, экономлю, как могу, а он уже нашел куда израсходовать лес»,— подумал Боражик и сказал:

— Дел, конечно, много. Но не все сразу. Надо строить по плану.

Хеймер-оол в тон ему ответил:

— Наша главная забота — овцеводство, и сюда пойдут главные расходы. Они тоже запланированы, дарга.

— Что верно, то верно. А что ты имеешь в виду под строительством?

Зоотехник обрадовался, что можно будет поделиться сокровенными планами.

— Вы, наверное, слышали о строительстве силами комсомольцев центра чабанской бригады. Я горячо поддерживаю эту инициативу.

— Ну что ж, этот вопрос выдвинут самой жизнью. В других местах давно взялись. Будем строить.

Хеймер-оол только подивился легкому согласию председателя.

— Строить надо в Ак-Ое. Хорошее место, всех чабанов видно оттуда, пастбище сочное, рядом родник незамерзающий.

Зоотехник загорелся этой идеей.

Боражик с легкой завистью подумал про себя: «Башкорит, инициативен», — и добавил:

— Интересное предложение. Ак-Ой — действительно подходящее место.

Хеймер-оолу только этого и надо было. Он принялся развивать дальше свою мысль:

— Сделаем целый комплекс и для труда, и для отдыха. Надо будет активизировать художественную самодеятельность, показывать новые кинофильмы, создать все условия для культурной жизни чабанов. А пока послать туда агитбригаду.

— Очень хорошо. Только наше решение надо утвердить на общем собрании.

«Сомневается или хочет застраховаться», — подумал Хеймер-оол.

Боражик, словно угадав его мысли, просто сказал:

— Ты не думай, что я испугался или хочу оградить себя от хлопот. Наша идея должна стать общим решением, понял?

Хеймер-оол убедился в откровенности председателя. А Боражик и в самом деле был захвачен этой мыслью, только смотрел на вещи более трезво и спокойно. Теперь им легко было ехать рядом в согласном молчании. Вдали виднелись синие отроги гор, тянулась, на сколько хватит глаз, просторная степь с горьким ароматом полыни.

Они въехали в село и распрощались. Боражик направился домой. Грусть его как рукой сняло. Он ощущал свою силу и чувствовал, что еще многое он может сделать для колхоза. Боражик ехал мимо двора Шорулбы. Старуха словно поджидала его.

— Чем занимаемся? — крикнул ей председатель.

— Да вот есть разная работенка: то корову отгонишь, то телят напоишь. Так и носишься от одного к другому весь день. Работа меня любит.

Боражик был занят своими мыслями, но коли спросил — надо выслушать.

А Шорулба тараторила:

— Все мы такие бабы, не можем сидеть, лежать без дела, все носимся.

— Лишь бы не уставали, — вставил Боражик.

— Это верно. Никто вроде нас не гонит. сами с ума сойдим. Кто за скотом смотрит, кто за детьми. Но есть и другие: чаю напитокся — и бежать за ворота за молодыми вслед.

Боражик прислушался:

— Ну, тут ты неправа, мать. И за молодыми иногда не вред побегать — полезно для здоровья.

Он решил, что пора кончать точить лясы, и дернул коня за повод. Однако старуха снова прилипла:

— Значит, вы рады этому?

— Почему я? Пусть те радуются, кто бегаёт.

— Ойт, дарга, вы знаете вон тот маленький домик?

Он удивился:

— Ну и что?

— Да как сказать вам, растерялась я совсем,— зачастила невпопад Шорулба.— Я там каждый день прохожу с коровой, мне все видно, кто туда входит и выходит. Даже могу точно время сказать — бываю свидетелем, хочу я того или нет. Встречаюсь я, как сейчас с вами...

— Ну? — не вытерпел Боражик.

— Хозяйка ваша обитает там все время. Что ей там понравилось, ума не приложу,— выпалила ехидно старуха.

— Значит, есть у нее дело, почему не зайти?

— Конечно, без дела не ходят. Только вот за каким делом к молодому парню? А выходит оттуда — вся сияет и улыбается и оглядывается по сторонам...

Боражик медленно отъехал, слыша вслед ехидный старческий смех.

22.

Боражик подъехал к дому. Дверь была на замке. Он сошел с коня, расседлал его и отвел на конный двор. Когда вернулся, жена была уже дома. Веселый по натуре, Боражик никак не мог свыкнуться с тем, что жена постоянно надута, недовольна. Но он не стал возмущаться вслух. Сбросив безрукавку, спросил:

— Где у нас топор? Пойду дров наколю, прохладно что-то у нас.

Янма ворчливо ответила:

— Где только пасутся твои глаза?

Боражик присмотрелся к жене. Лицо у нее было напряженное и злое. «Что ее тревожит, о чем она думает? Может, старуха и правду говорит», — подумал Боражик.

Он вышел во двор, расколол несколько крупных поленьев и занес домой. Но дрова никак не хотели разгораться.

— Затопить и то не можешь! Дай, лучше я сама, — сказала жена, но он отказался:

— Печь я разожгу, а ты готовь, вари.

Вскоре в печи затрещали дрова.

— С обеда остался суп, подогреть? — спросила жена.

— А больше ничего не стоговила?

— Не успела, — ответила Янма и загремела посудой.

Боражик взглянул на жену и просто спросил:

— А где ты была?

Янма ответила не сразу.

— Куда бы я пошла...

— Да я просто так спросил. Ты же сама сказала, что не успела приготовить ужин.

Вспомнив, куда она ходила и с кем встречалась, Янма покраснела и, чтобы не выдать себя, повернулась спиной к мужу:

— Куда же я денусь, все дома торчу одна.

Это было сказано так неискренне, но Боражику не захотелось уточнять отношения, просто ему хотелось поделиться впечатлениями дня.

— Знаешь, я хочу рассказать тебе одну историю.

Жена молчала, словно не слышала.

— Как по-разному живут люди! Бывают юрты, вроде ничего интересного, а присмотришься — и не хочется уходить оттуда — весело, душевно, открыто живут люди. Вот у нашего ветеринара Менниг-Қара так хорошо и уютно. Вещей немного, и они не дорогие, все так просто, скромно, ничего лишнего. У него молодая жена и сынишка. Они очень дружны между собой, все переглядываются, да так нежно и ласково — приятно посмотреть. Если б все так жили! А то есть — пьют и дерутся, и скандалят из-за пустяков...

Янма резко оборвала мужа:

— Так вот ты куда едешь? Сидишь, значит, и любишься? Наслаждаешься?

— Да, я туда не один раз заходил погреться.

— Ну и хорош ты. И зачем домой возвращаешься, сидел бы подле молодой бабенки?

Боражик огорчился от такого поворота разговора:

— Что ты, сдурела совсем? Зачем она мне? У меня у самого молодая жена, — заискивающе добавил он.

— Ерунда! — фыркнула жена и оттолкнула тарелку от себя, разлив суп по столу.

— Зря ты говоришь так, — миролюбиво продолжал муж. — По-разному устраивают люди жизнь. Сколько я посмотрелся — могу рассказать тебе не один случай. Уверен, что и тебе пойдет на пользу.

Янма пересела на стул у окна, отвернувшись от мужа.

— Вот иной раз зайдешь в юрту — ни ответа, ни привета, все молчат, как каменные бабы. Значит, ссорились до твоего прихода. И ругаешь себя — зачем пришел сюда, торопишься уйти. Разве это жизнь. Это загнивание. Настоящая жизнь должна быть с высоким тонусом. Я так жить не могу, — голос Боражика окреп, он раскраснелся.

Янма ехидно вставила:

— Скажи, какой мечтатель выискался...

Боражика задело за живое:

— Человек — хозяин своей судьбы. Она зависит от него самого. Так и мы с тобой. Захотим жизнь наладить — и она изменится к лучшему. Только нужно каждому приложить усилия.

— Легко у тебя все получается, — не удержалась опять Янма.

Боражик заговорил с прежним напором:

— Жизнь сама по себе не меняется, для этого надо потрудиться. Человек силен, когда у него есть мечта.

— Все мечты твои на вершинах горы, а что делается у подножия — не видишь. Тебе бы только ездить туда-сюда, не сидеть на месте. И дома не надо, и жены. Пропади ты со своей работой, — Янма вздернула плечами.

Боражику эти слова показались слишком жестокими. Он всегда жил для других, забывая о себе.

И пытался доказать правоту своих взглядов на жизнь:

— Да, я мечтатель и горжусь этим. Меня вдохновляет не жена, а работа. Это главное в жизни. А жена должна украшать дом — и только.

— Ах, так... Украшать, как вещь, да? — вспыхнула Янма.

— Ну, а как же иначе? Я хочу тебе сказать о самом дорогом для меня. Меня вдохновляет общее дело, я хочу, чтоб народ наш жил лучше, чем теперь. Партия все делает для этого, и я буду служить своему делу. И ничто не заставит меня свернуть с пути. Так уж сложены большевики.

— «Сложены», — передразнила Янма, — ерунду говоришь. Не в этом только состоит жизнь.

— Ну нет, милая, не говори зря. Хотя женщине на то и дан рот, чтобы болтать. Не смей трепать языком. Если бы не большевики, разве появилось бы на свете наше государство — СССР? У нас растут заводы и фабрики, появились колхозы, украшается жизнь на нашей земле. Кто, думаешь, главный строитель жизни? Народ и большевики. Я — малая частица партии, но и моя доля есть в общем труде. На том стоит моя вера.

«Какое мне дело до партийцев? Пусть строят — раз надо. Мне нужна другая жизнь. Я живая женщина и хочу только ласки и любви», — думала между тем Янма, мысленно не соглашаясь с мужем.

У Янмы тоже есть свой план. Не было любви в их семье, да и возникла она случайно. Прожить столько лет вместе! Какая горькая ошибка!

Надо своим ~~поведением~~ ~~заставить~~ Боражика отказаться от нее. Пусть он ~~заставит~~ ~~развод~~. А Янма ~~пилю~~ ~~илою~~ своей любви

согреет остывшее сердце Хеймер-оола и вернет его себе. И тогда начнется настоящая, счастливая, озаренная любовью жизнь. Это пока мечта, но она добьется ее осуществления во что бы то ни стало. Иначе не стоит жить. Если Боражик умеет добиваться своего, то и она не хуже справится со всеми преградами. Янма решила бороться за свою любовь и мечту.

23.

Янма шла встречать корову и мечтала о Хеймер-ооле. Снова ей встретилась Шорулба. Еще издали улыбнулась и спросила шило:

— За коровой идешь?

— Да, а то забредет куда-нибудь.

— И моя такая же. Пойдем вместе встречать.

Когда они поравнялись с домом Чанчыкмы, Янма исподтишка посмотрела в окно. Никого — и дверь на замке. «Значит, не приехал... Хоть с матерью поговорить, что ли?» — думала Янма. Но Шорулбу провести было не так просто. Она видела насквозь.

— А ты слыхала?

— Что?

— Старуха собирается женить сына, — Шорулба кивнула головой в сторону дома.

— Вот как? На ком же? — с нескрываемой тревогой спросила Янма.

— Кто его знает? Есть тут один старик Чудурук, так, рассказывают, его дочь сватают. А может, просто болтают дедир-дедир¹. Он редко бывает в селе и толком ничего не узнаешь сразу. Вот я и растерялась, ума не приложу. И дом со вчерашнего дня на замке.

Слова Шорулбы, словно невидимые иголки, пронзили Янму насквозь. Ей хотелось убежать, чтобы не слышать и не видеть вредной старухи...

Она опомнилась только у своего дома. Корова была подоена соседкой. Молоко стояло в подойнике на столе, прикрыто чистой марлей. Янма решила собраться с мыслями и не падать духом. Она подошла к зеркалу и стала расчесывать свои длинные, густые, с вороненым блеском волосы. За этим занятием и застал ее муж...

Утром Боражик встал, как всегда, рано. Жена отмалчивалась. Он решил больше ее не уговаривать, оделся и пошел

---

¹ Дедир-дедир — сплетня.

на конюшню за конем. Потом зашел домой, решив захватить с собой какой-нибудь еды (день долгий, и ездить придется много). Жена пулей пролетела мимо него. И не успел он опомниться, как она легко вскочила на оседланного коня и ушла.

Боражик удивленно покачал головой, зацокал.

— Ну и беда. Что с ней стряслось? А вообще-то пусть поедит, может, блажь пройдет.

Янма приехала к Чудуруку. Пританчившись, проследила — нет ли здесь Хеймер-оола. Его не оказалось. Из юрты вышла Хураганмай, птицей взлетела на коня и поехала на пастбище. Туда же направила своего коня и Янма. Женщина пристально вглядывалась в свою соперницу — какова она? Потом спешилась, подошла к девушке, обняла ее за плечи и выдавила из себя короткий смешок. Хураганмай, что-то почувствовав необыкновенное в поведении этой странной незнакомой женщины, не улыбнулась в ответ.

Янма поняла, что она не из упрямых, но и не из слабых натур. Постепенно злобный порыв угас, и Янма спокойно спросила:

— Как тебя зовут, сестренка?

Хураганмай, хмурясь, ответила нежным голосом:

— Хураганмай. А что?

— Просто так. Ты славная и хорошенькая, вот я и решила познакомиться. А меня ты, надеюсь, узнала?

— Да, я видела вас в селе.

Янма продолжала ревниво вглядываться в лицо чабанки. Хураганмай стояла этого. У нее были правильные черты лица: мягкий взгляд черных глаз, румяные от ветра щеки, подетски припухшие губы, круглый подбородок — все ладило между собой. Такая могла вызвать зависть любой девушки и вскружить голову не одному парню. Если бы обе женщины внезапно предстали перед Хеймер-оолом, он бы предпочел невинность одной зрелой силе другой.

Это ясно видела Янма и поняла, что ссориться здесь не стоит. Нужно просто немножко схитрить. Уж она-то знала вкус и цвет жизни.

Янма оживленно заговорила:

— Ну, как ты живешь здесь? Что у вас нового?

Девушка неспешно отвечала:

— Живем и работаем, как обычно. Ничего особенного у нас в аале не происходит.

— Ну, а как насчет любви, милая? Есть у тебя парень? — напрямик резанула женщина.

Хураганмай бережно относилась к слову «любовь». Она берегла его в тайниках сердца и вслух никогда не произносила, разве что в песне. Вопрос покоробил застенчивую девушку, но она ответила гордо и твердо:

— Конечно, есть.

— Еще бы, такую молодую всяк не прочь полюбить... Янме не терпелось узнать имя, но она сдержала себя и мягко спросила:

— А он тебя любит?

— Не знаю... Наверно,— ответила просто девушка.

Янма не удержалась от смеха:

— Значит, ты любишь, но не успела спросить, любит ли он? Ну и любовь...

«Это настоящая любовь»,— думала про себя девушка и ждала, чем все это кончится.

А Янма продолжала выпытывать:

— А чем он занимается?

Хураганмай замялась, помедлила и выпалила:

— Это наш зоотехник Хеймер-оол.

У Янмы задрожали ноги, и сердце покатилося вниз.

Но она снова обуздала себя и, стараясь не выдать, с видимым спокойствием продолжала разговор:

— А где он сейчас?

— Дома, наверное.

— У вас или у себя?

— У себя, конечно,— удивленно ответила девушка.

— Не удивляйся, милая. Я просто так спросила, потому что кое-что слышала о нем...

Янма бы на месте девушки сразу спросила — что именно. Но Хураганмай доверчиво ждала дальнейшего разговора. Янма постаралась вести себя так же неторопливо и достойно:

— Говорят, он живет с библиотекаршей. Ты знаешь об этом?

Девушка не изменилась в лице, была так же кротка и молчалива, как ей показалось вначале. После минутной паузы чабанка своим певучим голосом сказала:

— Этого не может быть.

— Ты мне не веришь?

— Это неправда.

— Ты очень веришь зоотехнику?

— Да, он хороший человек.

— А если это не так?

Хураганмай взглянула на Янму и покачала головой.

— Я ему верю, потому что люблю.

— А если он тебя не любит?

— Он полюбит меня, потому что я его люблю.
— А как же ты добьешься?
— За любовь надо бороться.
— А если он любит меня? А если я приехала за ним?
— Тебя? — девушка вскинула на нее свой прямой и доверчивый взгляд и сказала:

— Раз ты едешь за ним, значит, он тебя не любит. Я люблю его и буду любить и никому его не отдам...

«Как она уверена», — подумала с болью Янма и продолжала запутывать девушку. Она говорила о Хеймер-ооле всякие гадости, обливала его сплетнями. Но не могла разубедить девушку. Сталь и та прогибается от тяжести, а Хураганмай была непоколебима в своей вере в любимого. Чем больше и хуже говорила Янма, тем тверже становилась девушка.

«Так, пожалуй, еще хуже все испорчу», — подумала женщина и умерила свой пыл. Она вскочила на коня, с трудом раздвинув в улыбке губы. Девушка словно не замечала ее отъезда. И это еще более рассердило Янму. Холодно взглянув сверху вниз, она пришпорила коня.

Хураганмай пошла вслед за овцами, ведя коня за повод.

24.

Хураганмай села верхом на коня и завернула овец домой.

На перевале показался человек. Он вел своего коня за узду и спускался вниз. Девушка сразу узнала Хеймер-оола, дернула коня за повод и устремилась во весь опор навстречу любимому.

Хеймер-оол с радостью в сердце ожидал девушку. Соскочив с коня, она кинулась с размаху в объятия Хеймер-оолу и замерла, уткнувшись лицом в его грудь. Он бережно гладил ее черные, как смоль, волосы.

Так они простояли довольно долго, слушая перестук своих сердец. Девушка опомнилась первой, подняла свое лицо к Хеймер-оолу и сказала:

— Я никому тебя не отдам. И ты меня никому не отдавай, ладно? Потому что я твоя, и я тебя люблю, даже если ты меня не любишь.

Слова были сбивчивы и просты. Хеймер-оол оценил смелость и искренность девушки и ответил просто:

— Меня никто не хочет отнять, родная моя...

— А если найдется такой человек?

— Ничего не получится, потому что я тоже люблю тебя.

Хураганмай благодарно прижалась к нему и задумчиво продолжала:

— Ты ничего не думай такого. Мы же не ревнуем друг друга. Я просто так сказала. У нас сегодня такой день, и все эти слова не могут выразить моих мыслей. Верно?

Хеймер-оол не удивился словам, полным высокого смысла, услышанным из уст молоденькой девушки, только начинающей жить. Так мог говорить человек, который хорошо знает жизнь, испытал на себе ее взлеты, падения, сомнения. Он поразился ее чуткости, женской интуиции и ответил ей мягко:

— Я горжусь твоей любовью и верю, что мы будем счастливы.

— Да, дорогой, пусть будет так, как ты сказал. Если жить — так весело, с радостью. А если любить — то преданно. Пусть всегда твоей любовью буду я, а моей — ты, — девушка прижалась к Хеймер-оолу и тихо шепнула:

— Поцелуй меня.

Хеймер-оол наклонился и стал нежно целовать ее чистый высокий лоб, ровный пробор волос, вдыхать невинный молочный запах девичьего тела. Девушка взяла в свои маленькие руки его лицо и, глядя прямо в глаза, поцеловала его сама. Это была молчаливая клятва на верность и преданность. И Хеймер-оол так и понял ее. Тихими свидетелями была зеленая степь и голубое небо Тувы.

Они были счастливы вдвоем и полны любовью. Все вокруг стало таким радостным и близким: эти серые горы, широкие долины, чуть ощутимый аромат горькой полыни — чашпан.

Хеймер-оол поднял любимую и закружил ее на месте. Любимое лицо, запрокинутое вверх, поплыло перед глазами. А потом все элилось в одно сине-зеленое марево. Казалось, весь мир кружится с ними в счастливом танце..

Вечером они сидели в юрте Чудурука. Старики как-то без слов поняли состояние молодых. Мать делала вид, что очень занята кухней, а Чудурук мучился, не зная, как начать важный разговор.

В начале следующего месяца назначили день свадьбы.

25.

Хеймер-оол приехал в село. Он шел по улице, окрыленный любовью. Все встречные улыбались ему со значением. Казалось, что все хотят ему что-то сказать. Одна старая Шорула, увидев его, окликнула, догнала и мигом спросила:

— Откуда же ты так рано, сынок? — старуха улыбнулась сухоньким ртом, всем видом своим давая знать, что ей известны все тайны мира.

— Ездил по делам. А что такое?

Шорулба ерзала от нетерпения, так ей хотелось скорей выложить новость. Но она еще тянула, чтобы продлить удовольствие:

— Так ты ничего не знаешь, бедный? Вчера потерялась жена председателя. Куда она могла подеваться? Ты не видел ее случайно?

— Как же я мог ее увидеть?

— Конечно, конечно,— закивала головой старуха.— Я просто так спросила, на всякий случай.

— Так что же случилось?

— Вот и мы удивляемся. Странная она была. Приехала чья-то, стала ругаться с мужем, разбудила соседей.

— Так она нашлась? Так бы и сказала сразу.

— Ой, что она вытворяла, стыдно было слушать и смотреть. Председатель не знал куда деваться от стыда. Тебе-то что, ты молодой...

— А меня зачем сюда приплетаешь?

— Так ведь она замужняя,— замялась Шорулба.

Хеймер-оол понял, что она еще долго намерена тянуть, и нетерпеливо сказал:

— А дальше что?

Старуха заговорщически оглянулась, не подслушивает ли кто, и прошептала:

— Она кричала, что не любит мужа, а любит тебя, Хеймер-оол. И это слышали все. Вот видишь, это не я тебя при-мешала, а она,— зачатила старуха.

Хеймер-оол пожал плечами и не особенно-то поверил болтливой Шорулбе. Однако решил про себя, что без ветра и трава не колышется.

Он направился к дому, а Шорулба осталась стоять с ехидной улыбкой на сухих губах.

Мать была дома.

— Что нового, мать?

— Ничего, сынок. Где ты был? Сижу и гадаю, куда бы ты мог уехать. И что за привычка — сел на коня и пропал на несколько дней.

Хеймер-оолу стало стыдно, он подошел к матери, неловко погладил ее седую голову:

— Работа такая, мама. От одного чабана до другого большие расстояния. Вот и приходится ночевать. И был я там недолго — два дня.

— Вот ты говоришь недолго, а для меня солнце никак не восходит без тебя, пока я жду тебя — и день тянется долго, Хеймер.

Сын вдруг заметил, как постарела его мать, и ему стало жаль ее до боли в сердце:

— Мама, я не забываю о тебе. Ты меня выкормила и вырастила. Я всегда помню о своем долге перед тобой. Но государство дало мне образование, чтоб я мог лучше, с большей пользой работать. А сейчас, знаешь, сколько хлопот: нужно утеплять старые кошары и строить новые, заготовить корма к зимовке. Забот мне хватает. Вот я и езжу.

— Работать надо, сынок. Я ничего не имею против этого. Но почему ты один все ездешь и хлопочешь. Других-то не видно, которые бы не слезали с коня сутками. Смотри, не надорвись.

— У нас большое поголовье: и овец, и коров, и лошадей, и верблюдов. Хорошо перезимовал бы наш скот — и я был бы счастлив.

Мать задумалась над словом «счастье»: «Что сын понимает в этом? Он еще молод. Счастье — это когда ты одет, обут, сыт, когда есть хорошая жена и дети. А что есть у него? Ради кого он старается?»

Хеймер-оол в свою очередь думал: «Эх, мама, устарело твое понимание жизни. Главное счастье жизни — работа». Но он ничего такого не сказал матери, чтобы не обидеть ее и ответил так:

— Сейчас все работают, каждый старается внести свою долю в общий котел. А я должен работать больше и лучше других, потому что молод и имею знания.

Мать вздохнула грустно:

— Работай как все, не забегай вперед, сынок. Все равно никто не заметит твоего старания, послушай меня.

— А меня радует сама работа, я вижу в ней большой смысл. Ради этого стоит жить.

— Конечно, труд — главный удел человека. Но сейчас я печалюсь о другом.

— О чем же, мама?

— Я уже старуха и, кто знает, может, пора собираться за красной солью.¹ Рано утром или поздно вечером я покину тебя. И мне хочется, пока у меня глаза влажные, женить тебя.

Мать жалобно посмотрела на сына.

«Она права по-своему», — подумал он и, понюхав седую голову матери, сказал:

— Есть, мама, хорошая девушка на примете. Скоро она придет к нам, и ты ее увидишь сама. Я думаю, она тебе понравится...

---

¹ Собирается за красной солью — умереть.

Дверь внезапно раскрылась, и на пороге появилась Янма. Она стремительно подошла к Хеймер-оолу и села рядом с ним на кровать. Чанчыкма несказанно обрадовалась. А Хеймер-оол поразился настойчивости женщины:

— В чем дело, Янма? Что тебе здесь нужно? У тебя есть свой дом, семья. Не делай глупости. Ты сама портишь свою жизнь. Думай лучше, как ее наладить.

Янма слушала не перебивая, склонив красивую голову, а потом сказала:

— Эх ты, испугался? Не бойся, не буду вешаться на твою шею, если не хочешь. Только вот хочу спросить тебя: тебе не жаль нашей юности или там все было плохо?

— Поздно жалеть. Детство кончилось давно. Мы взрослые люди, и каждый идет своим путем. Буду откровенным — у меня есть девушка, с которой я дружу. Она мне по душе, с чем и можешь меня поздравить.

— Ой, дадайым, наконец-то, — обрадованно запричитала мать, — кто же она, тувинка ли?

— Это Хураганмай, мама. Дочь Чудурука. Скоро будет свадьба, готовься. Думаю, что мы обязательно пригласим Янму.

В открытую дверь вошла Хураганмай. Она поздоровалась со всеми, а потом подошла к матери. Чанчыкма растерялась и порывисто поцеловала девушку в лоб:

— Ой, урум, доченька моя.

Нежным, певучим голосом она произнесла:

— Я пришла познакомиться с вами, мама. Примите меня.

Старуха внимательно пригляделась к ней, ей понравился мягкий взгляд черных глаз, доверчивость и несуетливость девушки, и она прижала ее к себе с открытым и радостным сердцем:

Красавица ты моя...

Янма стала невольной свидетельницей нового обряда, придуманного Хураганмой. Никто в их селе не приходил в дом жениха так открыто и прямодушно, как эта девушка. Ибо крепка и нерушима была ее любовь, и она готова была за нее постоять, если понадобится. Старуха была растеряна, удивлена и обрадована. Хеймер-оол — растроган поступком любимой. Маленький домик был полон счастья. И никто не заметил ухода Янмы.

26.

Хеймер-оол проработал больше года. За это время произошло много разных событий. Он полностью окунулся в работу. Сейчас его тревожил один большой вопрос — рентабельность овцеводства. Он много прочел литературы по этому

вопросу, изучал опыт других республик и теперь готовился к большому разговору в сельхозотделе района. Вскоре случай представился. Собралось представительное собрание работников сельского хозяйства. Хеймер-оол случайно встретился с Агар-оолом. Он спешил на работу с набитым тяжелым портфелем в руках. Вид у него был рассеянный, он явно ничего не видел вокруг. Тоже один из неустойчивых. Но Хеймер-оола он заметил:

— Приехал на собрание? Будешь выступать? — и закидал его вопросами.

— Если дадут слово, выступлю.

— Я запишу тебя в прения. С чем ты хочешь выступить?

— Скажу о каракуле...

— Ну, давай, дорогой,— и Агар-оол убежал от него.

Небольшое помещение было заполнено до отказа. Собрание открыл председатель райисполкома. Докладчиком был вездесущий Агар-оол. Он долго говорил об организованном проведении зимовки скота, о работе пунктов искусственного осеменения овец, критиковал разные недостатки в колхозах и закончил любимым коньком — каракулем. Он подчеркнул, что надо в массовом масштабе закупать баранов-производителей каракульской породы всем колхозам.

Начались прения. Хеймер-оол внимательно слушал, не выскажется ли кто из ораторов по его теме. Он выступал шестым. Хеймер-оол заметно волновался и старался говорить сдержанно и аргументированно. Он говорил, что овцеводство в их районе развивается односторонне. Увлечение каракулем не дает положительных результатов, эта порода не годится в местных условиях. Хеймер-оол предложил обдумать дальнейшее перспективное направление в овцеводстве и внедрить новые методы обогащения местной мясо-шерстной породы.

С резкой критикой на молодого зоотехника обрушился представитель опытной станции Абрамов, который оценил его выступление как политически вредное. В заключительном слове Агар-оол прошелся по предложению Хеймер-оола, а затем после собрания вызвал к себе и, в присутствии Абрамова, сделал внушение. Поднялся спор.

Абрамов заявил:

— В Туве есть все условия для каракулей. И вы явно заблуждаетесь, молодой человек.

— Это доказано самой практикой и осуществляется во многих колхозах,— вступил в разговор Агар-оол.

— А где же реальная польза, доход? — спросил Хеймер-оол.

— Не все сразу. Поживем—увидим. Мы боремся за эту породу, иначе бы нас здесь не держали.

— Не видно пользы.

Агар-оол взглянул на Абрамова:

— Вы слышите, Лев Абрамович? Он говорит не думая. Хеймер-оол загляделся в окно на дальнюю гряду гор. Он хотел собраться с мыслями для отпора.

И твердо начал:

— Овцеводство у нас топчется на одном месте, поголовье не растет. Кто будет думать об улучшении местной мясошерстной породы? Надо разумно планировать, испробовать, может быть, все породы, пригодные в наших условиях, и при этом не испортить окончательно нашу местную тувинскую овцу.

— А что вы скажете о каракуле? —опять насел Агар-оол.

— Практической пользы пока не видно, хотя ваш эксперимент продолжаем. Это видно невооруженным глазом.

— С такими настроениями мы далеко не уйдем. Вы всегда видите только теньевую сторону,— грубо оборвал Агар-оол.

Лицо его покрылось нервными пятнами, он без надобности то и дело засовывал руки в карманы брюк.

Хеймер-оол перешел в наступление:

— Я все вижу и понимаю не хуже вас. Поймите меня правильно — я не вообще против каракуля как такового (мне самому нравится этот мех), но я твердо убежден в том, что у нас нет для него подходящих климатических условий. Он хорош для Средней Азии и приносит там большой доход. Афганский каракуль славится во всем мире. У нас он убыточен.

— Чем Тува хуже Афганистана? Наша мерлушка еще пойдет на экспорт, — гнул свою линию Агар-оол.

— Я веду речь о путях улучшения нашего овцеводства. За каракуль держатся те, кто больше думает о личной славе и выгоде. Для них все трын-трава. Лишь бы защититься и уехать.

— Я верю в силу науки,— высокопарно заметил Агар-оол, взглядом ища поддержки Абрамова.

Хеймер-оол продолжал:

— Любая наука должна быть связана с жизнью.

— Это уже не ваша забота, молодой человек.

— Нет, моя. Я болею за свой колхоз и хочу, чтобы люди работали и видели результаты своего труда. А специалисты для того и поставлены, чтобы двигать дело вперед, а не торозить его. Я еще раз повторяю — в Туве нужны овцы другой породы.

Агар-оол однако не отступал:

— Каракуль есть уже по всей Туве. И мы не можем так просто отмахнуться. Народ будет нашим главным экзаменатором. И хватит вести пустой разговор.

Спор, однако, на этом не окончился. Обе стороны стояли на своем. Но перевес был на стороне Агар-оола и Абрамова.

...Сложный это был вопрос. Сторонников каракуля было немало в областных организациях. Государство затратило много средств. И остановить все это было нелегко. Хеймер-оол решил не отступать, полагаясь при этом на могучую поддержку Боражика.

27.

Утром зоотехник пришел в правление колхоза. Боражик был на месте и с интересом стал расспрашивать:

— Ну, чем кончилось собрание? Что там говорили?

Хеймер-оол рассказал все как было. Между делом Боражик сказал, что отправил в Ак-Ой бригаду строителей на ремонт кошар и жилых домов.

— Великий спор разгорелся там.

— Что такое? — удивился Боражик.

— Я выступил против каракуля.

— Ну, и что тебе сказали?

— Обвинили меня, сказали, что это вредная линия. Но я спорил с ними и стоял на своем.

— А с кем?

— С Агар-оолом и Абрамовым.

— А, это тот самый, который получил кандидатское звание за книгу о пользе каракуля для Тувы? Знаю такого, приходилось встречаться.

— Я думаю, что наша прямая забота — повышение продуктивности животноводства. И бог с ними.

Боражик давно убедился, что этот паренек — толковый работник, но только слишком нетерпеливый. Он незаметно сдерживал его торопливость и помогал ему всячески твердо встать на ноги. Боражик решил твердо защищать линию зоотехника, хотя и предвидел возможные неприятности и упреки.

— Ты, видать, крепко задумал. Я голосую за. Давай действовать вместе.

Хеймер-оол искренне обрадовался:

— Спасибо, не ожидал. Хотя в душе верил и надеялся. Не подведу.

— Учти, перед нами возникнет много трудностей. Будет нервотрепка. Нужно поговорить с чабанами, с комсомольцами. Заручиться их поддержкой.

— Понимаю, дарга. Я верю в поддержку.

— Это хорошо. Без веры, как без солнца. И они стали думать, как повести дело.

Председатель согласился с предложением зоотехника рассортировать всех овец по породам и завести паспорта, по которым вести дальнейший учет. Кроме того, он выделил деньги на покупку производителей алтайской породы и дал возможность съездить в командировку в соседний район для обмена опытом работы.

Хеймер-оол взялся энергично за работу в отарах. Он поговорил с молодежью и вскоре приступил к сортировке на дальних стоянках.

...Молодожены жили отдельно от родителей, но часто навещали и Чанчыкму, и Чудуруков. Сегодня они приехали к чабану, чтобы помочь рассортировать овец. Хеймер-оол объяснил, для чего делается разделение овец — помеси останутся у него, а местную породу отдадут в специально выделенную отару. Старик укоризненно смотрел на зятя и качал головой:

— Снова лишние хлопоты, пусть бы были все вместе.

— Я же объяснил вам.

— Не знаю, что вы затеяли...

— Зато у тебя будет теперь одна порода, отец,— уговаривала Хураганмай.

— Надо браться за то, что хорошо знакомо, а не выдумывать,— ворчал старик.

— Как это я не знаю своих овец? Я их пасла и знаю,— без всякого умысла заметила дочь. Хеймер-оол обрадовался поддержке жены. Но старику это не понравилось. Морщины на его лбу поднялись под углом, вены вздулись, бородка зашевелилась. Он шел, ссутулясь, заложив руки за спину, с видом человека, застигнутого бедой.

А старик думал обиженно: «Что за народ пошел беспокойный! Один требует одно, другой — другое. Не поймешь, то ли так, то ли этак, не знаешь кого слушать, чью сторону принять. Было время — он противился каракулю, не хотел связываться с этой непонятной породой. Долго его уговаривали, и он не устоял, поддался — шкурки понравились. Потом его даже в газетах хвалили, как лучшего овцевода. А теперь на тебе вот. Зять с дочерью туманят ему голову».

Хеймер-оол стоял у входа в кошару и по одной выпускал овец на волю. Старик снова принялся ворчать:

— Кого вы мне оставляете, непонятно.

— Я же сказал — каракульских, и из других отар подбросим еще.

Чудурук сузил в гнев глаза:

— Так я буду пасти разный сброд?

Подъехал Боражик, поздоровался со стариком, перекинулся несколькими фразами с молодоженами и легко соскочил с коня.

Чудурук решил увести председателя в юрту и там пожеловаться:

— Прошу, дарга, входи в мою плохонькую юрту.

Там никого не было. Чудурук начал издали:

— Животные любят свою отару, им трудно будет разлучаться. У нас творится что-то непонятное.

Боражик переспросил:

— Что именно?

Начальство всегда хвалило моих овец. Наши самовольничают, хотя пригнать мне всякий сброд — па, мол, пасти на здоровье. Разные бывают овцы и пастухи. Ленивые люди часто держат скотину в кошаре, не выпуская. Намешают мне тут, подсунут худых овец. Что я буду делать?

— Пойми нас, старик. Мы хотим выправить положение, выравнять отары, очистить породу.

— Я на этом деле зубы съел. Нечего гонять овец туда-сюда. Они, как люди, привыкают друг к другу. И потом сколько хлопот! Я даже спать не могу спокойно в последнее время. Если брать, так забирайте всю отару. Когда у нас был дарга Агар-оол, было все тихо и мирно, никто никого не трогал и не беспокоил. Были бы овцы целы, план выполнен.

— Значит, тишины не стало? — усмехнулся чуть заметно Боражик.

Чудурук продолжал, не замечая:

— С появлением моего зятя тишины как ни бывало. Слишком он тут это самое... До добра не доведет. Послушайте меня, старика. Я всю жизнь с овцами, знаю их лучше вас.

Боражик стал успокаивать разволновавшегося чабана:

— Все будет в порядке, отец. Когда новую работу начинаешь — одно зацепляет другое. Овец станет больше — доходы будут лучше.

Чудурук замолчал, посасывая трубку. Тяжело он все переживал. А Боражик думал: «Вот она жизнь. Не видим дальше собственного носа. Говорим, что наша чаша полна, глядя на нескольких своих овец. Налетает буря, начинает качать юрту, вот тогда хозяин выскакивает и начинает привязывать ее арканом. Наступит джут, а с ним падеж — хозяин бегаёт, суетится, собирает ветки, скребет под снегом траву. И все равно говорит, что лучше нет жизни. А когда новое наступает, — кричит, отбивается от него — ничего не надо, кроме своей юрты и своих овец. Только не трогай меня, прнеси мимо».

Когда Боражик вышел, Чудурук последовал за ним. Председатель подошел к молодежи:

— Всех овец разделили?

— Скоро закончим. Нелегкая эта работа, оказывается. Каждый чабан начинает сомневаться. У одного упитанные овцы — жалко отдавать. У другого плохие, но все-таки ему знакомы хорошо. Пока убедишь одного и другого, время проходит.

— Побольше молодых привлекай. Они помогут.

— Они — моя опора, дарга. Старательно работает Менниг-Кара, хотя горяч бывает. Хватка у него хорошая. Ему помогают Кадыр-оол и Каржанмай. Хохотушка оказалась крепкой девчонкой, за все берется без оглядки. Она действует заодно с Торлукмой.

Хеймер-оол ласково взглянул на жену:

— А мы вот здесь с ней.

Боражик не расслышал добрые слова о трудолюбии Хураганмай. Рядом с Хеймер-оолом она расцвела еще краше. «Хорошая пара, ничего не скажешь», — подумал Боражик и поехал дальше.

28.

Хеймер-оол пришел в контору рано. Боражик с ходу сказал.

— Людей не хватает. Поезжай, помоги с перекочевкой на зимник в дальние аалы.

— Хорошо, я готов.

— Вот это правильно. Ценю твою безотказность. Молодежь должна быть в гуще жизни.

Боражик вскочил с места, прошелся по кабинету, заложив руки в бока. Потом быстро накинул пальто и вышел на улицу вместе с Хеймер-оолом. По дороге прихватили Кидиспей и направились в гараж. Боражик шагал размашисто, уверенно. Кидиспей едва поспевал за ним. Колхозники с удивлением долго провожали взглядом Боражика и Хеймер-оола. Они шли, увлеченно разговаривая и ничего не замечая. Боражик говорил:

— Сейчас возьмешь машину и поедете перевозить чабанов на Ыйгылак. Завезете им дров по пути.

— Это я что ли должен их перевозить, дарга? — засомневался Кидиспей.

— Поедете вдвоем. Одному там не управиться. Организуйте там молодежь и дружно все сделайте.

Во дворе гаража сидели два шофера, дымя сигарками и переговариваясь:

— Удивительный народ — наше начальство. Келдир-оол мучается, не может достать запчасти, машина у него не на ходу из-за этого. А заведующему Кидиспейю хоть бы хны, ни тянет, ни везет, никакой заботы. Поменять бы их местами — живо бы узнал шоферскую долю.

— Кидиспей чуть что — бежит к председателю. Сам ничего не может сообразить.

Увидев начальство, парни умолкли. В гараже стояло два грузовика, во дворе два трактора и комбайн. С техникой тогда было не густо. Нехватка ощущалась всеми хозяйствами. И только опытные организаторы умели добыть лишнюю машину. За технику Боражик бился крепко и постоянно доставал, что мог. В колхозе основная надежда была на гужевой транспорт — лошадей и быков. И они выручали, не подводили.

Боражик приветствовал каждого энергичным пожатием руки:

— Ну как, ребята, машины готовы?

Келдир-оол пожаловался:

— Из-за мелочи стоит моя машина, вот они и смеются надо мной.

— Что, мотор замолк? Ему не только надо заговорить, но и запеть веселую песню. А в чем дело?

— Лопнул ремень, и его у нас нет. У нашего завхоза никогда ничего не найдешь.

Кидиспей не ожидал критики и раскричался в ответ:

— Ты у меня никогда ремня не спрашивал. Напраслину тут не разводи.

— Я вчера у тебя был.

— Так ты просил не ремень, а придней.

— Я тебе говорил тувинским языком. Это одно и то же.

Все рассмеялись. Боражик подошел к машине, заглянул внутрь и сказал:

— Ну, ребята, это пустяк. У нас же есть эти приводные ремни. Я, помню, мы тогда из Кызыла привезли... А, товарищ Кидиспей?

Тот развел недоуменно руками:

— Не знаю, дарга.

— Ну, ремни такие круглые?

— А, вспомнил! Есть, конечно. Надо было спросить как следует, товарищ шофер, а потом жаловаться: «Ничего у него не найдешь». А откуда эти ремни взялись, сами прибежали? — ворчал он.

Надеть приводной ремень было минутным делом. Дав дальнейшие указания, Боражик пошел договариваться с МТС.

Кидиспей подбежал к председателю:

— Может, мне лучше не ехать? У меня работы здесь много, и так не успеваю.

— Ничего за день не случится. Твой склад не замерзнет, а там люди ждут.

— Кроме того, этот Келдир-оол задирается. Мне кажется, он мой большой недруг. Как бы чего не вышло...

— Я тебе несколько раз говорил, что надо верить людям. Он хороший парень и правильно тебя критикует. Нельзя в каждом замечании видеть злой умысел.

Кидиспей задумался. Боражик ушел. По дороге ему встретились библиотекари Светлана и Сарбакай. Боражик остановился:

— Куда вы торопитесь, девушки?

— К вам.

— Вот как? Значит, на ловца и зверь бежит.

— Нам нужна машина. У нас кончились дрова, в библиотеке холодно, и люди не идут к нам,— сказала Светлана.

Боражик подумал и сказал:

— Пойдемте, я вам дам лошадей. А машина занята на перевозке людей.

И Боражик весело зашагал с девочками. Это сразу заметили много пар глаз.

Одни говорили:

— Вот человек, а? И стар и млад рядом с ним идет — и всем весело.

— Значит, человечный. Народ его любит и уважает. С ним легко работать.

Другие, вроде Шорулбы, сплетничали:

— Что я видела, люди! Наш председатель-то гуляет с молодками. Или праздник сегодня какой?

Но острее всего были глаза Янмы. Она была во дворе и видела, как он прошел с девушками в правление.

Шорулба заметила председательшу и затараторила:

— Куда идешь? Что я хочу тебе сказать? Ах, да, совсем забыла, я сейчас видела, как твой Боражик прогуливался с двумя девушками сразу. Так им было весело, все шутили...

— Я знаю,— холодно ответила Янма. Она знала библиотекаршу, которая не раз бывала у нее и предлагала ей взять почитать книгу. А ей все было недосуг.

Старуха привязалась снова:

— И чего они только носят по селу, как угорелые, из дома в дом? Характер, видать, как у председателя, открытый, нараспашку...

Боражик пришел с работы домой. Жена, как теперь повелось, была молчалива — сердитая. Это было в тягость оптимисту Боражику, но он снова смолчал, чтобы не вызвать критического словозвержения.

Он переоделся в домашнюю одежду, занес дрова и принялся растапливать плиту. Не мог он сидеть без дела в такой обстановке.

Жена подошла к нему, вырвала из рук лучину и буркнула:

— Отойди отсюда.

— Я затоплю, а ты занимайся другим делом.

— Тоже мне, нашелся помощник!

А кто же тебе поможет, кроме меня?— проговорил Боражик, забыв о возможной перепалке. Он отошел и сел на стул.

— Вон отсюда! Иди к тем молодым девкам, они скучают без тебя,— вспыхнула Янма.

«С кем же я сегодня ходил?»— подумал Боражик и вспомнил библиотекаря.

— Они только устраиваются жить в нашем селе. Кто же поможет кроме председателя?

— Вот и бегай за ними!

— Человек один ничего не может. Дружные сороки одного верблюда всегда одолеют — как говорят у нас.

— Я и говорю, иди бегай, одолевай!

— Ну что ты затвердила одно и то же. Ты говоришь, что я заметен везде. От кого же я должен прятаться?

— Я еще раз говорю: бегай с этими девками.

— Я всегда буду бодр и весел. Жизнь теперь такая у народа.

— Эта самая Светлана — твой народ?

— Она достойный человек, и оставь ее в покое.

Боражик миролюбиво посмотрел на жену и пропел про себя частушку:

Слутывая коня путами,
не потеряй его совсем,
ревную своего Боражика,
не потеряй его совсем.

Как Янма ни старалась раззудить мужа, он был спокоен, и она утихомирилась. Вспомнила разговор с Шорулбой:

— Болтают про тебя разное.

— И ты переживаешь? Меня не в чем обвинить. Моя со-

весть бела, как молоко. А болтунам — лишь бы язык работал.

— Ты всегда выходишь сухим из воды. Все хорохоришься.

Боражик взглянул на жену:

— Я горжусь своими делами, новой жизнью. Мы, коммунисты, — люди особого склада. В наших руках будущее. Мы умеем работать весело. Уж такие мы неудержимые люди. В этом моя гордость и радость.

Когда Боражик говорил о своей принадлежности к партии коммунистов, он всегда испытывал особую гордость. Вот и теперь он от волнения говорил возвышенно и торжественно:

— Мы коммунисты не боимся никаких кривотолков. Собака лает, ветер уносит, а караван идет вперед. И я хотел бы, чтобы ты в этом брала пример с меня.

Янма, смягчившись, сказала:

— Вечно ты носишься, как на крыльях, а мне-то каково?

— У того, кто любит жизнь, — плечи высокие, грудь широкая. Вот и я такой.

— А люди не скажут, что ты бегаешь бахвалишься?..

— Пусть говорят, но меня не переменят.

— Значит, ничто тебя не тревожит, жизнь твоя ровная и гладкая, без бугорков — из одной радости состоит?

— А как же иначе? Ты только подумай. Человек есть зеркало своей души. Если он весел, значит, жизнь у него складывается хорошо. Кто поет — тот весел. И я — такой парень.

— Парень, — прыснула смехом Янма.

— А кто же? — он горделиво повел широкими плечами, напряг мускулы.

— Упрямый бык — вот ты кто.

Боражик довольно засмеялся.

30.

Разделение овец подходило к концу. Всякие толки понемногу улеглись, работа пошла быстрее. Теперь нужно было думать только о предстоящей зимовке. Прозимовать организовано и без потерь — эта задача легла на плечи Хеймер-оола. Но он не боялся ответственности, не сидел на месте, ездил по чабанам, тормозил нерадивых, помогал утеплять кошары, заботился о топливе — словом, дел было невпроворот.

Заехал к Кадыр-оолу. Овцы паслись недалеко. Молодой чабан был дома. Он недавно женился на хохотушке Каржанмай. Они отлично сошлись характерами, жили весело и дружно. Как поется в песне: «Мне столько же лет, сколько тебе, у меня такие же глаза, как у тебя».

При виде гостя молодая хозяйка принялась готовить обед. А Кадыр-оол рассказывал:

— Тут у нас на днях был Абрамов. Ругал нас.
— Что он говорил?
— Что мы без разрешения сортируем овец. И твердил все: анархист, анархист. А что это такое, кто его знает.
— Ну, а ты?
— Я ему говорю: в моей отаре нет вашей овцы.
Все рассмеялись.
— Да не говорил ты так, — давясь смехом, вставила жена.
— Ну, что-то вроде этого.
— Хорошо ты сказал, — и зоотехник стал чаевать.
Между тем приехал почтальон. Кадыр-оол стал просматривать газету и вдруг с досадой проговорил:
— И тут ругают.
— Кого?
— Лев твой.
— Не мой, а твой. Ты с ним говорил, — улыбнулась Каржанмай.

— Дай-ка я почитаю, — Хеймер-оол потянулся за газетой и, поудобнее пристроившись на кошме, стал внимательно читать. Кадыр-оол вышел посмотреть овец. В статье защищалась идея развития в Туве каракулей и рассказывалось о столкновении в колхозе «Алаак». Вся вина падала на зоотехника, который самовольно принялся внедрять новые методы в овцеводстве. «Нужно принять самые строгие меры, чтобы прекратить подобные проступки со стороны молодых специалистов».

Статья была резкая и крикливая. Как-никак Абрамов был авторитетом. Хеймер-оол задумался. Что же происходит в науке — в почете только труды Лысенко. Никто ничего не смеет сказать против. А сторонников у него очень много, даже у нас в Чадане. И в овцеводстве творится то же самое. Что-то тут не так, и с этим надо бороться.

Вошел Кадыр-оол:

— Надо стоять на своем, — выпалил он с порога.

— Я и не сомневаюсь, — ответил зоотехник.

Кадыр-оол, чтобы успокоить гостя, начал рассказывать:
— Абрамов приехал к нам давно. На язык большой мастер, часами говорит — не остановишь. Араты почтительно отпосились к человеку с высшим образованием. А он все ездил, приглядывался. Однажды приехал в наш колхоз. Ну, как водится, угостили его, а потом хозяин повел его к овцам. Ну вот к примеру, как я.

Жена рассмеялась:

— Ты-то здесь при чем? Не о себе говоришь.

— А что, я — главный чабан.

— А я кто?

— Ты — моя помощница.

— Ну, знаешь. Ухаживают за скотом в основном женщины, — заметила жена.

Кадыр-оол продолжал:

— Абрамову овцы понравились, все были хорошо упитаны. Но что было дальше? Среди овец оказалась коза ангорской породы. Они же такие любопытные. Вот она и направилась к нашему главному специалисту. Как он задал стрекача! Смех да и только. Как ни успокаивали его, он больше не подошел к отаре

— Хеймер-оол собрался уезжать. Хозяева вышли его проводить.

Зоотехник направился к Чудурукам. Жены не было видно. Куда же она делась? Она обычно была неотлучно при овцах. В юрте сидели Чудурук с женой, явно не в духе.

— Где жена?

— Сказала, что поедет в село. Разве ты ее не встретил по дороге?

— А что случилось?

— Наверно, к тебе поехала просто...

Старики были расстроены статьей в газете. Им прочла Хураганмай и сразу заторопилась в село.

Чудурук ворчал:

— Что я говорил! Так и вышло. Не послушались — и вот пропечатали в газете на всю Туву.

— Что же теперь будет?

— Наверно, снова станут овец смешивать.

— Вот будет заботушки.

За этим разговором и застал их зять.

Хеймер-оол вышел из юрты, посмотрел на ближнюю тайгу, которая была уже вся в снегу. Все было здесь родным: и эта степь, изрезанная тропинками, и эти серые горы, и белоснежная тайга.

Он ехал в село и дорогой думал, что все равно правда победит. Что, интересно, скажет ему Боражик?

31.

Председатель сидел в правлении и рассматривал заявления. К нему гурьбой ввалились Менниг-Кара с Торлукмой и Хураганмай.

Он приветливо усадил их:

— Ну, что скажете, неугомонные? Выкладывайте по порядку. Кто начнет? Я слушаю.

Они переглянулись, и ветеринар начал:

— По идее разговор должна вести Хураганмай.

Боражик обернулся к Хураганмай.

— Давай, дунмам.

Хураганмай медленно заговорила:

— Мы будем дружно стоять. И Хеймер-оола в обиду не дадим. И позорить его никому не позволим. Что говорят о нем, касается всех нас. И это я говорю не как жена, а как комсомолка.

Ее поддержали остальные:

— Она права. Его работа — наша работа. И ругань в его адрес придется и нам принять на себя.

Только теперь Боражик понял, в чем дело. Нельзя было не залюбоваться разгоряченной Хураганмой. «Молодцы, ребята. Понимают толк в дружбе».

— Я рад, что вы такие дружные и поддерживаете своего товарища. Вы оказались настоящими комсомольцами.

Менниг-Қара не выдержал, перебил его:

— Так как будет с Хеймер-оолом?

Хураганмай посмотрела прямо в глаза Боражику.

— Будем работать по-прежнему, до победного конца.

Ребята обрадовались. Значит, председатель на их стороне. С такой поддержкой не пропадешь.

— Он честный, старательный человек, — сказала молчавшая до сих пор Торлукма.

Когда все ушли, Боражик подумал:

— Хорошо с ними быть, вроде душой молодеешь. Люблю таких.

32.

Хеймер-оол зашел к Боражику посоветоваться, как быть дальше. Он успокоил его:

— Без трудностей в жизни не бывает. Только не падай духом, парень.

— Да нет, я и не думаю.

— Вот и правильно. Будем стоять на своем.

— Спасибо, дарга, — с чувством сказал Хеймер-оол. Дома его ждала огорченная мать. Она бесцельно переставляла посуду с места на место, принялась подметать пол и бросила.

— Что же это такое, сынок?

— А что случилось, мама?

— Разве ты не слышал? Говорят, тебя в газете процисали. Что ты мог натворить — ума не приложу.

— Не горюй, мама, об этом.

— Тут некоторые носятся, языками чешут.

— Новое всегда дается трудно.

Мать растревожилась еще больше:

— Что же теперь будет дальше?

— Там будет видно, мама. И не слушай никого.

Чанчыкма заплакала и стала вытирать слезы. Сын присел рядом, обнял ее за плечи:

— Не надо плакать. Мы должны быть твердыми. Давай лучше радоваться...

— Чему?

— Солицу, мама.

— Все же тяжело...

Вошла Хураганмай. Она сразу же оценила обстановку своим сердечно-понятливым умом и тоже принялась ее утешать, поглаживая седые волосы:

— Не расстраивайся, мы же все вместе...

Мать постепенно успокоилась и принялась кормить своих детей.

Раздался стук в дверь. Вошел Агар-оол. Поздоровался, сел на табуретку, поданную молодой хозяйкой, и шумно заговорил:

— Что у вас хорошего, тетушка?

— Ничего, все мирно, — ответила старуха.

Хураганмай присела рядом с мужем. Агар-оол обратился к ней:

— Ты теперь овсц не пасешь? Я слышал, что вы поженились.

— Я по-прежнему помогаю старикам.

Чанчыкма подала гостю чай.

— Читал газету? О тебе там интересно написано, Хеймер-оол.

— Только что говорили об этом.

— Ну и что?

— Однобокая статья.

Агар-оол улыбнулся и, наконец, сказал:

— Создана комиссия. Я приехал проверить факты. Ты лишнюю работу придумываешь мне.

— Кто это?

— Работал бы, выполнял все наши указания, и шума не было бы.

— Чьи указания?

— Вышестоящих органов.

— Что же, сидеть сложа руки и ждать указов сверху?

— Надо работать, но без самоуправства. Я проверю факты и доложу куда следует. На твоём примере будем учить других. Завтра приходи на правление. Будем с тобой говорить.

— Только со мной?

- Ты же виноватый, тебе и отвечать.
- Надеюсь, будет интересный разговор.
- Так и должно быть, — сказал Агар-оол на прощанье.

В доме стало тихо. Хеймер-оол думал: «Чужим умом живешь».

Молодые вышли на улицу. Солнце клонилось к закату. Дул вечерний холодный ветерок. Они пошли к реке подышать речной свежестью. Река обмелела, края ее подернулись тонким ледком. Шуршали сухие листья тополя. Начиналась шуга. Лыдинки толкались, кружились, задерживались на перекатах. Тальник на том берегу совсем облетел, и берег просматривался насквозь.

33.

Наступила зима, суровая, снежная. Подходили к концу запасы кормов. Скот находился в опасности. Хеймер-оол ехал на попутной машине, которая везла сено Чудурукам. Овцы рассыпались по степи и безуспешно пытались добыть корм из-под снега.

Чудурук был пасмурен. Он нехотя разговаривал с зятем. Зато мать была приветлива и говорлива, угощала гостя слабо забеленным чаем. Старик отрывисто бросил:

Овцы худеют, а сена нет.

— Это хорошо, что столько протянули.

— Трудно сейчас.

— Пройдут морозы, будет легче. Мы тут вам сена привезли.

— Я же говорил, что не надо было сортировать овец. Посмотри, как эти исхудали. А мои в любой мороз держались бодро. Какие были овцы! Они же привыкли к своей отаре.

— И эти привыкнут.

— Не знаю, перезимуют ли. У меня же сброд. Большинство овец Одекпена. А разве он умеет за овцами ухаживать? Он их все лето около себя держит, не пасет. Где же они поправятся... Много раз слышал это Хеймер-оол. Привык старик жить спокойно, не думает о завтрашнем дне. Вот и сейчас хочет отговориться на всякий случай. Хеймер-оол, немного согревшись, вышел разгружать машину. За ним и Чудурук.

Зоотехник сказал ему:

— Слабых овец держи в кошаре и подкорми получше.

34.

Хеймер-оол поехал дальше, в центр бригады. Там пока стояло два дома и три юрты. В одном из них жила Хураган-

май. Он пошел в кошару. Она была перегорожена на 3 части. В одном углу сидела жена с недавно родившимся ягненокм на руках. Он был слабый и вялый.

— Что это с ним?

— Болеет. Видишь, какой жалкий.

Хеймер-оол потрогал его:

— Простыл. Надо ветеринару показать.

— Я отправила Қаржанмай.

Вскоре пришли Менниг-Қара с женой и Қаржанмай.

Он послушал ягненка и назначил ему лекарство.

Всем нашлась работа: кто топил, кто готовил теплый соленый раствор, кто побегал за лекарством. Когда можно было, работали посменно. Старались не унывать, поддерживали друг друга, вспоминали разные песни и истории. Лучшим их утешением было трудолюбие. Недаром Боражик называл их неударжимыми.

35.

Боражику была под силу любая работа. Чем было труднее, тем больше у него прибавлялось силы и энергии. Трудности встречались часто, но он не унывал, умело выходил из любого положения. Глядишь: идет и улыбается задорно, как ни в чем не бывало.

Но вот в последнее время создалась странная обстановка. Броде бы ему перестали доверять. Он как-то сразу не обратил на это внимания. А заметив, пытался поговорить с парт-оргом, с членами правления — и безуспешно. Люди пытались уйти от разговора. Он стал задумчив, но держался бодро, никому не показывая своих переживаний.

Как это бывает в селе, Боражик привык вставать рано. На птичьей заре делал зарядку, умывался холодной водой, поскорее завтракал и уходил на работу. Дел было много, и он не замечал, как проходил день. Спыхватывался, когда уже наступал вечер.

Вернулся он домой поздно, пытался помириться со своей капризной женой, но ничего опять не вышло. Он долго лежал с открытыми глазами и думал, что вот опять приехала из района комиссия, и на этот раз интересовались его семейными делами. Их ссора дошла до района. Но утром он, несмотря на бессонницу, встал рано. Боражик пришел в контору и дал распоряжение бригадирам, всех отправил по рабочим местам. Пронзительно зазвенел телефон. Говорил Агар-оол:

— Есть указание, чтобы вы приехали в райцентр.

— По какому вопросу, не знаете?

— По телефону неудобно говорить. Приедешь — узнаешь. Словом, без опозданий, — и Агар-оол бросил трубку.

Боражик вышел на улицу, подозвал шофера и выехал в райцентр. Он молчал, а потом грустно сказал:

— Опять день пропадет сегодня.

Шофер взглянул на председателя, ожидая, что он скажет дальше:

— Что за работа, если едешь взад и вперед. А работа сложная, большая у председателя. Как ни дорожить своим временем?

Боражик замолчал, задумался:

— Вера в человека — большое дело. Каждому она нужна.

Эргил-оол от души посочувствовал:

— Это верно. Я по себе знаю. Если нет доверия — руки опускаются, работать не хочется.

Боражик зашел в кабинет Агар-оола.

— Ну, давай расскажи, что у тебя делается в твоём колхозе?

Боражик обрадовался. Он был готов к разговору:

— Почему в моем колхозе? Это ведь не моя собственность.

— А чей же тогда?

— Колхоз — это объединенное хозяйство. Так, наверное.

— Значит, ты отказываешься от колхоза, которым руководишь? — съехидничал Агар-оол.

— Я слуга народа, стараюсь оправдать его доверие. И я не могу сказать «мой колхоз». Я же не капиталист.

— Вот как ты выражаешься? Давай отчитывайся!

— Отчитываться я буду на колхозном собрании.

— Стало быть, Советская власть не может с тебя спросить?

— Вы не можете один быть Советской властью, так же как я один не составлю колхоза. Мы можем говорить как работник с работником.

— Все равно заставим говорить. И, схватив трубку, он доложил о его приезде.

— Сейчас будет заседание райисполкома. Там заслушают доклад нашей комиссии. Готовься выступать.

Людей было много. Боражик широкими шагами вошел в зал и занял свободное место. Заседание началось. Агар-оол стал докладывать о положении в колхозе «Алаак». Нашелся мальчишка-прожектор, который развалил хозяйство. Председатель, вместо того, чтобы положить конец вредительским

действиям, поддерживает его и тем самым тоже по сути занимается вредительством. В результате в колхозе начался падеж скота. Следует строго наказать коммуниста Боражика.

Боражик бросил с места реплику:

-- Прошу выразаться точнее. Я протестую против слова «вредительство».

-- А вы думаете — здесь нет вредительства? Из-за отсутствия бдительности вас используют наши классовые враги.

-- Не верю.

-- Кому?

-- Вам.

-- Вы слышали, товарищи? — обратился Агар-оол за поддержкой к собранию. И, не дождавшись ответа, продолжал:

-- В ваших делах нет ничего партийного, хозяйство отсталое, жена разболтанная. Боражик вскочил с места:

-- Прошу вас не оскорблять меня.

Он долго защищал молодого зоотехника. Но как ни старался, был обвинен. Победили сторонники каракуля. Кроме того, повлияло плохое поведение жены. Ему был объявлен строгий выговор за плохое руководство колхозом, за сознательное сопротивление научным методам ведения хозяйства, за поддержку вредителя Хеймер-оола и, наконец, за моральное разложение в семье. В кратчайший срок он должен был устранить все указанные недостатки, за неисполнение — принять самые строгие меры, вплоть до снятия с занимаемой должности.

Боражик вышел на улицу. Жадно вдохнул холодный воздух и подошел к машине. Шофера не было. В ожидании его он смотрел на дальние цепи синих гор и думал, думал...

Пришел шофер. Они тронулись в путь. Шофер с удивлением прислушался, председатель пел:

Красива моя степная страна,
родной мне близок народ.
Лесиста моя дорогая земля,
немногочислен мой малый народ.

В село они приехали к вечеру. Боражик вошел в дом и увидел пьяную жену, валяющуюся на кровати. Он опустился на стул в холодной комнате и молча слушал вопли пьяной женщины. Потом принес дров и затопил печь.

ЭПИЛОГ,

Шло время. Много событий произошло за это время. Боражик вышел победителем. Как его ни старались втоптать в грязь, он выпрямился, как дерево под лучами весеннего солнца, и вновь уверенно шагал по земле широким размашистым шагом. Только седины прибавилось на голове, но и она украшала его. Боражик жил верой и победил. Он любил людей, и они отвечали ему тем же. Между ними завязался прочный узел. С радостью в сердце Боражик изучал решения XX съезда партии.

Он ехал по Баян-Дугаю. Рядом с ним—Хеймер-оол. Весна боролась с зимой, легкий морозец румянил щеки, которые не боялись и 50-градусных морозов. Всадники поднялись на перевал. Выходило солнце, его отблеск лег на вершины соседних гор, на просторную степь. С этого перевала были хорошо видны течение извилистой Чаданы, караганники Теве-Хая, бурые скалы Бора-Булака. Они во всей красе лежали, как на ладони. Боражик и Хеймер-оол жадно вдыхали свежий чистый воздух горной вершины. Вдали виднелся родной «Алаак» с новой школой, больницей в центре. А вон там расположился центр механизированной чабанской бригады. Не пропала даром работа Хураганмай, Менниг-Қара, Торлукмы, Каржанмай, Қадыр-оола. Боражик гордился колхозной молодежью. Это они — хозяева этой земли. Он перебирал в памяти людей, и все ему были близки и дороги: ворчун Чудурук, его приветливая жена, простодушная Чанчыкма. Он не прожит без них, слишком многим связан с ними.

Всадники дернули удила и устремились вперед.

ГЛУШЬ

Главы из повести

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Хуралбай домой прискакал на заре. И до утра он не смог сомкнуть глаз. Мысли плыли в голове, как в ветреный день плывут по беспокойному небу облака. О многом передумал... И напрасно закрывал он глаза, крепко сжимая мягкие, как иголки лиственницы, ресницы. Глаза горели, словно кто-то бросил в них горсть песку. Хуралбай старался лежать неподвижно. Но сон не приходил. Вот уже поднялся дедушка, растопил очаг, поставил чай. Кто-то позвал дедушку. По гундосому голосу Хуралбай узнал хозяина Думчук-Кожая.

— Эй, ашак!² Оглох ты что ли, старый баран? Эй, Узун-Анчы!

Вроде, ничего особенного и нет, что хозяин ни свет ни заря позвал своего батрака. И все же тревожно на душе... Зачем понадобился дедушка? Да и приезжие «гостенечки». Эти солдаты... Сердце Хуралбая застучало так, что ему казалось, что обеими руками кто-то бьет по грудной клетке, просясь наружу: кровь ударила в голову, и дыхание участилось. «А вдруг пронюхал этот хитрый лис про мою поездку? Или...»

Старик молча вышел во двор, и там между Думчук-Кожаям и им не было произнесено ни одного звука. Это тоже Хуралбая заставило насторожиться. Немного погодя, Хуралбай встал, высунулся в дверь и стал вглядываться в предрасветные сумерки. Очертания предметов вдалеке стирались. Густая серая масса навалилась на землю. И все же виднелись две фигуры, шагающие друг от друга поодаль. Впереди, перебирая коротенькие кривые ноги, шел хозяин, за ним следовал Узун-Анчы, наклонившись всем туловищем вперед. Он сильно напоминал журавля, который наклонился к земле и что-то клюет. Какая-то волна острой жалости полоснула по сердцу Хуралбая. Именно в эту секунду он осознал, каким

¹ Начало в альманахе № 11.

² *Ашак* — старик. Пренебрежительное обращение.

дряхлым и немощным стал его дедушка Узун-Анчы. А давно ли он выглядел молодцом. Широкая грудь выгибалась колесом. И высокий был дед. Головой доставал до верхнего обруча бедняцких юрт. А сейчас время и жизнь пригнули его к земле. Спина дедушки вовсе не выпрямлялась.

Хенче тоже не спала.

— Зачем это, сынок, понадобился хозяину дедушка в такую рань?

— Не знаю, мама.

— Может, завтрак готовить позвал?

— А почему его надо было звать? Кажется, это всегда мы с тобой делали.

Не лежалось матери на постели. Она надела старенький халат, подпоясалась обрывком волосяной веревки и начала шуровать в очаге и, внимательно всматриваясь в лицо сына, спросила:

— Как ты думаешь, кто они — эти русские?

— Не знаю, мама. Мало ли на свете разъезжающих...

— А почему их дед твой соланами¹ назвал? Страшные дела они делают... Дедушка твой говорит, они людей убивают, как мух. Спаси и помилуй нас, всевышний. Я слышала страхом и всю ночь не могла заснуть, хоть глаза выколи.

— А дедушка откуда все это узнал? — поспешил скорей выяснить Хуралбай.

— Вчера вечером подслушал разговор Думчук-Кожая с Мыкылаем.

Мгновенно сообразил Хуралбай, почему вчера, когда он сидел в засаде за лиственницей, вблизи него треснула ветка. Это был дедушка. Каким бы ни был старым и хромым Узун-Анчы, но привычки охотника всегда были при нем. Ему ничего не стоило бесшумно выследить любую дичь.

Глухая речка находилась далеко от многолюдных аалов.² И почти никто не забирался сюда. Здесь, в глуши, никто не трогал, не обижал аратов. Но слухи о новой войне между белыми и красными доходили сюда и упорно держались. И слухи эти пугали людей. Правду скрывал Хуралбай не так от матери, как не хотелось ему, чтобы об этом узнали другие араты, все равно какие — взрослые или дети. И поэтому он решил увести мысли матери в сторону:

— Дедушка, наверное, не расслышал. И ошибся.

— Дедушка не настолько туг на ухо, чтоб перепутать что-то. Он же находился рядом. И ты куда-то запропастился... Я знаю... Он пришел и рассказал мне, что он с тобою рядом в

¹ Солан — солдат.

² Аал — стойбище, поселение, группа юрт.

засаде лежал. Да, да, не смотри на меня невинными глазами. Мне об этом сказал мой отец. Я хотела всех предупредить об опасности, сказать, что от этих вооруженных людей лучше убежать в леса и горы, что они могут каждую живую душу загубить. А дедушка твой затвердил одно: «Нет, нет, ни в коем случае не говори. Перепугаются люди. Прежде надо обо всем доподлинно узнать.» Ох, испугалась я, сынок, до смерти.

Обманывать мать не было никакого смысла. И Хуралбай решил ее успокоить:

— Не бойся, мама. Они же никого пальцем не задели, — и снова, открыв дверь, стал всматриваться. Посветлело кругом. Птицы щебетали на все лады. Утренний ветерок повеял в лицо Хуралбаю. На востоке вытянулась тонкой опояской алая заря. Но возле юрты с винтовкой через плечо маячил солан. Кого же караулил он в эту пору?

Хотя Хуралбай изо всех сил старался успокоить мать, но сам не находил покоя. Все в нем было напряжено, каждый мускул вслушивался во что-то.

Ой, не зря хозяин раным-рано увел дедушку. Может, куда-нибудь послал его, а может, допрос учиняет со своими гостями над ним. Ведь винтовку хозяина Хуралбай взял, каурку спрятал... А вдруг об этом узнал Думчук-Кожай? Когда же дедушка придет? Ох, как тошно находиться в неведении. Хоть бы показался дедушка. Но вместо него из одной юрты в другую то и дело с посудой сновала старшая жена Думчук-Кожая. На желтом морщинистом лице лежала печать непроходимости. Словно на свадьбу разоделась она. На ней было совершенно новый чесучовый халат с оранжевой опояской и черные сапоги с твердым голенищем. Вскоре показалась и молодая жена бая.

Не затихало сердце, нет! Оно волновалось, как бурливая река в половодье. И мать, потеряв надежду, что вернется ее отец, запечалилась.

Редко, очень редко приходилось бывать Хуралбаю в юрте бая. Он трудился с утра до ночи с матерью в батрацкой. Сейчас надо идти и узнать обо всем. Мать сидела в каком-то оцепенении. Хуралбай вышел и направился к юрте бая, но часовой отчаянно замахал рукой и выкрикивал какие-то слова, которые, видно, обозначали запрет. Юноша остановился. В это время из черной юрты вышла красивая, как утро, молодая жена Думчук-Кожая. Она была в простом халате, щеки ее горели, как горные маки, большие черные глаза то сверкали, то меркли, когда длинные черные стрелы ресниц касались ее щек. Когда это юное создание смотрело прямо, глаза

ее светились ласково и будто гладили своим взглядом человека. Так показалось Хуралбаю. Вдруг она певучим голосом заговорила:

— Надо бы пораньше придти. Я одна верчусь, как белка в колесе. Измаялась. Иди огонь взбодри. Хуралбай уставился на Сегитму. Она как-то по-детски шмыгнула аккуратненьким носиком и обиженно надула полные розовые губы. Овальное лицо Сегитмы до того стало милым, что Хуралбай глядел на нее, как замороженный. Сегитма была старше его всего только на два года. Иссиня-черные косы, когда были распущены, закрывали ее тоненькую фигурку. Вторая жена бая происходила из очень бедной семьи. Мать ее всю свою жизнь доила коров у самого богатого бая этой округи по имени Семис-Хунду, проживающего в устье реки Ак. Сегитма была внебрачной дочерью бедной аратки. А Семис-Хунду был дружен с Думчук-Кожаем. Однажды тот присмотрел в аале Семис-Хунду девушку и, плененный красотой ее, задумал взять вторую жену; сговорившись с Семис-Хунду, бай купил у своего друга красавицу Сегитму.

В свою восемнадцатую весну Сегитма была похожа на чуть распутившийся бутон дикого пиона. Не успела вволю порезвиться со своими сверстницами, как оказалась в тенетах Думчук-Кожая. Тяжко было юной Сегитме в байской юрте. Старик с проваленным носом вызывал в ней чувство отращения. Был он старше ее на сорок лет. И ни в кого еще не влюблялась она. Да и кого она могла полюбить? Ее насильно продали. И муж смотрел на Сегитму, как на свою собственность, с которой что хотел, то и мог сделать. А вот к старшей жене у него отношение было совсем другое. Первая супруга Думчук-Кожая была дочерью главного шамана округи. И она гордилась своим происхождением. Даже Думчук-Кожай считался с ней и побаивался. Она умела держать его в своих руках. Всю желчь и ненависть старшая жена хозяйна направляла против Сегитмы. И все делала для того, чтобы чем-нибудь огорчить Сегитму. Чувствуя себя полновластной хозяйкой, Сегитму она хотела видеть при себе рабыней. Она каждый раз попрекала Сегитму ее бедностью. Без всякого повода сыпались на нее окрики, оскорбления. Молодая женщина чувствовала себя, как в тюрьме. А как из нее выбраться, она не знала. Никто не видел ее веселой, радостной. Никогда она не смеялась. Всегда была замкнутой, молчаливой и печальной.

В семье Узун-Анчы хорошо знали тяжелую долю Сегитмы. И все же она для них была хозяйкой, хоть и второй, но женой Думчук-Кожая. Но никогда Сегитма не повышала голо-

са ни на Узун-Анчы, ни на Хенче, ни на Хуралбая. Наоборот, она была со всеми приветливой. Сегитма часто приходила в юрту-кухню и помогала готовить еду. Здесь она оживлялась, охотно вступала в разговор, и лицо ее светлело, печаль скрывалась из глаз.

Думчук-Кожай никуда не пускал молодую жену. Он запретил ей общаться с кем бы то ни было. И Сегитма не смела его послушаться. Она сидела в юрте бая, как пойманный зверек.

Хуралбай все это видел и понимал. Он был уже не маленьким. Юноша знал, что не случайно купец Мыкылай зачастил к Думчук-Кожая. Не зря он оставляет ему самые лучшие товары и редкие сласти. Не за красивые глазки хозяина купец каждое свое посещение накачивает Думчук-Кожая водкой. И когда тот, как опившийся бык, падает с ног, он спешит в юрту к Сегитме. Старшая жена Думчук-Кожая обо всем догадывается, потирает руками и поощрительно относится к ухаживаниям купца. А Сегитма, увидев большого и толстопузого купца, пряталась, как дикая лань. Но Хуралбай догадывался. Сколько бы ни домогался этот жирный кабан, Сегитма ему пальцем задеть себя не позволит. Но хитрый Мыкылай не хотел отступать от своего, хотя в прошлую ночь он не тревожил своими приставаниями Сегитму. То ли сбстановка была не подходящей, то ли купец побаивался русских, а может, постеснялся Думчук-Кожая — он был не очень пьян. Сегитма вчера не показывалась никому. Ее никто не видел. Из батрацкой мясо и хан в белую юрту унес сам хозяин. Ни кусочка не оставил для Сегитмы. А суп в миске в ее юрту относил мать Хуралбая.

Но в последнее время Сегитма все чаще показывалась на людях и работала наравне с другими батраками. Видно, так захотел Думчук-Кожай, может, это был приказ старшей жены хозяина.

Хуралбай только взял топор в руки, чтоб наколоть дров, как Думчук-Кожай угрожающе загундосил:

— Эй ты, сучий ублюдок! Цыц отсюда! Чтoб духу твоего не было. Ступай и приведи Каурку!

Сердце Хуралбая екнуло: где он возьмет Каурку? Небось, как вихорь, мчится Каурка. Вот беда. Как быть? Что сказать хозяину?

Мысли перепрыгивали друг через друга. Совру! Приду и скажу, что он сорвался с веревки и убежал. Не расставаясь с топором, Хуралбай все еще продолжал думать и не заметил, как совсем близко к нему подошел Думчук-Кожай. Он

установился неподвижным взглядом на Хуралбая и буравил его глазами, держа в руках кнут. «Ударить по лицу человека,— инстинктивно отодвинулся от него Хуралбай,— хозяину ничего не стоит».

— Что стоишь, щенок? Коня мне приведи! Оглох, что ли?

На лезвии топора блеснул первый луч утреннего солнца. Хуралбай его выпустил из рук, и он упал возле ног хозяина. Юноша пошел, не оглядываясь, только до его слуха дошло:

— Ты здесь, в батрацкой побудь, да не ленись, помогай угощать гостей. В ту юрту не смей показываться, они там будут отдыхать. Поняла? — ворчал Думчук-Кожай на свою молодую жену.

Еще вчера бедняки со своими семьями побросали юрты и ушли в лес. Об этом знала одна Хенче, остальные не догадывались. Даже Узун-Анчы ничего не подозревал.

Хуралбай, как только скрылся с глаз, оказался в ложнине, окруженной с трех сторон горами. Он упал на землю, как на мягкую зеленую кошму, и подумал, что хозяин не поверит, что Каурка развязался. Сверля холодными буравчиками своих глаз, загундосит: «А где же ты был, балбес? Что у тебя, руки-ноги переломаны?» Нет, это не годится,— решил Хуралбай, — чего доброго, он заподозрит. Надо придумать что-то другое,— перевернулся на спину Хуралбай, закинул руки за голову и уставился в бездонную синеву неба.— А что, если... Так, так,— обрадовался он.— Да, так будет хорошо.

На того конягу, которого ему дали вместо Каурки, Хуралбай накиннул веревочный недоуздок, прыгнул на его неоседланную спину и пришпорил. Возле юрт, кроме часового, никого не было. Но когда он подъехал к батрацкой, из дверей показалась Сегитма.

— Каурка где? — тихо спросила она.

— Не знаю. Кто-то увел. А вот эту клячу оставил.

Другой клички конь и не стоил. Низкорослый, грязно-рыжей масти, он горбился и стоял, будто на ходулях, склонивши голову к земле. Раздутый живот висел, как барба¹. Даже пять таких коняг не стоили одного Каурки.

— Увели, говоришь? — переспросила Сегитма

— Ага.

— Кто же это мог быть?

— Не знаю.

— А я видела, кто на нем поехал,— таинственно зашептала Сегитма,— может, он и обменял Каурку?

---

¹ Барба — кожаный мешок.

Сердце Хуралбая куда-то провалилось. Он уставился в лицо Сегитмы вопрошающим взглядом: «Что? Где ты могла это видеть?», — потом опустил глаза и снова взглянул на нее. Сегитма улыбнулась, посмотрев на юношу добрыми большими глазами, блестящими, как две звездочки.

— Не печалься, Хурал. Пусть будет по-твоему, — и вдруг непривычно закричала: — Ой, хозяин! Каурку увели!

— Чего? — из своей юрты выскочил Думчук-Кожай, чуть не сорвав дверь с петли. Бич в руке хозяина извивался, как змея:

— Ты, ты, — ринулся он, разъяренный, к Хуралбаю, — скотина! — И замахнулся, но Сегитма схватила мужа за руку.

— Нельзя же так, хозяин! Сначала узнать надо обо всем!

Думчук-Кожай взглянул на жену. Медленно опустил руку, потом подбоченился и загундосил:

— Что ты сказала, стерва?

Хуралбай хозяину сказал то же самое, что говорил только что Сегитме.

Узун-Анчы с дочерью и внуком верно служат мне, — думал Думчук-Кожай. Они меня ни разу не обманывали. Честнее их среди бедняков я не встречал. И хотя они почти нищие, им верить можно.

Думчук-Кожай ругаться ругался на них, но над ними он так не издевался, как над другими слугами. Хозяин замолчал, сузил и без того узкие глаза, ненавидяще поглядел в лицо Хуралбая и, бормоча про себя проклятия, пошел к юрте.

— Эй, Мыкылай! Выйди, взгляни — эта кляча твоя? Быстрей поворачивайся!

Дверь юрты открылась, и показался оттуда пузатый Мыкылай, за ним следовала старшая жена Думчук-Кожая. Ни Узун-Анчы, ни русских не было видно, словно они вымерли.

Мыкылай что-то жевал, поддерживая брюхо рукой. Лицо его лоснилось, глаза покрылись маслянистой пленкой, когда он взглянул на Сегитму. Молодая женщина отвела свой взгляд от него. Мыкылай на коня не обращал внимания.

— Кажется, этого коня ты приобрел у Семис-оола? Что стоил он тебе? Не конь — орел, вот-вот полетит, — смеялся Думчук-Кожай, обходя коня со всех сторон.

— Да, он. Я ему много товара отдал за коня. Откормлю за зиму на шашлык или продам, — сказал Мыкылай, — иначе зачем мне нужен этот скелет. Но купец не сказал, на что он обменял коня. Хуралбай об этом торге не знал, а Сегитма видела своими глазами. Конечно, убыток понес Семис-оол. Мыкылай не остался в накладе. За коня Семис-оол получил две плитки зеленого чая, далембы на халат и пачку дунзе.

— Кто же мог увести моего коня? Куда смотрел Арган-оол?

— Сам и ускакал на нем,— зло плюнул Мыкылай, а старшая жена всплеснула руками и змеей подколенной зашипела, глядя на Сегитму.

— Я еще вчера заметил, что Арган-оол смотрит, как волк, в лес. Вот, вот, вот,— запричитал татарин, придерживая обеими руками живот,— а если он всю мою скотину разбазарил, что тогда? Гони скорей этого охломона за ним,— обратился Мыкылай к Думчук-Кожаю.

— Скажи за Арган-оолом. Пусть немедленно явится сюда,— приказал хозяин Хуралбаю.

Хуралбай этого и ждал.

С размаху вскочил на рыжку так, что он зашатался, придалив коленями его бока, и коняга тронулся.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Удивился Хуралбай. Еще вчера, когда он возвращался от Арган-оола, все было на месте. На берегу, словно козлята на привязи, стояли юрты. А сейчас будто все вымерло. Как говорится, ни ворона не каркнет, ни сорока не заверещит. Не видно отар, похожих на облака, примостившихся на горных грядках, не пасутся коровы в долинах, не клубится дым из очагов. И собаки с громким лаем не выскакивают навстречу. Казалось, земля разверзлась и проглотила все, что было живого. Пусто вокруг. И жуткая тишина. Только вчера еще здесь была жизнь. Каждый занимался своим делом. И все было спокойно, тихо. Кто же их за одну ночь согнал с насиженных мест? Знал ли об этом Арган-оол? Но почему он ничего не сказал?

Хуралбай вчера, побывав в аалах, заскочил к Арган-оолу, потому что перед этим Арган-оол наказал ему, если кто-нибудь появится, то обязательно поставить его в известность. И особенно наказал любыми путями заполучить у Думчук-Кожая берданку.

Когда Хуралбай явился к Арган-оолу, чтобы рассказать ему обо всем, тот его не стал приглашать в юрту, а поспешно увел в сторону и начал:

— Вот сейчас понадобятся меткое ружье, быстрый конь и храбрый человек. Без винтовки никак нельзя. Как же быть? — и, обеими руками закрыв лицо, подумал немного и продолжал.— Сделаем так, дунмам.¹ Ты сейчас же возвращайся. Каурого оставь. Он очень нужен мне. А я тебе приве-

¹ Дунмам — брат (младший), обращение к младшему.

ду другого коня. А винтовку, слышь, обязательно достань. А с соланами не вступайте в драку. Если уйдут, туда им дорога, если останутся, следите, что они будут делать, и сообщайте мне.

Мыкылай всегда делал так: весной или же к весне он начинал закупать скот — лошадей, быков, овец и коз, и согнав их в одно место, поручал Арган-оолу пасти. Так было каждый год. А ранней осенью выманивал за бесценнок пушнину у охотников, зимой закупал масло. Все это навьючив на откормленных лошадей, убирался из здешних мест. И забирал с собой Арган-оола. Никому не известно, куда он увозил свое добро. Но в пору белкования Мыкылай был тут как тут и снова, как пиявка, впивался в бедняков, за гроши приобретая скот и шкуры.

Сопровождая караван Мыкылая, Арган-оол побывал за Саянами, стал понимать немного по-русски и по-татарски. Более десяти лет он служил Мыкылаю. Но ничего не нажил для себя Арган-оол. Как был бедняком, так и остался им. Та же драная юрта, одежда из звериных шкур, шестеро голых ребятишек, одна коровенка и длинноухий пес. Вот и все его состояние. Мыкылай ежегодно расплачивался с ним одним и тем же. За работу Арган-оол получал годовалого бычка. И еще купец в начале года привозил пастуху немного хлеба, табаку, чаю, а ребятам — сахару да леденцов. Случалось, Арган-оолу и бычок не доставался. Значит, целый год он трудился даром. То подойдет скотина купца, то волк задерет. А взамен Арган-оол отдает предназначенного ему бычка. А волки, как назло, одолевали. Одно было хорошо. Если в стаде телились коровы, то молока было вдоволь.

Раза два Арган-оол побывал на фактории Мыкылая на Хемчике. И тот его принимал, как дорогого гостя: ни еды, ни араки не жалел хозяин. «Вот оно, счастье мое», — думал про себя Арган-оол.

И если бы не события, развернувшиеся сначала в России, потом в Туве, Арган-оол так бы и жил до конца своих дней.

А событием стал Октябрь, всколыхнувший всю жизнь аратов. Араты поднялись на борьбу. И однажды пришло известие, что простые араты, собравшись в Чадане, решили Туву объявить самостоятельным народным государством. Но Ак был таким глухим местом, что до него не каждый человек мог добраться, и каждое известие приходило с большим опозданием. На пути стояли неприступные скалы, вонзаясь шпильями в синь небесную. Горы Саянские дали жизнь рекам, и Баян-Кол, являясь притоком Ака, впадал в него где-то сбоку.

Здесь-то и находится прекрасный чайлаг¹. Альпийские цветы и травы пестрым ковром устилают влажную землю. Под сенью деревьев прохлада. Ягодами и орехами изобилуют эти места. И дичи хоть отбавляй. И если скажешь, что именно тут сосредоточены природные дары, это не будет преувеличением. Большая часть скота Думчук-Кожая на этих чайлагах паслась. А у Мыкылая на Аке стоял добротный дом. И здесь пасся многочисленный скот, да и в пастухах не было недостатка. В Баян-Коле, в аале Думчук-Кожая, Мыкылай всегда останавливался. Закупленный им скот на здешних пастбищах нагуливал жир.

И жизнь в этой глуши текла своим привычным ходом. Все помыслы людей занимал скот. Если он есть, слава богу, если уж нет своего, то приходится батрачить у бая, пасти его скотину. Глядишь: где мясо перепадет, а где и молочком полакомишься. Мужчины, имеющие ружья, охотились. А те, у кого их не было, изготовляли самострелы и ставили силки. Так и жили. Хлебопашеством не занимались. На кручах хлеба не посеять.

И люди здесь жили своим «акским» миром. Откуда им знать, что происходит на свете. Так и жили, глухие и слепые.

И тем не менее, иногда случайный путник, в кои веки пробравшийся к ним через Хемчик, будил их от глубокого сна, и они с интересом воспринимали известия. Неизвестно, когда и как, но здешние араты узнали про Октябрьскую революцию и Ленина, потом бурей налетели вести о революционных событиях в Туве. А уж разговоры о появлении белых и красных усилили волнение аратов.

Слухи ходили разные. Одни радостные, другие внушали страх. И основным источником всех вестей был Арган-оол. Ему приходилось гонять скот Мыкылая за пределы Тувы, часто бывать на фактории на Хемчике. Встречался с разными людьми. И все, что слышал и видел Арган-оол во время своих разъездов, становилось достоянием бедняков.

Как-то недавно по дороге к Мыкылаю он остановился в Чыдыг-Кара-Суге. Это на берегу Хемчика. За Чыдыг-Кара-Сугом лежит поляна, сплошь покрытая, как овечьей шерстью, колючим караганником, чуть выше колышется, будто озеро в ветреный день, ковыль, а пониже берет свое начало речка. Тут находились лавки китайских купцов и магазин Мыкылая. А вокруг стояли, как черные кочки, аратские юрты. Раньше это было бойкое место. Толпился народ, кони стояли на привязи, поодаль бродили кучами, пощипывая траву, овцы, козы, коровы и стреноженные лошади. А в этот раз, хоть

---

¹ Чайлаг — джайлаг, летнее пастбище.

шаром покати. Ни одной живой души. И лавки, и юрты опустели.

Прошло двое суток, как Арган-оол выехал из аала. Вторую ночь он провел на той стороне Хемчика. Как только забрезжил рассвет, переправился через реку и продолжал свой путь. Но вдруг он приостановил коня и прислушался. Что это? Все ближе и ближе раздавался топот лошадей. Он, как спешил, так и остался стоять на месте, зажав дыхание. Оглянулся и увидел — прямо на него сжали верховые. Всадники были вооружены. Кровь застучала в висках, сердце екнуло: «Белые! Война! Бежать? Но куда?» И подумав, что двум смертям не бывать, Арган-оол уселся на угол китайской лавки.

Верховые подъехали, дергая поводья, остановили разогреченных лошадей, поставив их в ряд. Три тувинца и три русских.

Одежда на них обыкновенная, только у русских на шапках пятиконечные звезды. «Красные!» — смекнул Арган-оол. Людей в таких шапках видел Арган-оол на Алтае. Он сразу успокоился.

— Что ты за человек? Откуда? — довольно грозно спросил один из русских, с наганом и саблей на боку. Он был в кожаной тужурке и хромовых сапогах.

— Я... Э-э-э-ы-ы... За чаем и табаком еду.

— Где живешь?

— В Баян-Коле.

— В Баян-Коле, говоришь? — сказал русский на чистейшем тувинском языке и посмотрел по сторонам, будто ища взглядом, где же находится этот Баян-Кол. У него были светлые ресницы и мягкие, пушистые желтые волосы. Арган-оол понял, что этот человек — старший среди них. Может, генерал. И, конечно, он в Туве вырос, раз так хорошо говорит по-тувински. Совсем близко подъехал на низкорослой сивой лошадке довольно пожилой тувинец с широким лицом. Он был в маймаках,¹ в поношенном халате. То и дело, поправляя плечом винтовку, объяснял:

— Баян-Кол отсюда далеко. Двое суток езды. Он находится вон там, — указал пожилой кнутом.

— Охай. Ты сколько дней ехал? — спросил светловолосый.

— Два дня. Ночевал в дороге. Сюда только что подъехал.

— Чем занимаешься?

— Я-то?

— Да, ты.

---

¹ Маймаки — обувь.

— Пасу скот у купца Мыкылая.

— Кого? Мыкылая? Добра у него там много?

— Порядочно.

— Уео. Он, наверное, с белыми знается, дружбу с ними водит,— светловолосый подъезжал то к одному, то к другому спутнику, а потом снова приблизился к Арган-оолу.— Ты друг Мыкылая? С кем он встречается?

— Не видел.

— Там у вас белые солдаты обитают?

— Нет.

— А не врешь?

— Зачем врать.

И верховые доставили Арган-оола в хошун.¹ Там его сдали большому начальнику. Это был человек средних лет, небольшого роста, горбносый и лысый. Глаза у него были почти зеленые. На нем ладно сидело черное кожаное пальто, на поясе висели шашка и наган. Командир говорил с Арган-оолом через переводчика. Он интересовался всем. Расспрашивал, как живут араты, чем занимаются и много ли баев в Баян-Коле. И еще он рассказывал Арган-оолу про Ленина и революцию. И спросил, знают ли люди об этом в Баян-Коле.

Если Арган-оолу светловолосый показался суровым, то этого командира совсем не надо было бяться. Ни в его вопросах, ни в разговоре Арган-оол не уловил ни одной жесткой ноты. Кажется, этот человек всему поверил.

Больше часа командир разговаривал с Арган-оолом. Потом позвал какого-то мужчину, и тот принес хлеб, сахар и чай. Да еще и наказал ему:

— Ты — тувинский арат, я — русский арат, ты бедняк и я бедняк. У нас с тобой одна мечта: не зависеть от богатых и жить вольной жизнью. И русские бедняки, чтоб быть свободными, свергли царя и создали свою, Советскую власть. Красная армия победила белую, остатки ее удрали сюда и здесь они совершают жестокие преступления... Если не слышал про это, то еще услышишь. Мы — красные партизаны. И прибыли в Туву, чтоб вырвать у беляков жало, приехали сюда уничтожить их. И еще, по указанию Ленина, мы поможем тувинским аратам в их освободительной борьбе. Здесь два дня шел жестокий бой. Хемчикские араты нам помогли. И мы победили белых. Кучка врагов удрала без оглядки. И к вам скоро придем. К Мыкылаю, верно, богатые дружочки подались. Если у тебя больше здесь нет дел, быстрее езжай домой. Возможно, беляки туда двинутся. Их надо уничтожить.

---

¹ Хошун — райцентр.

Не хватит сил у вас — дайте знать нам об этом. Поможем. Будьте осторожны и бдительны. Враг очень коварный. Обо всем расскажи аратам. Скоро в Туве не будет ни богатых, ни бедных. Все имущество богатых будет передано народу. Скажи, что Ленин так сказал... И ты больше не будешь баграчить на Мыкылая. Его скот перейдет к беднякам. Понял? Ну, сумеешь ты такую работу проделать?

Аргап-оол больше ни на минуту не задержался. Сейчас же двинулся в путь. Обрато он ехал другой дорогой. Останавливался во многих аалах, встречаясь все с новыми и новыми людьми. От них он услышал многое. Араты рассказывали о зверствах белых. Они расстреляли шесть ни в чем не повинных человек. Небольшими бандами нападают на аалы, угоняют скот, стреляют куда попало. Бедные араты ни днем, ни ночью не видят покоя. Многие из них, кто посмелей, вооружаются, организуются в отряды и вступают в бой, а как только приходят красные партизаны, они присоединяются к ним.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Сегитма сварила бульон, жирный, словно подернутый янтарем. Выложила большие куски жирного мяса в миску, сварила чай с густым овечьим молоком и, приоткрыв двери, громко обратилась:

— Кушанье готово! Можно подавать?

Думчук-Кожай, переваливаясь на кривых ногах, зашел в юрту. Лицо его подергивалось, губы сжались. Он был озлоблен и молчал.

Сегитму это не удивило. Причина была одна. Он не рад был незваным гостям. Хотя поил и угощал их, в то же время сильно их побаивался. А солдаты остановились у Думчук-Кожая, потому что он богатый человек. И гостеприимство Думчук-Кожая было подневольное. Это его бесило. И хлопоты были ему обременительны, да и накладны. Они уже сожрали двух баранов. Но самое унижительное было то, что он сам должен был им прислуживать.

Молодой жене своей он не разрешал носить еду солдатам, сам таскал, чертыхаясь и проклиная их про себя.

Хороша она была собой. И Думчук-Кожай любовался ею. Если поблизости не было старой жены, он ее ласкал и угощал. И сейчас ей совал лучшие кусочки мяса. Оставшись одна в юрте, Сегитма их съедала.

Вскоре из белой юрты послышался громкий говор и смех. Ведь там не только мясом пробавлялись. Солдаты еду запивали аракой.

Сегитма взяла кувшин и вышла. От жары она раскрасне-

лась и прислонилась к юрте, чтоб ее обдало ветерком. Часовой с винтовкой, увидев ее, сначала остановился, потом оглянулся по сторонам и молодцевато стал вышагивать взад и вперед. Он был рыжим и обросшим, на нем болталась обтрепанная шинель, на ногах были стоптанные рваные сапоги. До того он был худой, что скулы выпирали наружу, глаза ввалились, нос заострился... Отчего он такой, этот человек? Видно, измучился. Ему, пожалуй, и тридцати еще нет. А глаза тускло светились, как потухающий уголек на дне темной ямы.

Сегитма, рассматривая часового из-под длинных ресниц, даже не пошевелинулась ни разу. А солдат остановился и впился жадными глазами в нее. Потом оглянулся на белую юрту, убедился, что никто из белой юрты не вышел, кашлянул и улыбнулся. Сегитма подняла на него глаза и удивленно пожала плечами, дескать, чего улыбаешься. Солдат приблизился к ней и поманил пальцем к себе. Сегитма, поняв намерение тощего солдата, решила спрятаться. Но солдат поймал ее и за руку потащил в юрту. Сегитма бросила кувшин и, обеими руками схватившись за кошму юрты, закричала изо всех сил.

Солдат ее отпустил, отошел назад и встал у дверей белой юрты, как ни в чем не бывало. Сначала из юрты показался Думчук-Кожай, потом выкатился Мыкылай, а за ним вышли другие.

— Что случилось?— заорал хозяин.

— Почему кричишь, Сегит?— ласково спросил Мыкылай.

Сегитма не ответила им и не вышла из юрты.

— Плюньте на нее. Чуть что, она визжит, как сучка,— злобно шипела старая жена Думчук-Кожая.— Ишь, недотрога. Видно, солдат с ней пошутил, а она уж рев подняла.

Все это слышала Сегитма. А солдаты хохотали. И о чем-то быстро-быстро, перебивая друг друга, заговорили по-русски. О чем они? Верно, подзадоривают часового. Но вот в юрту ввалился Мыкылай.

— Ты не связывайся с ними, Сегит,— замурлыкал он и, подмигнув ей и поддерживая свой живот обеими руками, вышел вон. Этот коротконожка не зря источал мед в своих речах. Приглянулась ему юная жена Думчук-Кожая.

Сегитма выглянула из юрты и краешком глаза снова увидела рыжего часового, который приблизился к ней, ослабил и опять поманил ее пальцем. Сегитма отвернулась от него...

Внезапно в белой юрте разразился хохот, Сегитма прислушалась:

— Что, что говорит он, Мыкылай? Переведи,— кричала старая жена Думчук-Кожая.

— Ха-ха-ха! Этот чанчын¹ хочет на ночку сосватать у Думчук-Кожая его молодую жену. Говорит, сегодня они будут здесь. Вот он и потешится с ней. Ха-ха-ха!

— Пусть ночуют, зачем им торопиться,— обрадовалась пьяная жена хозяина.

В пьяном смехе смешались русские и тувинские слова.

— Эй, кожей, что ты мне скажешь на мое предложение насчет красотки твоей?— спрашивал Думчук-Кожая чанчын.

Наступила пауза. Думчук-Кожай насупился. А жена его злорадствовала. Все ждали ответа хозяина.

— Ну, говори,— торопил чанчын.

И Сегитма услышала голос жены хозяина:

— Эйт, Думчук, спроси чанчына, сколько он отвалит нам за Сегитму?

— Все, что лежит под брезентом,— захохотал чанчын.

Сегитма не знала куда деваться. Ей казалось, горы обрушились на ее голову, молнии пронзили ее сердце. Она сжала голову руками и горько заплакала. Горячие слезы обжигали лицо. А в белой юрте снова чему-то смеялись. В дверях показался Мыкылай с худым и длинным, как жердь, человеком. Они направились к Сегитме. Позади длинного, как из-под земли, появились люди и наблюдали, что же будет. Сегитма испугалась, и у нее мелькнула мысль: «Бежать!» Она выбежала из юрты. Но куда? Рванулась вперед, а там крутая гора, потом повернула от нее и побежала вниз. Но ее кто-то обогнал и загородил дорогу. И она попала в чьи-то объятия. Это был тот долговязый с холодными, как льдинки, глазами, в хорошей одежде. Сегитма оттолкнула его от себя и сама, зарыдав, упала на траву.

— Не плачь, Сегит, не плачь,— успокаивал ее Мыкылай.— Ты слышала, о чем они говорили?

— Да, все слышала,— крикнула Сегитма.

— Успокойся, возьми себя в руки, мы пошутили,— сказал долговязый.— Встань, дай взглянуть хорошенько на тебя.

Сегитма вскочила на ноги.

— Смотрите, вот я какая! Что вы хотите от меня?

Как на перекате волна, вздымалась грудь бедной девушки. Даже складки одежды дрожали у нее, и была она похожа на весеннюю березку, на которую налетел ураган.

— Очаровательная девушка,— произнес пересохшими губами долговязый.

Чанчын — в данном случае офицер.

У Думчук-Кожая губа не дура.

Чанчын долго разглядывал Сегитму своими белесыми глазами, поздри его вздрагивали. И, наконец, он обратился к ней:

— Как тебя зовут?

Сегитма молчала, в глазах у нее потемнело.

— Сегитмой.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать,— за нее отвечал Мыкылай.

— Нет, я никуда не уйду отсюда. От такой девушки гла оторвать нельзя. Слушай, ты,— обратился он к Мыкылаю.— Думчук-Кожай ее купил, а я у него перекуплю. Как, по-твоему, продаст мне хозяин это сокровище?— потер долговязый руки.— Да я ее посажу в золотые хоромы, пушинке на нее не дам упасть.

Постепенно Сегитма успокоилась, собираясь с мыслями, думала, как ей избежать позора и надругательства. Она сверху вниз оглядела чанчына с ног до головы и остановила взгляд на его лице. Глаза, как грязные осенние лужи. Нос точь-в-точь как клюв у коршуна, загнутый и заостренный книзу, ноги тонкие, длинные, как ходули. Только что одежда на нем лучше, чем у солдат... Сегитма увидела, что вдали стоят солдаты, а возле них — старый Узун-Анчы. Бедный, он склонил голову к груди. Наконец, показался Думчук-Кожай.

— Вы хотите меня купить?— вопросом на вопрос чанчына ответила Сегитма.— Вон видите, хозяин мой, он к нам идет,— указала она рукой на Думчук-Кожая.— Спросите его. Может, он продаст меня вам?

Чанчын крикнул.

— Эй, кривоногий, быстрее ковыляй!

Подошел Думчук-Кожай. Лицо его блестело от пота, он тяжело дышал.

— Ты все слышал, кожей мой?— спросила Сегитма.

— Все слышал,— пробормотал Думчук-Кожай и, скользнув глазами по лицу длинноногого, продолжал:

— Что это, шутка или правда, чанчын?

— Я шуток не признаю, да будет известно вам,— заносчиво ответил чанчын.

— Раз так решил чанчын,— закартавил Думчук-Кожай.— быть по сему,— и завертелся, как лягушка на горячих углях.

— Вон там лежит мое добро. На восьми лошадях сюда привезли. Все отдаю тебе. Там и золотишко есть и еще кое-что.

Мыкылай, следя за этим торгом, негодовал, что такую де-

вушку отпустил: «Чем он хуже этого бродяги? И скота у него, и товаров в достатке. А уж по сравнению со старым Думчук-Кожаем, у которого вместо носа две дырки зияют, он и помоложе, к тому же холостой. Эх, лучше б я купил красавицу»,— досадовал купец.

— Ты, Сегит, не плачь,— увещевал Мыкылай.

— И не подумаю,— совершенно сухими глазами Сегитма глядела на тех, кто стоял вокруг.— Я— вещь, а вещи не имеют слез! Я— живой товар! Меня мой хозяин продает... Пусть. Дайте мне подумать немного... и оставьте меня.

И все направились в юрту. Только рыжий часовой остался возле Сегитмы.

— В белой юрте опять зашумели. Оттуда раздался смех, и всех перекрывал визжащий голос старой жены Думчук-Кожая:

— Птенцы летят, куда хотят, а человеческое дитя — куда поведут, туда и пойдет,— разглагольствовала пьяная старуха.— Эту девку,— злорадствовала она,— одеть надо понарядней... Пусть напялит на себя чесучовый халат, хромовые сапоги.

Противно было слушать старуху Сегитме. Она даже уши закрыла рукой, а сама все думала, думала: «Как быть?— мысли цеплялись одна за другую.— Один продает, другой радуется... Ох, подлые... Неужели они думают, что я стану вещью этого неизвестного бродяги? Что делать?— искала выход Сегитма.— Знаю!— осенила ее мысль. Сердце забилось в груди, как птичка в силках.— Только бы не выдать себя». Она чуть повернула голову и взглянула на коновязь. Там не было ни одного коня. Но вон возле перелеска стоит оседланный рыжий скакун Мыкылая. «Вот мое спасение,— подумала Сегитма,— теперь надо спешить».

Смело зашагала Сегитма к цели и поравнялась с часовым. Тот, словно почувствовав что-то, встал перед ней. Она, как ни в чем не бывало, подняла на него большие черные глаза, горевшие черными звездочками, улыбнулась часовому и обезоружила его. Перед такой улыбкой кто же может устоять? Часовой ответил улыбкой, и голубые глаза его покрылись масляным блеском. А Сегитма поманила солдата и жестом стала объяснять: дескать, я сейчас скроюсь в лесок и ты, немного погодя, следуй за мной. Часовой, силясь понять девушку, сморщил лоб, заморгал, но до конца не постиг, чего от него хотят. Сегитма еще выразительнее жестикулировала и обворожительно улыбнулась часовому. Наконец-то он уразумел, обрадовался и замотал головой, как лошадь, когда ей в глаза летит мошка.

Сегитма, с улыбкой оглядываясь на часового, постепенно

скрылась. Вот уж она держит повод скакуна в руке. Еще миг — и Сегитма в седле; конь, встав на дыбы, рванулся и вихрем помчал наездницу. Часовой не успел опомниться. А девушки как ни бывало. Он даже крикнуть не успел, только вслед ей пулю пустил.

Раздался выстрел, и из белой юрты все высыпали на улицу, как встревоженные осы.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Хуралбай повернул своего коня к юрте Арган-оола. Но и здесь никого. Правда, зола в очаге еще теплилась. Значит, он только на заре отсюда перекочевал.

Теперь Хуралбай стало ясно: значит, Арган-оол всех поднял на ноги, и они угнали скот далеко отсюда, возможно, за Кара-Озен. А там такие леса, в которых могут спрятаться все стада арбана, и там их днем с огнем не найдешь.

— Как же быть? Арган-оола все равно не догонишь, верно. далеко ушел. А на этой кляче до поздней ночи не доберешься. Да и найдешь ли еще... А что, если домой податься?.. Стой, вот, положим, вернулся я... А дальше что? Скажу, был там... А где Арган-оол? Где твой конь? — будут приставать. — А что я отвечу? Опять же, если не возвращаться, что будет с матерью и старым дедом? — Потерялся, скажут, беспокойтся будут.

Задумался Хуралбай. Пользуясь тем, что седок не понуждает, лошаденка припала к траве и с жадностью щипала ее. Но вдруг животина запряла ушами, насторожилась, повернула голову к ложбине и перестала жевать. Видно, что-то подозрительное почуяла. «Может, зверь? Или же человек?»

Вскоре из-за кочек показалась голова и грудь человека, потом — белая лошадиная морда и затем вся лошадь с седоком. И это был Арган-оол. Лошадь его навьючена. Перекинутые таалыны¹ вздувались, на седле лежала меховая куртка (и где это он все взял?), на плече ружье, на поясе болтается большой нож с костяной рукояткой и патронташ. И похож он был на охотника, который несколько дней гонялся за добычей.

Подъехав к Хуралбаю, Арган-оол с большим трудом слез с коня. Куда исчезло его проворство? Он еле стоял на ногах. Всю ночь он не сомкнул глаз, не присел ни разу, чтоб покурить, и некогда было даже чего-нибудь перекусить. Только уж после этого свою юрту кое-как разобрал и перевез подальше от дороги в безопасное место. А кто ему помогал?

---

¹ Таалыны — переметные сумки.

Только жена. Ребятишек хоть полна юрта, да ведь они совсем еще малютки. Вот он и уморился, ввалившиеся глаза лихорадочно блестели, ноги гудели, руки повисли, как плети. Прикоснуться бы головой к земле, так он моментально б захрапел... Но этого делать нельзя.

Вдруг Хуралбай спросил:

— Где твой Каурый, акый¹?

— Здесь его нет...— сказал Арган-оол и, не торопясь, вытащил из-за голенища маймака длинную можжевелевую трубку, пососал ее и полез за пазуху, чтобы достать кисет, и продолжил:

— Ночью на Хемчик человека послал. Думаю, он уже там.

— Каурка не подкачает... Кого отправил, акый?

— Сарыгбая.

— Сына Кара-Хуны, что ли?

— Его.

— Пуу хайт²! Нашел кого. Труслив, как заяц. Ни за что он ночью через перевал не поедет— волков боится. Как пить дать, дождался он зарю, тогда и в путь пустился. Вместо него лучше б я поехал.

— Другого выхода не было. Чем занимаются гостенечки хозяина?— Арган-оол спросил, выбивая из трубки золу, затем, положив ее в маймак, прилег на траву.— Гостей не прибавилось?

— Всю ночь пропьянствовали, пропировали. Младшую жену хозяина в прислугу превратили. А гости все те же. Их не прибавилось.

— Они уезжать не собираются?

— Кто их знает. К юрте нас не подпускают. Только дедушку на заре позвали.

— Зачем?

— Не знаю.

— Может, хотят, чтобы он им дорогу указал?

— Все может быть, акый.

— Так оно и есть,— уверенно произнес Арган-оол.

— Приказал Каурку утром привести. Я пошел за ним. А когда сказал ему, что вместо каурого вот эта лошадь стояла, он тотчас догадался, в чем дело. Велел догнать тебя и привести к нему. Хорошо, что встретил тебя.

— Вот оно что... Меня привести, значит... Хитрый бестия, этот Мыкылай. Он о своей шкуре заботится. Цела ли скотина его? Он и хочет, чтоб я приехал к Думчук-Кожаю.

¹ *Акый* — вежливое обращение к старшему.

² *Пуу хайт* — неодобрительное восклицание.

— Они, кажется, догадываются, что ты увел Каурого. Подозревают. «Арган-оол на Хемчике был. Но мне на глаза не показался. Зачем он туда ездил, чего ему там понадобилось?»— спрашивал у Думчук-Кожая Мыкылай. Вчера за-был тебе сказать.

— Ну, ну... Хы, черти косолапые, подозревают, значит,— приподнялся Арган-оол.— «Лежачему счастья не видать, сидячему добычи не видать». Отдохнул немного.

Над ними закаркали вороны. Арган-оол очень легко и ловко присел на колени и обратился к небу:

— О, милостивый Хайыракан! Отверни от нас свою пасть, повернись к нам длинным хвостом!— поклонился он земле и снова занял прежнее положение.— Видишь, птицы Танды подозревают о кровопролитье.

— Как ты решил, акый? Поедешь к хозяину или нет? — заторопил его Хуралбай.

— Нет, дунмам, туда я не поеду.

— А что же мне говорить?

— Скажи, что Арган-оола нет. Уехал позавчера на Хемчик, хотел встретиться с Мыкылаем.

— Не поверят,— усомнился Хуралбай.— Каурого тоже нет.

— Нет, дунмам,— заколебался Арган-оол.— Как же быть?

— Если я скажу, что...

— Что?

— Каурка отвязался и убежал. Я его не мог поймать.

— Верно. Они же знают его норы.

— Ой, нет, нет,— вскрикнул Хуралбай.

Стали оба думать, как им быть. Наконец, Арган-оол нашел выход.

— Скажи, что я уехал на Хемчик. А Каурка бесследно исчез. Так ведь они начнут над тобой измываться,— вздохнул Арган-оол и подтянул коня к себе.— Ну, двинемся.

Хуралбай тоже подошел к своей лошади.

— Куда ты теперь путь держишь?

— Давай с тобой так договоримся. Здесь всего пять человек с оружием. С твоей берданкой будет шесть. У Дуктуг-сола пороха нет, а у этого, как его, Конзан-оола, ни капли нет свинца. Вот беда! И на вооруженных до зубов солдат нападать у нас сил не хватит. Надо все хорошенько обмозговать. И выждать удобный момент.

Сарыгбай будет знать, что завтра он должен быть на месте. Мы договорились встретиться на вершине Хону-Адыра. Любыми путями извести нас, если заметишь, что белые собираются уезжать. А задержатся — надо как-то оттуда удалить дедушку твоего и мать.

— Постой, акый. А если у солдат оружие выкрасть? — внезапно предложил Хуралбай.

— Хм, — почесал затылок Арган-оол. — Ты знаешь, где оно хранится?

— Они будут ночью дрыхнуть, акый. Забраться в палатку.

— Так можно все дело испортить. Подумать следует.

— Потрясти Мыкылая, припугнуть, поди уговорим, чтоб он помог нам.

— Испыток — не убыток.

Арган-оол сообщил Хуралбаю, кто куда перекочевал. И они разъехались в разные стороны.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

От приятных мыслей и выпитого вина кружилась голова у чанчына, как-никак гулянка началась еще вчера. Он вошел в юрту, удобно расположился и вступил в разговор, который не в меру оживлялся. Сердце чанчына петухом пело. А как же иначе: девица уж больно хороша, писаная красавица. Жаль, что день был на дворе. Если б ночь, то попалась бы, как заяц, в когти филину. Но ничего, все равно не миновать ей моих объятий.

И вдруг неузнаваемая стала старшая жена кожая¹. Куда девалась ее неповоротливость, словно ее подменили. Она подобрела, гостям подливала вина, улыбаясь, подавала кушанья.

Только чанчыну не шла на ум еда. Он не притрагивался к ней, да и пить больше не хотелось. Это заметили все и угощали его наперебой.

А хозяйка, рассыпаясь перед ним и всеми в любезностях, предлагала:

— Прошу вас, господа, отведайте, — и подкладывала гостям жирные кусочки мяса, борзак, тару², румяное ореме³. — Муж мой — гостеприимный человек, каждого приласкает и приголубит, угостит и спать укладет, — скосила она глаза в сторону мужа и покатила со смеху, хлопая себя по бедрам.

Радовалась старуха. И не потому, что муж ее расстанется с ненавистной ей Сегитмой, а она может поживиться. Ведь за нее можно большой куш отхватить. А Думчук-Кожай до сих пор не поверил, что чанчын готов купить Сегитму. Он надеялся. И ни на минуту разговор о Сегитме не выходил у него из ума. Думчук-Кожай старался отогнать эти мысли,

¹ *Кожай* — хозяин.

² *Тараа* — особым образом приготовленное пшено.

³ *Ореме* — пенки с вареного молока.

но они цеплялись, как колючки, не давая ему покоя, и поэтому он в общем веселье не принимал никакого участия. Заметив молчаливость хозяина, и другие приутихли. Только Мыкылай понимал, в чем дело, даже сочувствовал ему, и злорадствовал.

— Ты что молчишь, кожей, язык что ли проглотил? — спросила первой жена.

— Ой, кожей, очнись скорей. Что с тобой? Не жена ль молодая причиной тому? — захохотал чанчын.

— Чего? — встрепенулся кожей и сейчас же схватился за кисет и трубку.

— Может, жену не хочешь мне отдать?

Долго молчал Думчук-Кожей, посасывая трубку, потом из себя выдавил:

— Разве я смею, чанчын, в чем-либо вам отказать? — Думчук-Кожей склонил голову. Чанчын уже опьянел и, перебив Думчук-Кожаю, перевел разговор на другое:

— Ты слышал про революцию?

— Слышал, а то как же, — неохотно ответил тот.

— Знаете ли вы, что такое Октябрь?

— Октявый? Что это такое? — недоумевал Думчук-Кожей.

— А ты? — чанчын спросил старуху.

Та только головой покачала, дескать, откуда мне знать.

— А ты? — уставился чанчын пьяными глазами на Узун-Анчы.

— Я-то, — как можно равнодушной ответил он, — слышать слышал об Октябрьской революции.

И при этих словах не мог сдержать своего торжества.

— От кого? — пристал чанчын.

— Чего? — старик приложил ладонь к уху. — Не слышу. Тугой я на ухо.

— От кого ты слышал, спрашивает! — во всю глотку заорал Мыкылай.

— А? Чего? Народ поговаривает.

— Какой народ?

— Что? — старик снова руку приложил к уху.

Чанчын плюнул и, повернувшись к Думчук-Кожаю, продолжал:

— Ты знаешь, кто такой Ленин?

— Слышал, — ответил тот.

— А вы?

Старуха опять отрицательно покачала головой.

— Но ты-то знаешь?

— Наверно, знает, — утвердил Мыкылай.

— А? Кто? Вы сказали, Леней? — заговорил Узун-Анчы. —

Знаю: он живой бог.

— Что он за человек? — приставал чанчын.

— Аай?— приложил руку к уху Узун-Анчы.

— Ладно, ладно, ты заткнись,— раздражаться начал чанчын.

Потом из кармана вытащил сафьяновый бумажник и, пошарившись, достал из него какую-то пеструю бумагу и злобно крикнул:

— Какой это царь? Ну, узнаете?

Все сгрудились к чанчыну, наклонились и внимательно всматривались в портрет человека, который был напечатан на первой странице газеты. На нем было изображено лицо русского человека. Какой это царь? Никто не знал. И все разошлись по своим местам.

— Вот он, ваш Ленин,— не скрывая злобы, разъяснил чанчын.

— Ленин?

— Так этот Леней и есть? — снова все сдвинулись к чанчыну и уставились на портрет. Полумрак мешал Узун-Анчы, да и глаза плохо видели, он только контуры различил. И сидел дальше всех.

— Дайте, пожалуйста, мне, дээрги¹, поближе посмотреть,— протянул руку Узун-Анчы. Но чанчын свернул газету и положил ее в бумажник.

В юрте наступила тишина. Все молчали. Думчук-Кожая стало не по себе. Словно под ноготь иголка вонзилась. Жена его тоже притихла. Узун-Анчы задумался. Они о Ленине знают только понаслышке. Кто он такой? Что за человек? Ни тувинские бай, ни араты до сих пор о нем, можно сказать, не знают. А этот чанчын не дал хорошенько разглядеть его лицо, живо спрятал.

Постепенно начал таять лед молчания. Первым прервал его чанчын.

— Что молчишь, кожей? Насладился видом своего врага? — словно шутя спросил чанчын. И подобие улыбки проскользнуло на губах.

Ни слова не вымолвил Думчук-Кожай, а напряженно всматривался куда-то поверх головы чанчына.

— Ой, страх-то какой, — вдруг завопила жена Думчук-Кожая.— Не приведи, Бурган, беду на наши головы,— задрожала она.— Почему господин называет его врагом моего мужа? Откуда он-то знает про этого злодея?

Чанчын захохотал, поперхнулся слюной и закашлялся. Думчук-Кожай выбивал золу из трубки о твердый носок сапога:

— Что за напасть, господин?

---

¹ Дээрги — господин.

— Что?

— Рассудить надо... Леней... Кто же он? Откуда взялся? Говорят, он только революцию делает против белого царя. Так ли это?

— Ха-ха-ха!— издевался над ним чанчын.— «Революцию делает»,— передразнил Думчук-Кожая и, сразу прекратив смех, сказал:— Он против собственности, которая держится сотни-сотни лет. Он против таких купцов, как вот здесь сидящий Николай. Он против тебя, меня. У таких баев, как ты, он отбирает имущество, скот и отдает все это вот таким, как этот,— чанчын указал на Узун-Анчы.

— Аай? Что сказали?— приложил ладонь к уху.

Чанчын поморщился и обратился ко всем своим собутыльникам.

— Да, да, вот такие голодранцы вашим богатством будут пользоваться.

— Аай? Богда¹, какой хороший человек Леней,— перебил чанчына Узун-Анчы и несколько раз склонился к земле.

— А ты, собака вонючая, перестань скулить и не перебивай,— сердился Думчук-Кожай,— закрой свое зевало.

— А может, вы отпустите меня домой, кожей?

— Прижмись и сиди.

— Вот какие дела, кожей,— заговорил Мыкылай.— Твое и мое добро — все пойдет кобелю под хвост. А мы останемся в чем мать нас родила,— взглянул он на развалившегося чанчына.

— Так точно,— приподнялся чанчын.

— Уваа! Это что же такое... У меня ум за разум зашел. Постой, постой, да ведь Леней этот русский. Значит, он против русских баев, русского царя. Я тут при чем? Это меня не касается. Я тувинец. Какое ему дело до меня?

Чанчын, вместо ответа, постучал себе указательным пальцем левой руки по лбу, мол, «дурак ты набитый».

— Да ты поворочай мозгами-то. Он не только русских, но всех голодранцев защищает и хочет им всем свободу завоевать. Ему все равно, хоть русский, хоть тувинец, хоть татарин. Так ведь?— обратился чанчын к Мыкылаю, а тот молча кивнул головой.

— Поох, славный какой,— снова вступил в разговор Узун-Анчы,— доброты, видно, он необыкновенной.

— Ты замолчи, скотина. Без тебя тошно,— прикрикнул Думчук-Кожай на старика.

— Если сюда пожалуют красные или примкнувшие к ним араты, небо тебе покажется с овчинку. Нам некогда будет пить да гулять. Тебя они первого прикончат, пикнуть не

¹ Богда — о, боже!

успеешь, скот твой угонят. А от купца только мокрое место останется,— припугнул чанчын.

— О, мой милостивый Хайыракан! Пусть беда минует нас!— бормотала насмерть перепуганная жена Думчук-Кожая.— Где они, ваши красные?

— Нас ищут. Не сегодня — завтра здесь будут. И здесь начнется война.

— Помилуй нас, бог! Что же мы сидим? Надо куда-то скрыться, бежать отсюда! Эй, ашак, что ты молчишь? — старуха начала тормошить мужа.

— Куда бежать?

— Хоть куда.

— Нет, нет,— перебил их чанчын.— Бежать не стоит.— И что-то зашептал на ухо Мыкылаю. Тот сейчас же прогнал Узун-Анчы.

— Эй, Узун-Анчы, ты ступай. Отдохни. Да будь поблизости.

— Аай!— рука привычно поднялась к уху.

— Иди в ту юрту.

Узун-Анчы с трудом поднялся с земли, ноги свела судорога, от боли он даже застонал, потер коленки и вышел. Чанчын и Мыкылай о чем-то перекинулись несколькими словами по-русски и жену Думчук-Кожая выпроводили из юрты, крикнув ей вслед, чтоб она никуда не выпускала Узун-Анчы. А оставшиеся в юрте вплотную сдвинулись друг к другу и перешли на шепот:

— Слушай, кожай, ты выкинь из головы глупую мысль куда-то перекочевывать. Это нам не поможет. Нам сильные кони, надежные люди нужны. Оружие у нас есть. К нам еще подкрепление прибудет,— вот только когда чанчын поставил вопрос ребром.

— «Сильных лошадей им, надежных людей». Где они? Кто они? — и подумал Думчук-Кожай, что довериться можно работникам Мыкылая и своим слугам. А из них надежнее всех Арган-оол и Хуралбай. А другим верить опасно, ведь только семья Узун-Анчы здесь осталась. Остальных за одну ночь, будто корова языком слизала. Кому же верить?

Об этом Думчук-Кожай поведал гостям.

— Ничего. Мы их силой заставим быть с нами,— не обращая внимания на опасения Думчук-Кожая, чанчын продолжал:— Все зависит только от вас двоих. А что работники, прислуга сбежали, меня это не удивляет. Они повсюду такне. одним миром мазаны. И в моей стране, и в Монголии, да и в Туве тоже.

— А куда пропал Хуралбай? — вдруг закричал Мыкылай. Думчук-Кожай только плечами пожал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В долине реки, журча и прыгая, бежал ручей, окруженный порослями молодой лиственницы и курчавого, как барашек, кустарника. Через них проходила тропинка. Не раз приходилось проезжему пересекать этот ручей, который, словно заяц, петлял в пышной зелени. А сколько здесь попадалось бывших стойбищ с порыжевшей, помятой травой и черными кругами, где не было уже ни былинки. Не спеша ехал Хуралбай. И почему-то не особенно тревожно было на душе у него. Он то и дело понуждал лошадку, а она не совсем хототно прибавляла ход, иногда пускаясь трусцой.

Ни одной живой души не встретил Хуралбай. Только птицы заливались на все голоса да то там, то тут из травы взлетали рябчики и садились стайками на тальник. Хуралбай останавливал коня прямо возле них, но они не обращали на человека никакого внимания. Хуралбай протягивал к рябчикам руку, а они хоть бы что, как сидели, так и сидят на гибких ветках, как на качелях. Рябчики на него поглядывали бусинками глаз и наклоняли головки, будто приветствовали Хуралбая. Удивительно спокойные птицы. Смотрел на них Хуралбай и думал: «Вот и мы так же жили. Ни сон, ни труд наш никто не нарушал. И никого мы не боялись... А сейчас? Куда исчезли юрты, люди и скот? Где эти мирные люди, где их мирно пасущийся скот? Кто спугнул их этой ночью? Медведь? Волк?».

Может, показалось Хуралбаю. Ему послышался откуда-то женский голос. Вроде справа. Там чапца. Хуралбай натянул поводья и прислушался. Странно, кто-то звал его по имени. И голос знакомый. «Кто бы мог быть? И кому пришла в голову мысль сюда забираться? Наверное, кто-нибудь из тех, кто ночью перекочевал со своих насиженных мест...»

Хуралбай напряженно прислушивался, повернув голову в ту сторону, откуда послышался голос.

— Здесь, здесь я,— услышал Хуралбай, и из заросшей лощины показалась голова женщины и тут же исчезла. А там чащоба была непроходимая. От лощины поднимались крутобокие горы, глубокие ущелья, из которых, как пики, торчали вершины елей. Не зная этих мест, трудно ориентироваться тут. Вывернутые коряги, поваленный грозой лес то и дело создавали препятствия.

Хуралбай подъехал к лощине и спешился. Но где же она? Он пошел туда, откуда мелькнула женская голова. И коня повел за собой. Вот он уже вскарабкался на вершину высокой горы, держась за кустики, ноги утопали в сине-рыжем мху, а где не было растительности, Хуралбай скользил, как

на льду. Он шел к женщине коротким путем, обход бы занял много времени. Наконец, Хуралбай добрался до вершины. Пот с него катился градом. Сердце стучало часто, словно хотело выпрыгнуть из груди, во рту пересохло и в глазах заплясали красные мотыльки. Правда, прохлада обдала лицо, и сразу стало легче. А конь, как ни в чем не бывало, уткнул свою морду в высокие травы и начал аппетитно жевать, пока хозяин его приходил в себя.

— Хуралбай!

Хуралбай поднял голову, потом вскочил на ноги: «Не может быть, это мне показалось,— промелькнуло в голове. Может быть, я сплю?»— усталость как рукой сняло. Перед ним стояла молодая жена Думчук-Кожая — Сегитма. Черные глаза, как у горной серны, блестели. От одного их взгляда сердце начинало учащенно биться и по всему телу шла какая-то горячая волна. О, богда, стройна, как пихта. А лицо ее приветливо, как летний день... Неужели до этого Хуралбай не замечал, что Сегитма такая красивая?..

Хуралбай хотел что-то спросить, но потерял дар речи. Сегитма, поняв его замешательство, заговорила сама:

— Отойди оттуда. Могут увидеть тебя. И коня вот сюда заведи,— Сегитма скрылась за деревьями. То ли слышал, то ли не слышал этих слов Хуралбай, только он не сдвинулся ни на шаг, будто его кто-то к месту приковал. Сегитма оглянулась и хотела крикнуть, но опасаясь, что могут услышать, она вернулась обратно и только рукой указала Хуралбаю, чтоб он шел за ней.

Юноша заторопился, коня, который никак не хотел отрываться от душистого корма, взял за повод уздечки и пошел за Сегитмой.

Они спустились ниже по склону и остановились на лесной поляне, окаймленной густой раскидистой лиственницей. Здесь их увидеть было трудно. На полянке стоял привязанный к стволу дерева рыжий жеребец Мыкылая. Хуралбай с удивлением сначала посмотрел на Сегитму, потом на коня. «Значит, Мыкылай тоже здесь»,— подумал он.

— Привяжи коня да садись вот сюда,— Сегитма опустилась на траву. Хуралбай не садился. Он глазами кого-то искал. Нет, никого нет. Потом он, несмело взглянув на Сегитму, спросил:

— А где Мыкылай, угбай¹?

Та сощурила глаза и улыбнулась всем лицом. О, богда, что за улыбка! От нее замерзший человек в миг согреется, уставший почувствует силу в себе!

¹ Угбай — вежливое обращение к старшей женщине.

— Где может быть Мыкылай? Наверно, в юрте Думчук-Кожая.

— Почему его рысак здесь?

— Рысак, говоришь?.. Ну сядь же. Что с тобой? Уж не из коры ли брюки у тебя? А может, ты к месту примерз,— пошутила Сегитма и, взяв Хуралбая за руку, силой усадила рядом с собой.— Сиди смирно,— пригрозила она.— Не бойся, не укушу,— и снова, сощурив глаза, улыбнулась всем лицом.— Постой, о чем ты спросил меня?

— Откуда взялся жеребец, угбай?

— Аа, рыжий рысак? Я на нем приехала.

— Куда путь держите, угбакым?

— Куда? Убегаю.

— От кого бежите, угбакым?

— Эй, Хуралбай, заладил «угбакым да угбакым». Какая я тебе тетушка? Говори со мной, как слуга с прислугой, как парень с девушкой. Здесь нет Думчук-Кожая. Никто тебя не станет упрекать и пилить. Безлюдно здесь. Только мы с тобой.

Искоса взглянув на Сегитму, Хуралбай отвел глаза от нее, словно током ударило его. Впервые он почувствовал себя мужчиной. Его прямой стан, кажется, стал еще прямее. Не согнулась спина, хоть батрачить пришлось Хуралбаю с самого детства. Нахлебался он горького досыта, но в душе остался независимым. Тяжелая жизнь только закалила его, как пламя закаляет сталь. Он был сильным и ловким. Ни жары, ни холода не боялся. И в то же время Хуралбай был робок, как девушка, и непосредственный, как ребенок. С людьми он встречался редко. Особенно ни с кем ему не приходилось общаться. Юноша все время был в работе. Думчук-Кожай не любит, когда его батраки бездельничают, он их готов сутками заставлял на него ишачить. А дел действительно не оберешься: овец паси, дрова коли, пшено толки, араку гони, молоко вари, лошадь то привяжи, то седлай... И крутишься, как белка в колесе.

И конца этому нет. Может, поэтому Хуралбай был молчалив. Но мечтать любил.

Да и Думчук-Кожай его никуда не отпускал. Хуралбай стеснялся всего, но особенно девушек, будто боялся, что они могут его покусать. Сегитма, зная об этом, нарочно подзадоривала его и сейчас силой заставила сесть рядом с собой. И нравилось Сегитме смущение юноши. Лицо его зарделось, как лепесток горного мака. Наступила пауза. Хуралбай незаметно отодвинулся от девушки и снова, смущаясь, спросил:

— Куда путь держите, угбакым?

— Хы, опять «угбакым»... Я тебе не тетя. Заруби себе на носу. Ишь ты, нашелся тоже мне племянничек,— звонко засмеялась Сегитма и, обняв юношу, притянула к себе. Хуралбай разнял ее руки и отодвинулся еще дальше.— Ой, Хуралбаюшка, из тебя никогда не будет мужчины. Я целый год наблюдала за тобой. А теперь уверилась в том,— коснулась она его руки.— Не бойся, я пошутила. Забудь. Ты спросил, куда я держу свой путь? — и совсем серьезно, тихим голосом она ответила:— Я ведь вправду убежала.

— Почему?

— Ты же знаешь, там стая волков собралась. Думчук-Қожай — матерый волк, супруга его — старая волчица. Белые солдаты — тоже волки. Я в этом убедилась сегодня утром. И среди волков человеку никак нельзя находиться.

— А Мыкылай?

— Он самый хитрый и опасный волк. Я его тоже раскусила. И назло лучшего его рысака угнала.

Хуралбай смотрел на Сегитму и, сдвинув густые черные брови, думал. На высоком и чистом лбу появились морщинки. «Волки»... А среди них мать и бабушка остались. Что с ними, бедными, будет? Надо скорее ехать домой».

— Поедемте, угбакым,— хотел встать Хуралбай, но Сегитма удержала его за локоть.

— Куда спешишь?

— Разве здесь останемся?

— Кто? Мы что ли?

— Ну да.

— Оо, нет. Моей ноги никогда больше не будет в юрте Думчук-Қожая. Хватит. Вот так, по горло сыта. Измывались надо мной, как только хотели. Терпение мое лопнуло,— вздохнула Сегитма.— Будь они прокляты.

— Все равно они разыщут вас и обратно погонят туда.

— Не выйдет. Хувискал¹ у Думчук-Қожая отберет все его права. И теперь никто не будет иметь по две, по три жены. Я теперь свободна, как птица. Взмахну крылом и улечу, куда захочу.

— Тогда я поеду, угбакым,— быстро поднялся Хуралбай, за ним вскочила с места и Сегитма.

— Куда ты так спешишь? К Думчук-Қожая, что ли?

Не терпится перед ним спину погнуть, подать, принести? — усмехнулась Сегитма, пытливо всматриваясь прямо в глаза юноши, и добавила:— Когда ты, наконец, мужчиной станешь? О многом я тебе сказала... Да не дошло до тебя. Думала, споешь мне песню любви. Эх, Хуралбаюшка, я счастлива сегодня. Почему? Не знаешь? Сегодня за всю мою жизнь

¹ Хувискал — революция.

первый день свободы. Поэтому я и повстречалась с тобой. Если б мог ты проводить меня...

— Простите меня, угбакым, уж скоро начнет вечереть. Меня потеряли. Там ведь мать и дедушка. Как они без меня...

— Аа, верно. Эти бешеные волки могут их живьем сожрать... Езжай скорей и рысака забирай.

— Зачем?

— Как зачем? Рыжего привяжи где-нибудь поблизости. А ночью мать и деда увези. А волки пусть в своем логове останутся.

— А вы, угбакым?

— Опять «угбакым». Сколько раз можно говорить тебе? Когда же ты... Оставим это... Обо мне не беспокойся, я пешком пойду.

— Куда? — удивился Хуралбай.

— Пастух Кара-Сал перекочевал в Сооскенниг, — посмотрела Сегитма на гору. — Следы я здесь обнаружила. До сумерек туда доберусь.

— Кара-Сал там, угбакым. Мне Арган-оол сказал.

— Правда? А где он сам?

— Он-то?.. Да он...

— Не скрывай, Хуралбаяшка, я тоже знаю. Ну, с богом. Только обязательно, слышишь, обязательно приезжай туда, где я буду. Приедешь?

Хуралбай молча потупился.

— Если да, посмотри вверх, а если нет — в сторону. Не смущайся... Все... Не буду...

Хуралбай взглянул на Сегитму и улыбнулся.

— Вот и хорошо. Если б мужчины не улыбались, то девушки были бы неприступными, как гранитные скалы, — сказала Сегитма и быстро, как горная лань, зашагала между лиственницами.

ПИСЬМА НАДЕЖДЫ БОЯРОВОЙ¹

Как прекрасна жизнь!

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Дорогой друг Михаил-Дембек! Я оставляю тебе несколько писем в память о нашей дружбе. Я уйду из жизни. Мне необходимо спешить, чтобы успеть закончить начатые мною письма. Иначе туберкулез легких, эта коварная и неизлечимая болезнь, от которой я сейчас страдаю, может опередить меня.

Перед тем, как приступить к письмам, я вспомнила наиболее яркие эпизоды своей короткой жизни, много раз перечитывала свои дневники, которые вела¹ с школьных лет. На последних страницах этих дневников я встретила твое имя...

Сейчас на моем столе стоит твоя цветная фотокарточка, сделанная в Москве. Она попала ко мне на днях.

Именно чтение дневников и появление твоей фотокарточки заставили меня оставить тебе эти письма.

Михаил, прерываю работу над своими письмами, продолжу их завтра. Я бы еще писала, но мама остановила меня. Приходится подчиняться ей, иначе она запретит заниматься этими, кажущимися ей странными, «сочинениями»...

Продолжаю свои письма на следующий день. От чтения дневников юности я получила большое удовлетворение. В них много размышлений о смысле жизни, о счастье. Мне не верится, что тогда я была такая сознательная и серьезная. Вот они, прочитанные мною слова:

«Надя! В жизни всегда стремись к тому, чтобы быть счастливой! Самое прекрасное на свете — жизнь. Самое нужное в жизни — счастье. Поэтому надо учиться жить...»

Михаил, продолжаю свои письма на третий день. Во избежание лишнего слов, дальше не буду считать дни работы над письмами.

Я думаю, что тебе небезынтересно будет знать, в чем юная Надя видела смысл жизни. Ты послушай, что она пишет в восьмом классе:

¹ Глава из «Повести о друзьях».

«Счастливым является не тот человек, который довольствуется спокойной и легкой жизнью, а тот, кто за счастье других, за счастье народа готов не только жертвовать своим благополучием, но и готов отдать свою жизнь...»

В часы бессонных мучительных ночей и дней иногда лезли в голову страх, гнетущая тоска и отчаяние, но они не могли заставить меня не думать о жизни и о ее красоте.

Сейчас постараюсь представить, как мы (я — безнадежно больная, но морально здоровая, не дрогнувшая перед угрозой смерти, и ты — здоровый, сильный, красивый) разговариваем вдвоем.

Вот ты со мной рядом. Отчетливо слышу твой голос — ты задаешь мне вопросы, а я отвечаю.

— Надя,— говоришь ты мне.— только бы нашлось такое лекарство, которое могло бы вылечить тебя! Тогда мы были бы безмерно счастливы.

— Конечно, Михаил, мы с тобой можем мечтать о хорошем исходе моей болезни. Но, к нашему горю и сожалению, пока в медицине нет такого лекарства, которое могло бы вылечить таких больных, как я. Перед моей болезнью медицина пока бессильна, но я верю, что скоро придет такое время, когда туберкулез будет побежден!

Мучительно мириться с мыслью, что ты безнадежно больна, лежишь в стороне от дел и от борьбы в такое время, когда в тебе особенно сильно нуждается Родина.

Иногда мне снятся такие сны. будто я, здоровая, среди бойцов нашей героической Красной Армии, бью ненавистных врагов. Проснувшись после таких снов, я долго мучилась от своего бессилия. Как трудно сознавать, что от тебя уходит жизнь! От этой тягостной думы дыхание приостанавливается. Но я привыкла держать себя в руках.

— Надя,— продолжаешь ты.— почему ты не берегла себя? Почему? Некоторые твои друзья утверждают, что ты не дорожила своей жизнью, лишь бы служить аратам. Что ты скажешь на это?

— Я, конечно, понимаю, что ты очень жалеешь меня. Ты подумай хорошенько над своим первым вопросом. Если бы ты находился на моем месте, мог бы думать только о себе, лишь бы с тобой ничего не случилось? Тогда что думали бы наши араты о тебе? Так что некоторые мои друзья напрасно считают, что я погибаю зря. Конечно, я никогда не думала пожертвовать собой ради славы. Из сельских фельдшеров никто не гарантирован от случайностей. Они живут и работают в суровых зимних условиях в более ста километрах в стороне от райцентра за хребтами Танну-Ола. Может быть, я не сумела сделать вовремя все необходимое,

чтобы воспаление не перешло в туберкулез легких. Но моя молодая жизнь не пропала даром, как считают некоторые мои друзья. Я счастлива, что служила делу охраны здоровья наших замечательных тружеников, делу приобщения наших кочевых аратов к культуре...

Михаил, учитывая необходимость моей скромной фельдшерской профессии здесь, не удовлетворили мою просьбу об отправке на фронт.

В личной жизни я мало видела счастья. Но на это я не жалеюсь, потому что выполняла свой долг служения народу, как комсомолка. Это важнее, чем мое личное счастье.

О том, как я увлекалась медициной, кажется, я немного говорила тебе, когда мы ехали из райцентра в Ужарлыг. Сейчас расскажу тебе об этом более подробно.

Из вышеупомянутых дневников я прочла такие слова: «Надя, кем ты хочешь стать в будущем?»

— Буду делать самую нужную работу для людей. Такая работа — работа медика. Коренному населению моей родной Тувы медицина и медики нужны, как воздух. Ныне у аратов в отдаленных сумонах отсутствует самая элементарная медицинская помощь, не говоря уже о медпунктах. Когда я вырасту (это совсем скоро), на селе у аратов будут медпункты, потребуются врачи и медсестры. Я обязательно стану медиком. Буду лечить аратов.

Так я мечтала в детстве, и эта моя мечта осуществилась. На мою долю выпало большое счастье. Мне пришлось работать в первых сумонных медпунктах. Мне посчастливилось, хотя и недолго, слышать от аратов уважаемое слово «эмчи», видеть их радость, от которой сияют их загорелые лица.

* * *

— Надя,— тревожишься ты, Михаил.— Прошел уже месяц, как ты перестала писать письма. Можешь ли ты вновь приступить к ним?

— Эти дни не прошли даром. Наоборот, я писала больше. Написала два письма мужу — Владимиру Маркелову. Я решила не писать ему правду о себе. Написала, что работаю, как прежде, здорова. Пусть он, прочитав мое письмо, смелее пойдет в бой. Так будет лучше. Другое мое письмо он прочитает после возвращения с фронта. Это будет мое прощальное письмо к нему.

Владимир любил меня еще с начальных классов, но я любила другого, тебя. Вспомни нашу первую встречу, на чайлаге в горах Танну-Ола.

— Да, я действительно задержала продолжение своих писем. В эти дни я чувствовала себя неважно.

Михаил, я знаю, что ты меня не ждешь. Но в одном я уверена, что ты не забыл меня, думаешь обо мне.

Как мне хочется жить, Михаил-Дембек! Как прекрасна жизнь!

Вот я и закончила свое первое прощальное письмо тебе.

Сердца, понявшие друг друга

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Михаил! С последних страниц своих дневников я прочла следующие строки:

«...Первая любовь... На чайлаге у Танну-Ола я любила одного тувинского юношу по имени Дембек. Только тогда я поняла, что такое любовь. Да, это была моя первая любовь. Говорят, что молодым сердцам, взаимно понявшим друг друга, редко удается осуществить свою мечту о совместном счастье. Теперь я уже взрослая девушка. Через несколько дней сбудется моя мечта: меня примут на работу в больницу.

Где теперь тот застенчивый парень Дембек? После расставания я ни разу не видела его. Удастся ли мне его увидеть? Может да, может нет. Я не люблю Владимира. Он сделал мне предложение выйти за него замуж. Я обещала дать ему определенный ответ через два года...»

Сейчас я вспоминаю, Дембек, о нашей первой встрече. Я приехала на чайлаг после того, как решила в будущем стать медиком.

В это же время приехали в наш маленький поселок брат моего отца Иван Бояров и еще несколько врачей. Дядя Иван только что приехал в Туву из Советского Союза. Он по профессии врач. В то время врачи, проживающие в Тувинской Народной Республике, часто ездили в сельскую местность с целью оказания медицинской помощи коренному населению. Дядя Иван поддержал мое желание стать медиком и добился от моих родителей разрешения поработать сестрой в больнице в райцентре до начала нового учебного года. В то время я закончила седьмой класс. Я начала свою работу вместе с дядей Иваном. Потом его и врача Анну Соколову, которая приехала из Кызыла вместе с ним, и переводчика Байыра направили в аалы, расположенные на севере и юге хребта Танну-Ола. Меня взяли с собой в бригаду. Узнав об этом, я спешно стала готовиться к предстоящему отъезду.

Приехав в ваш аал, я не только познакомилась с тобой, но и полюбила тебя.

Когда мне было лет десять, мои родители, родственники и соседи уехали на несколько дней в тайгу, в горы Танну-Ола за ягодами, а меня оставили с бабушкой. Мне стало с ней скучно, и я решила найти своих в лесу, но не знала, в какую сторону они отправились. Я узнала это от бабушки, вернее, она проговорила. Я пошла, но заблудилась в тайге. Оказывается, наши изменили первоначальное направление своего маршрута. На второй день, перед закатом солнца, меня, напуганную, как зверушку, грязную, усталую, голодную и измученную, нашел охотник-тувинец. По утверждению взрослых, если бы он не нашел меня, я бы погибла.

Когда я была еще ребенком, бабушка, чтобы заставить меня скорее заснуть, говорила: «Если не будешь спать, я отдам тебя тувинцам». Но уже в юности я не могла слышать неуважительных слов, необдуманно высказанных кем-нибудь в адрес тувинцев. Я переживала, что трудно, неоседло живут тувинцы. А жизнь их становилась с каждым годом все лучше и лучше.

Тувинская письменность появилась, когда мне исполнилось уже 10 лет. В таких крупных поселках, как Шагонар, Туран, которые я знала, количество учащихся в тувинских школах через каких-то два-три года утроилось. Араты — дети и взрослые — с чрезвычайной активностью стали учиться грамоте. До этого среди тувинцев я не видела такого большого, поистине всенародного движения — борьбы за культуру.

Все эти новые шаги тувинского населения очень радовали меня. И все же досадно было видеть, что основная масса населения живет неоседло. «Почему они не хотят перестроить свой быт?»

Еще пионеркой я мечтала, что, когда вырасту, буду вести разъяснительную работу среди тувинцев о пользе перехода к оседлому образу жизни. До чего я была наивная в то время!

В начальных классах я узнала, что в СССР живут люди разных народов, говорят на разных языках. Среди них были и такие, которые вели кочевой образ жизни, потом перешли к оседлому. «Замечательно, — обрадовалась я, — такой станет и жизнь наших земляков-тувинцев!»

Михаил, впервые я увидела дядю Ивана тоже в том году, когда я видела тебя. До этого я слышала, что в СССР, в большом городе на Урале, в Свердловске, живет младший брат отца, ученый человек. Когда он приехал к нам, я рассказала ему все свои мечты и планы по улучшению жизни

наших аратов. Он, внимательно выслушав меня, похвалил и сказал: «Ты молодец, Надя».

...И вот мы в вашем аале. Народ собрался около одной юрты, шли занятия кружка по ликвидации неграмотности. Я была восхищена тем, что кружком руководил простой, как все араты, юноша — мой ровесник. Это был ты, Михаил-Дембек!

Во время прививки против оспы ты подошел ко мне и через переводчика сказал, что хочешь, чтобы я сделала тебе прививку, я — бичии эмчи¹. Я не только радовалась твоему желанию, но и гордилась. «Вот какая я эмчи. Руководитель кружка изъявил желание, чтобы я сделала ему прививку, значит, я понравилась ему», — думала я.

Пока у вас шли занятия, между мною и дядей Иваном был такой разговор:

— Тувинцы почему не переходят на оседлость? — повторял дядя Иван мои слова. — Этим ли объясняется их отсталость? Не препятствуют ли им подняться до уровня культуры оседлых народов их старые привычки? Нам, русским, надо разъяснять, показывать им, что жить так, как они живут, нельзя. Им надо помочь подняться до нашего уровня развития.

Отсталость народа, его образ жизни сразу не изменится от того, что ты им будешь разъяснять о преимуществах другой, новой жизни. Это тебе кажется легко, Надя, но это — дело сложное... То, что тувинцы еще не перешли на оседлый образ жизни, в культурном отношении отстали от нас, русских, — не их вина. Иностранцы и тувинские угнетатели в течение веков держали народ в темноте.

С того времени, как Тува стала новым, революционным государством, прошло четырнадцать лет, а после появления тувинской письменности прошло лишь четыре года. И вот сегодня мы своими глазами видим, Надя, как этот народ тянется к свету: большие и малые — весь народ — с какой жадностью учатся грамоте! Это и есть, дорогая, начало осуществления мечты о развитии тувинского народа. Я абсолютно уверен, что тувинцы догонят в своем развитии нас, русских, при твоей же жизни. Увидишь!

— Я сделаю все, что смогу, — ответила я...

На следующий день я долго ждала тебя в нашей палатке. Но ты не явился к нам. В этот день и мы были очень заняты работой, поэтому не было времени искать тебя. А на третий день после нашего приезда мы имели возможность не только увидеть друг друга вблизи, но собирать кандык и саранку, поиграть (ведь мы были тогда почти дети) в течение каких-

¹ Бичии эмчи — маленький врач.

то двух-трех часов. Все подробности нашей встречи хорошо сохранились в памяти моей. В этот день ты мне больше нравился. Именно утром этого дня ты сильно волновал мое сердце. Я ведь почти не знала тебя — в первый день мы видели друг друга не больше получаса времени. В этот день, проснувшись утром, я сбросила с себя одеяльце, вскочила с постели, с радостным чувством бродила по лесу, рядом с нашей палаткой, любовалась утренней прохладой наступившего нового дня. Вернувшись в палатку, взяла полотенце — и бегом к шумной, звонко поющей горной речушке, чтобы умыться и освежить тело. Вода холодная, чистая, как голос звонко поющей девушки, прозрачная, как стекло.

В это время невдалеке, на чистом лугу, стоял и смотрел на меня тувинский юноша моего возраста с густыми волнистыми черными волосами. Он был одет по-нашему: в новой белой сорочке, черных бостоновых брюках, блестящих хромо-вых сапогах. Взгляды наши встретились. И в то мгновение мне показалось, что я обожжена этим взглядом, кровь хлынула по всем артериям. Сердце мое учащенно забилося... «Откуда он? Кто этот молодец, как он попал в этот аал?» — мелькало в голове. Я отбежала чуть подальше, остановилась у речки, стала умываться, а потом снова бегом пустилась к своей палатке и только на ходу два раза оглянулась. Он смотрел мне вслед. «Знал бы он мое волнение, — подумала я, — знал бы, что я не выдержала его взгляда. Не надо было мне убежать от него, а, наоборот, ближе подойти к нему и поговорить с ним». Взволнованная, вошла я в нашу палатку. Немного погодя, придя в себя, я спросила у Соколовой, знает ли она, что это за парень, одетый по-нашему, которого я встретила у речки. Она ответила, что не знает.

Услышав наш разговор, дядя Иван сказал:

— Как же ты не узнала, Надя, того самого юношу, который проводил позавчера занятия в кружке ликбеза?

— Он!.. Разве он? — вырвалось у меня. А дядя Иван сразу стал шутить:

— Ты, Надя, мне кажется, ему понравилась. Помнишь, позавчера он хотел, чтобы прививку сделала ему именно ты. Сегодня — ты, наверное, заметила — он в новом наряде, ему хочется, по-видимому, повидаться и поговорить с тобой. Значит, в этом аале, оказывается, есть жених, жених не простой, как говорят араты, — «башкы», что значит «учитель».

Пошутила и Соколова:

— Вижу, вижу, кажется, наша Надя смутилась...

Спустя более часа, я сама пришла к тому месту, где ты стоял. Я подошла и поздоровалась с тобой. Мы стали разговаривать. Ты копал там кандыки. Тогда ты подарил мне

нанизанные на нитки белые, по размеру бус, кандыки. «Спасибо, друг»,— благодарила я по-русски. Затем ты подарил мне стихотворение, которое сам сочинил. Тогда я почти совсем не знала тувинского языка и, конечно, не поняла содержания сочиненной тобою песни. Скверно коверкая тувинские слова, я говорила тебе, что будем друзьями, и крепко пожалала твои руки. В тот момент я отчетливо слышала удары собственного сердца. Твое сиявшее от радости лицо, твои горящие огнем глаза, какой-то нежный взгляд, твоя застенчивость мне были понятны: я испытывала такое же чувство.

Ах, Михаил, как мне хотелось тогда быть вместе с тобой целый день! Затем ты что-то говорил, показывая на опушку леса. Я поняла, что ты хочешь идти туда со мной и собирать там саранки. Мы пошли. Весело смеясь, я пустилась бегом, ты быстро догнал меня. Я вырвалась и снова побежала; набрав в пригоршню воды, я брызнула на тебя, но на этот раз ты быстро догнал меня, схватил за руки. Мы стояли, крепко сжимая руки друг друга, и пристально смотрели в глаза.

— Какая ты хорошая! Какая ты красивая,— заговорил ты.

Я ответила тебе по-тувински:

— Ты очень хороший, ты очень красивый, Дембек!

— Надя!— слышу вдруг женский голос. И вижу, как из леса выходит врач Соколова и направляется к нам.

— Надя, скорее в аал. Где ты пропадаешь так долго? Давно ищу тебя. Ведь ты знаешь, что нам надо уезжать.

— Тетя Анна,— говорю с умоляющим видом,— скажите, пожалуйста, дяде Ивану, чтоб мы поехали завтра.

Произнося эти слова, я не смотрела на нее.

— Ты что, Надя?— удивилась она.— Что ты говоришь? Ты в своем уме? Мне кажется, мы приехали сюда не для того, чтобы отдыхать, а работать.

Ведь я сама отлично знала, что говорю сущую чепуху.

Когда мы пришли в аал, я, чтобы узнать содержание твоего стихотворения, посвященного мне, отдала его переводчику Байыру. Ты знаешь, как он подвел меня. За это стихотворение ты подвергался насмешкам. Ты очень волновался, смущался. От своей неосторожности и жалости к тебе у меня защемило сердце. Напрасно ты так убивался.

Я заступилась за тебя, но свое возмущение вынуждена была высказать по-русски.

— Дембек, не обращай внимания на их насмешки,— говорила я с недовольным видом, чтобы почувствовали, поняли те, которые смеялись над тобой.

Несмотря на случившееся, у меня на душе было хорошо.

Я поняла, что ты влюблен в меня, и в этом была причина их насмешек.

Очень обрадовалась я, когда ты, по совету своего отца, сел на коня, чтобы проводить нас до водопада. Ты, конечно, не знал, что говорили про тебя дядя Иван и Соколова по пути к водопаду. Ведь ты не знал ни одного русского слова. Они говорили, что зря тебя обидели. Мой дядя, задумавшись о чем-то, обратился ко мне:

— Запомни, Надя, Дембек и его ровесники — это люди нового поколения тувинцев. Именно им предстоит строить новую Туву и жить в ней. Дембек молодец. Пройдет несколько лет, и он станет настоящим учителем.

— Как сказать, — сомневалась Анна Соколова. — Мне кажется, что этот Дембек слишком застенчив и бестолков. Вряд ли из него что-нибудь получится.

— Будет, будет, — ответил дядя. Сделав недовольный вид, он нарочно закашлялся и замолчал.

Я тоже замолчала с недовольным видом...

Я нарочно остановила коня, чтобы ехать с тобой рядом, позади других. Над нами, высоко-высоко, в безоблачной синеве неба летали два орла, дрались между собой из-за добычи.

Мои, остановившись у водопада Адар-Суг, ожидали нас. Я с восхищением смотрела на это чудесное творение природы. Водопад, перепрыгивая через маленький утес, светился разноцветными радугами. Вокруг нас красовались лесистые горы Танну-Ола. Потом все попрощались с тобой и двинулись дальше в путь, а я на минуту осталась с тобой. У меня на душе было так радостно и светло, что невозможно было расстаться с тобой. Глядя прямо тебе в глаза, я сказала тебе по-русски: «Дембек, я люблю тебя, понимаешь? Люблю». Ты тоже что-то говорил мне по-своему. О чем ты говорил — я понимала сердцем.

Когда мы расставались, мне было очень тоскливо и грустно. Мне казалось, что частицу своего сердца я оставляю в этих чайлагах, в твоём аале, в груди твоей...

Мы ехали по горной тропинке долго и медленно. Когда я и Соколова отстали от дяди Ивана и Байыра, я серьезно спросила ее:

— Анна Викторовна, скажите, пожалуйста, какое чувство испытывает девушка, когда она влюблена?

Она удивленно посмотрела на меня и пожала плечами.

— Я имею в виду, — уточнила я, — когда она полюбила первый раз в жизни.

— Надя, Надя, — произнесла она. — Разве ты не любила до сих пор?

Я отрицательно покачала головой.

— А как ты сама думаешь?— спросила она.— Действительно ли ты влюблена?

— Да.

Она, улыбнувшись, сказала:

— Ах, Надя, Надя. Ты, оказывается, еще дитя.

— Почему?— возразила я.— Я не ребенок, я уже взрослая, мне ведь уже пошел шестнадцатый.

— Ну, в кого ты влюбилась, моя маленькая, глупенькая?— ласково говорила она.

— А почему вы называете меня глупенькой?

— Да потому, что ты, оказывается, можешь полюбить любого встречного, без разбора.

Такое ее суждение обо мне было оскорбительно не только для меня, но и для Дембека. В тот момент я вся кипела от негодования...

Она погладила меня по голове, чтобы я не сердилась, и снова назвала меня ребенком. Разговор был окончен.

* * *

Моя первая практика вместе с дядей Иваном и его товарищами продолжалась почти месяц. И чем дольше я находилась среди аратов, тем больше убеждалась, что моя настоящая работа в будущем — именно здесь.

Осенью этого года мой школьный друг, Владимир Маркелов, имя которого я упоминала выше в своих дневниках, второй раз объяснился мне в любви. Снова я ответила ему отказом. Тогда он спросил:

— Кого же ты любишь?

Я ответила ему спокойно:

— Люблю одного парня, тувинца, который живет в юрте, у своих родителей. Он живет в Хендерге,— и с вызовом посмотрела на него.

От моих слов его голубые, как ясное небо, глаза в ту минуту, как показалось мне, стали сразу усталыми. Он проговорил:

— Как ты можешь любить парня, живущего в юрте? Надя, ты такая красивая... Мы с тобой самые близкие друзья. И только я могу по-настоящему любить тебя, сделать счастливой.

Ответив, что он слишком самонадеян, я ушла.

* * *

Вернувшись из поездки по аалам, дядя Иван уехал в Кызыл. Перед отъездом из Тувы он послал нам письмо. С письмом он послал номер газеты «Красный пахарь», выпу-

скаемой в Кызыле для граждан СССР, проживающих в ТНР. В номере была напечатана его статья о работе группы врачей и фотоснимок, где я сразу узнала тебя, читающего слушателям своего кружка газету. В письме были еще два снимка: на одном мы с тобой у водопада, на другом — наш общий групповой снимок. Эту газету и снимки я по сей день бережно храню. Нашу фотографию, где мы сняты вместе со школьниками Ужарлыгской школы, я нашла у фотографа через три года. Это тоже, думаю, тебе будет интересно.

Дорогой Михаил-Дембек! Вернувшись из Москвы, ты уже не застанешь меня. Рассматривая эти памятные снимки, которые оставляю тебе, вспомни Идегел-Надежду — верную подругу твоей юности и молодости.

С уверенностью в будущем

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Дорогой Михаил-Дембек!

После нашего первого знакомства ты раза два снился мне. Во сне я приезжала к тебе, показывала статью дяди Ивана и сделанные им наши фотографии. Так прошли четыре года, но я не могла забыть тебя. На втором году моей работы фельдшером мне часто в тувинских газетах встречалось имя Дембека — учителя Кара-Сугской начальной школы.

От заведующего отделом культуры района Омчуула я узнала, что учитель Дембек — это ты. Я спросила его:

— Скажите, пожалуйста, учитель Кара-Сугской школы Дембек откуда родом?

Он посмотрел на меня удивленно.

— Он из Хендергейского сумона нашего района.

Сказав спасибо, я стрелой вылетела из кабинета.

Затем я побывала в Кара-Суге, встретила с тобой второй раз.

Ах, Михаил, если бы ты знал, какое было у меня настроение, какая радость при встрече с тобой в Кара-Суге и при переправе через Енисей!

Ты, наверное, остался недоволен, когда я неожиданно уехала на попутной машине. Ты имел право сердиться на меня. Тот молодой человек, который позвал меня и посадил в машину рядом с собой, был Владимир Маркелов. Это он два года назад сделал мне предложение. Оказывается, он, чтобы узнать мой ответ, направлялся в наш поселок. И, чтобы поговорить с ним, я вынуждена была уехать домой, приняв его приглашение.

В школе мы с Владимиром сидели за одной партой. Наши

родители тоже были близкими друзьями. Когда мы с Владимиром учились в восьмом классе, наши родители и некоторые старшеклассники считали нас женихом и невестой. Владимир возмужал, стал высоким и красивым.

Когда мы сели рядом в машину, я шепотом сказала ему, чтобы шофер не услышал:

— Помнишь, Владимир, когда-то я говорила тебе, что я влюблена в одного тувинского парня. Вон он. Теперь учитель...

Вечером того же дня мы с Владимиром пришли на берег Енисея, чтобы обсудить его предложение.

— Надя, прошло уже два года, как я сделал тебе предложение. Достаточно ждал я твоего ответа. Сколько еще лет ты будешь мучить меня?

— Нет, Владимир,— призналась я ему,— не могу я стать твоей женой. Я не люблю тебя.

Несмотря на мой категорический отказ, он постоянно ходил за мной, ждал моего ответа. У меня был только один ответ: «Нет». А он, не выдержав, насильно поцеловал меня, за что получил звонкую пощечину.

Владимир в то время работал трактористом государственного хозяйства. Он был честным, скромным, уважаемым человеком.

Вскоре мой отказ от его предложения стал известен и нашим родителям. Мои родители очень на меня обиделись. Тогда я открыто призналась в том, что я люблю тувинского парня — учителя. Они возражали, и чуть было не произошел разрыв между мною и моими родителями.

Меня поддерживал только старший брат Федор:

— Мама, я вас не понимаю. Почему вы и папа против выбора Нади? Она уже взрослая и сама может решать свою судьбу, а вы поступаете, как в старое время. Это неверно. Теперь времена и обычаи изменились, мои дорогие. В наше время выдавать замуж девушку против ее воли, значит, идти против течения времени. Подумайте, пожалуйста, пока не поздно.

Наконец, ему удалось примирить меня с родителями.

Когда ты учился на курсах учителей в Кызыле, я тебе писала три письма, но не отправила. Это было моей роковой ошибкой. У меня появились сомнения, что ты не поймешь меня. Кроме того, были сомнения насчет того, нет ли у тебя невесты. Ведь при второй встрече мы по существу и не успели поговорить.

Пока ты учился на курсах, я добивалась, чтобы меня отправили в сумон Ужарлыг, где ты должен был работать учителем. В те дни я жила только думами о тебе. Я мечтала,

что, работая в одном сумонном центре, я и ты будем счастливы, соединим свою судьбу на всю жизнь. От этой мысли на душе было радостно, я даже забыла про ссоры с родителями. И они уже привыкли к тому, что все равно не заставят меня выйти замуж за Владимира. Я с нетерпением ждала твоего возвращения с курсов.

Вот, наконец, до моего отъезда в Ужарлыг осталась одна ночь. Не только я, но и мои родители были отлично настроены. Наступил час моего отъезда. Все близкие родственники, кроме моего папы, провожали меня по направлению в Ужарлыг до середины Улуг-Шыка. Там встретились мы с тобой.

Подъезжая к нам с тобой вместе, мой старший брат Федор весело говорил:

— Надя, этот молодой человек говорит, что он учитель. Едет в Ужарлыг. Вы договорились ехать вместе или встреча эта — случайность?

В какое неловкое положение попала я тогда.

Ты спросил по-тувински:

— Кто, эмчи, мой попутчик в Ужарлыг?

От стыда я чуть не сгорела. А родители поняли, в чем дело.

Пришла в голову мысль: «Если Дембек не любит меня, не женится на мне, тогда что будет? Как я буду смотреть в глаза своим родителям?» Ты стал торопить меня отправляться в далекий путь.

Моя мама, хотя и говорила без акцента на тувинском языке, обращалась к тебе по-русски:

— Я теперь спокойна, что дочь моя уезжает вместе с тобой через горы и перевалы. Почему делаешь вид, что не знаешь ее? По нашему русскому, да и тувинскому, обычаю так не поступают. Раз любишь — говори, показывайся родителям. Береги мою дочку. Будьте счастливы.

От слов матери я еще пуще покраснела.

Вскоре, когда мы удалились дальше от провожавших меня родственников, я пришла в себя. Ты был тогда в веселом настроении и разговорчивым. Я была довольна твоими шутками. Мне казалось, что ты понимал мое состояние. Да, ты был влюблен. Об этом говорили спетые тобою песни — песни твоей души. Мне так хотелось услышать из твоих уст слова «люблю», но я не услышала этого. Я была готова отдать тебе сердце, всю себя целиком. Я подумала так: «Дембек, после того, как пять лет назад, когда мы оба были юными и ты дарил мне песни своего сердца — песни любви, я не думала ни о ком другом. Все эти годы я ждала тебя, я выдержала экзамен перед тобой».

Но ты свою любовь выражал только сердцем. На следую-

Идей день ты попытался поцеловать меня, но был недостаточно смел. В это замечательное утро, утро первого дня нашего прибытия на новое место нашей работы, я была близка к тому, чтобы сказать тебе: «Дембек, я люблю тебя. люблю со времени нашего первого знакомства в верховьях реки Элегест, в большом Хендергейском чайлаге. Хочу, чтобы всегда ты был со мной, мой милый».

Любовь наша была настоящей, я писала об этом в дневниках юности. Мы были совсем близки, чтобы сказать друг другу слово «люблю». Вспомни наши поцелуи после того, как мы побывали на краю гибели, когда на нас обрушился обвал, и свое обещание утром следующего дня. Ты говорил, что в день открытия нашей школы и медпункта скажешь мне что-то очень важное. Я поняла, что это будет твое признание в любви.

А помнишь, Михаил, тот день, когда меня вызвали в далекий аал? Там умирала от родов женщина... Не буду описывать, как я боролась за нее, это дело медика. Но это была самая большая удача в моей фельдшерской практике. Я спешила домой, к тебе. Скорее увидеть тебя, рассказать о своей большой победе. Я вновь и вновь сознавала необходимость своей скромной профессии для людей. Да, я счастлива в работе, так почему не могу быть счастливой в личной жизни?

Вот я приехала в сумонный центр. Вот твой дом. Была полночь. Ты спал. Отправив провожатого обратно, взбежала на твое крыльцо, стучу в дверь. Но оказалось, что я опоздала, что я уже не нужна тебе... Та ночь для меня и сейчас как кошмарный сон.

* * *

На следующий день мать Мижит предупредила меня, чтобы я не нарушала жизнь будущей семьи, т. е. твоей семьи с Мижит. От нее я вторично узнала, что ты жених Мижит, что она еще в детстве сосватана за тебя. С того дня я стала иначе относиться к тебе и к Мижит. Однако в тот вечер, когда ты, Мижит и я втроем отметили начало вашей семейной жизни, я поняла, что ты не любишь Мижит. И уже в то время я знала, по какой причине она стала «любить» тебя.

* * *

Дорогой Михаил-Дембек!

Ты знаешь, что в первые дни нашего приезда в Ужарлыг я получила письмо от чужого человека и ты, кажется, к этому хотел проявить интерес: узнать, от кого оно. Письмо пришло опять же от Владимира Маркелова. Он писал: «Надя,

я не могу жить без тебя. Если ты выйдешь замуж за этого учителя, мне остается только утопиться в Енисее». Умоляя меня, навязывал он свою любовь, даже вложил в конверт свою фотографию.

До того, как Мижит оставалась ночевать у тебя, я ответила Маркелову решительным отказом. Тогда я допустила ошибку, показав фотокарточку Владимира Мижит. Она использовала ее в своих целях.

После случая с обвалом я известила своих родителей поспешной новостью: мы с Дембеком поженимся до Октябрьского праздника. Я была совершенно уверена в этом, хотела подготовить их к этому известию. Но получилось иначе. После той роковой ночи стало известно, что мое желание связать свою судьбу с твоей не исполнится. Как трудно было признаться в этом перед родителями! Приехав к ним, я никак не могла начать разговор об этом.

— Надя, ты окончательно решила устроить свою жизнь с учителем Дембеком? — поинтересовалась мама.

Ее вопрос заставил меня покраснеть. Трудно было мне тогда сказать всю правду. Не сразу я вступила в разговор.

— Скажи, Надя, — поддержал меня Федор, — почему молчишь? Теперь нет в этом доме человека, который бы мешать тебе выйти замуж по любви.

Эти слова были для меня острее иглы. По всему телу пробежала дрожь. «С чего начать, что сказать им, стыдно-то как», — мысли эти кружились в голове.

— Теперь я не могу устроить семейную жизнь с ним... с Дембеком.

— Почему, Надя? — удивился Федор.

Мама и папа облегченно вздохнули.

Глубоко переживая свою вину перед ними, я вынуждена была рассказать им все.

— Потому, — начала я, — что Владимир часто присылал мне письма. Узнав об этом, Дембек очень ревновал меня к нему. Он сказал, что не может жениться на мне.

— Не может быть, — начал Федор, стараясь разобраться, в чем дело. — Наверное, вы с Дембеком немного поссорились, ты не торопись, Надя.

— Нет, я с Дембеком жить не буду, — подтвердила я. — Это мое честное слово, верьте. Оказалось, что его ждала там невеста, которая сосватана за него, когда он еще был ребенком, по их обычаю...

Мама и папа слегка ругали меня, что я, отказавшись от предложения Владимира Маркелова, поступила легкомысленно. Поскольку дело оборачивалось удачно для них, в их

пользу, они стали относиться ко мне более ласково, чем обычно.

А мне стало безразлично, за кого выйти замуж, вспомнила, как Владимир любил и ценил меня. Думая о его счастье, я приняла его новое предложение, которое он сделал после моего возвращения из Ужарлыга, и стала его женой.

* * *

Дорогой Михаил-Дембек!

Я об одном сожалею, что не должна была уезжать из Ужарлыга. Надо было остаться там и быть тебе другом и опорой в работе. Ведь Мижит оказалась ненадежной, легкомысленной спутницей в твоей жизни...

Ты, наверное, удивляешься, почему я такое длительное время не показывала тебе номер той русской газеты, где была напечатана заметка о твоей работе, и тот фотоснимок, где изображены мы вдвоем у водопада Адыр-Суга. В этом была своя причина, о чем расскажу сейчас.

Я хотела показать их тебе сразу же после нашей свадьбы. Они для меня были своеобразным талисманом, хранящим верность в любви твоей Нади-Идегел...

До нашей последней встречи в Улуг-Шыке я не знала толком причины перемены в твоём поведении по отношению ко мне и твоего спешного сближения с Мижит. В то время я довольно часто замечала, что ты всегда избегал встречи с ней, свободное время проводил только со мной. Я подумала, что ты проявил слабость в ту роковую ночь, поддался ее соблазнам. Оказывается, Мижит ловко завлекла тебя в ранее заготовленную ловушку, и ты стал жертвой этой нелепой случайности...

Дорогой друг, я заканчиваю свои длинные письма-записки, которыми отвлекала себя от тяжелых мучительных дум о неизбежной смерти.

Из-за любви к тебе, даже обещав быть его женой, я не говорила Владимиру, что я его люблю. Я сказала ему это слово только два раза: когда появился у нас ребенок — дочка и когда провожала его на фронт. В те дни я любила его по-настоящему: на войну он ушел без боязни, глубоко сознающим свой патриотический долг перед Родиной.

Прощаясь со мной и дочкой, он сказал:

— Надя, жди меня, береги дочь, я вернусь!

Мы с Владимиром расстались без слез.

* * *

Дорогой Михаил-Дембек!

Я познакомилась с Эренмой — женой твоего самого близкого друга, который учится вместе с тобой в Москве в это

трудное для нас, советских и тувинских братьев, время. Мое знакомство с Эренмой произошло после твоего отъезда из Кара-Суга, там же, у Саваар-оолов и Петровых. Эренма после окончания медицинского отделения Кызыльского учебного комбината приехала работать к нам, в госхоз. С ней был ребенок -- мальчик, моложе моей Нади на год. От нее я узнала, что ты очень любил меня. Теперь она мой близкий товарищ и хорошая подруга. Читая мои письма, она не сдерживает слез. Содержание моих писем знают только мама и Эренма. Ее забота и уход за мной являются для меня большой душевной поддержкой, Михаил.

Я сожалею о том, что мне не пришлось выполнять свой долг — защищать Отечество. Хотя я не увижу того светлого, радостного дня Победы и расцвета Родины в послевоенный период и осуществления своей мечты, — строить новую, Советскую Туву — но я верю, что так будет!

Михаил-Дембек, друг мой!

Как прекрасна жизнь! Как замечательно, что наша героическая Советская Армия, одерживая одну победу за другой, громя фашистских оккупантов, приближает всем нам долгожданный день Победы! В этой великой войне, которая решает судьбу всего человечества, участвуют и наши земляки, тувинские добровольцы — танкисты и кавалеристы.

Вот сегодня первый день, Михаил, когда я вместе со всеми жителями Тувы впервые по радио слушала о героических делах тувинских добровольцев в боях за освобождение Советской Украины. Молодцы наши земляки! Горжусь ими!

На этом заканчиваю свои письма.

Верная твоей любви *Надежда Боярова.*

САМБАЖЫК

Героическая драма в 3-х действиях, 6 картинах.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Самбажык, возраст в пределах третьего десятка.

Дажыма, 40 лет.

Комбулдай, 25—30 лет.

Кошкендей, 35—40 лет

Урундай, 25 лет.

Узун-Белек, 30 лет.

Садыяа, 35—40 лет.

Алдай-оол, в пределах третьего десятка

Бошкажык, 20 лет.

Оппукай, около 45 лет.

Чинчи, 16 лет.

Мундургу, 20 лет.

Даданай, около 25 лет.

Семис-Кадай, около 50 лет.

Белдер, по званию хунду, в пределах шестого десятка.

Сенгин, по званию чангы, в пределах 45—50 лет.

Койнаа, по званию хунду, 45 лет.

Кызаннай, по званию хунду, в пределах шестого десятка.

Шадып, около 30—35 лет.

В массовых сценах — народ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Еще закрыт занавес. Свет постепенно гаснет, наступает сумрак, звучит тяжёлая, заунывная музыка. По обе стороны сцены загораются цифры: 1883—1885. В музыке — буря, слышны раскаты грома. Занавес открывается.

Из глубины леса, хромая и пошатываясь, бредет в кандалах изможденный
Оппукай. Из его груди рвется протяжная, как стон, песня.

О п п у к а й. Тяжело мне — ох, как тяжелы
на ногах, на сердце кандалы...
Где, скажите, где мне силы взять,
чтобы птицей, вольной птицей стать?..

(Песне вторит лязг железных цепей. Прервав песню, почти задохнувшись, Оппукай с минуту стоит безмолвно, потом продолжает путь в полубреду, то выкликая, то бормоча).

Вот я, вот, дорогой мой Самбажык, наконец-то я добрался! Волочу за собой ненавистные кандалы, и кровь моя попусту льется на мать-сырую землю... *(Пытается освободиться от кандалов.)* Эх, был бы тут жаркий горн да мех из козлиной шкуры — как жир на огне, растопились бы эти железяки!.. Нет, не осилите мне тебя, ярмо проклятое... На шею всей нашей Тувы висешь... над горами, над тайгой... небо от тяжести твоей прогнулось, солнце почернело!.. Дави, дави — всех по задавиши! Придет время, найдутся сильные кузнецы, разлетись ты, словно гнилая деревяшка! Помни это! Помни!.. *(Снова останавливается, отдыхает. Сила гнева его ослабевает, сменяется острой тоской.)* Эх, пока еще видят глаза мои, поглядеть бы мне хоть разок на родную доченьку! Чинчи, где ты сейчас, бусинка моя! Моя единственная! Погляди, доченька, как мучается твой отец... Голод, жажда, беда иссушили меня! Бедная моя... Где ты, моя кормилица? В холодную юрту, в страшное место пыток — чызаан, и то тайком пробиралась, курут — сушеный творог — мне приносила! Отзовись, доченька!.. *(Опять остановившись, озирается по сторонам. Прояснившись взором ищет кого-то.)* Где же они... Неужели туда, выше в горы ушли? *(Настораживается. Быстро — и откуда только силы взялись! — скрывается в тайге).*

Появляются Кызаннай и Бошказжык.

Кы з а н н а й *(ворчливо)*. Видишь, верно говорит пословица: «От обгорелого дерева — одна сажа, от дурного человека — один вред»... Ни дня, ни ночи не знаем — все ищем, да кого! Какого-то полудохлого негодяя. *(Вытаскивает китайскую табакерку — хоорге — и набивает нос табаком. Прочихавшись, продолжает.)* Много раз я этим господам говорил — вот как тебе сейчас, молодой человек. Так прямо и говорил им: с этого больше ничего не вытянуть, одни кости остались, пора, говорю, его отправить на тот свет...

Бо ш к а ж ы к *(раздраженно)*. Ничего я в этих ваших делах, милостивый хунду, не понимаю. К черту все это!

Кыз анна й. Что ты лопочешь, молокосос? Кого прокли-
наешь? Уж не богоданную ли власть ты сейчас к черту по-
слал?

Бошка жык. Что вы, что вы, господин, и в мыслях не
было... дривык просто. Поговорка у меня такая. Думал-то я о
конях... о том табуе, что для нашего Сенгин-чангы конокра-
ды пригнали. Хороши кони!.. Монгольские-то князья, Далай-
хан с Соржу-ханом, поди, по сто тысяч лан нашему Сенгин-
чангы заплатят, не пожалеют, лишь бы табуны свои вернуть!

Кыз анна й. Э, Бошка! Ты бы потише! Разговорился что-
то, парень...

Бошка жык. Да я что, господин... По мне, катилось бы
все это, на самом деле, к чертям... Сто лан, тысяча лан...
Смысла не вижу.

Кыз анна й. Погоди, глупый, будет тебе смысл. Вот
мы — или кто другой — найдем этого самого Оппукая да жи-
вым его привезем. Что же, думаешь, нам серебра в награду
не дадут? Вот тебе и смысл, вот ради чего мы тут топчемся,
мозоли набиваем, только бы угодить Белдер-хунду...

Бошка жык. У-е-о, вот оно что! Помилуй, всевышний!..

Кыз анна й. Так, так, парень, и не сомневайся: попадет
Оппукай живым в наши руки — вон какие монетки в них за-
звенят! *(Из чехла табакерки вынимает серебряные монетки
китайской чеканки. Любуется.)* Да им цены нет, на них мож-
но все купить! И скот, и чин, и звание... Силе их можно под-
чинить целые хошуны, хе-хе-хе... И чего только не совершит
серебро, парень! Вот хоть и ты: послужишь путем в хошун-
ном чызагне, пытать — казнить научишься, да гибче кланять-
ся господам, да беглецов этих выловить сможешь — гля-
дишь, и поднакопил серебра. Держись за меня — не простым
человеком будешь! *(Хитровато косится на Бошкажыка.)*

Бошка жык *(также с хитринкой)*. Что, значит, и я ста-
новлюсь дужуметом? Настоящим чиновником? И шапка бу-
лет дорогая, и шарик на ней, и одежда, как у байского сы-
на, — надо только серебра побольше скопить?

Кыз анна й. Вот ты и понимать начал! Серебро, сереб-
ро — и все тут!.. Ну, конечно, нужен и скот — ты же видишь,
какой почет тем, у кого много скота...

Бошка жык. А-а! Вот теперь я все понял. Найду, зна-
чит, я лихих, отчаянных парней, и пригонят они мне табун —
чей бы найти поблизости? Да хоть и ваш, господин... А хватит-
есь вы пропажи — тут я с вас лан сто и требую... Ничего, не
мало на первый раз?

Кыз анна й. Да ты очумел, что ли? Да за такие штуки!..

Бошкажык. Не обижайтесь, милостивый господин, это я так, к примеру. Поступают же так, сами говорите, очень почтенные господа... Черт бы все это побрал!

Кызаннай. Какой-то ты, Бошка... не от мира сего, что ли. Что ты знаешь о жизни высоких господ? И что ты можешь о пей знать? Судить, хорошо ли, плохо ли мир устроен, не тебе, да и не мне даже — есть для этого другие люди, их так сам господь создал, мудрость им вложил, ну, и власть, и богатство... А нам с тобой, знаешь, что делать надо? В чызаан скорей возвращаться: солнце вон уже к закату клонится. Пошлем побольше людей, авось, найдут они этого... дохлятину. (Оборачиваясь.) Эй, Бошка, а лошадь моя где? Я ее не отпустил пасться?

Бошкажык. Не тревожьтесь, господин, я ее привязал — пусть на привязи пасется.

Кызаннай. Вот и молодец. Говорю же я — ты парень с головой. Накопишь немножко...

Бошкажык. Серебра?

Кызаннай. Хе-хе-хе! Чего же еще? Мне, конечно, мало осталось жить на белом свете, отправлюсь в царство дываажан¹!... И знаешь, что: лучше тебя нет парня в моем сумоне. А наследника мне — смекай — бог не дал...

Бошкажык. Да исполнятся все ваши желания, господин...

Кызаннай. Да ты что, исчадие адаво, радуешься уже? Мертвечину почувал?

Бошкажык. Простите меня, господин... Ненароком глупость сказал.

Кызаннай. Не-на-ро-ком... Ты же с теми, с беглецами, из одного сумона! Уж не родня ль они тебе?.. Ну, ну, и я пошутил. Будешь стараться, переловишь их — скота у тебя будет, что песку в степи! Ни в сказке сказать, ни... Запомнил? Ну ладно, поехали.

(Вдалеке слышится голос Чинчи. Она поет.)

Где отец мой, свет моих очей?
Отзовись же дочери своей.
Лес дремучий обойти хочу —
горько плачу, все тебя ишу...

Бошкажык. Что это — почудилось мне, что ли? Голос девичий... И знакомый. Да это же Чинчи! Дочка того самого... Оплукая... Чинчижик!

Кызаннай. Не-о, вот это находка! В пасть лежащего верблюда перекаати-поле попало, так, что ли, пословица гово-

¹ Дываажан — рай.

рит? Знаю, знаю эту Чинчи, в прислугах у нас жила... Хе-хе-хе! *(Напускная доброта слетела с его лица, как маска. Видно, как жесток этот человек. Он ищет девушку глазами).*

Бошкажык. Всемиловитые небеса!.. И вправду она... Сиротка бедная... В юрте совсем одна осталась: мать в ставке чанзы пыткой пытаются, отец неведомо где бродит... Жалко мне ее.

Чинчи *(снова поет).*

Голос нежный, как хомусный звон,—
только где же, скоро ль смолкнет он?
Сан мой стройный краше горных пихт
успокоит смерть в какой степи?

Кызаннай. Тихо ты, парень! Сиди вот тут *(Прячет Бошкажыка за корягой, силой вталкивает туда.)* да помалкивай. *(Изменив голос, со стоном, зовет.)* О-ой, доченька Чинчи! Сюда, дочь, сюда...

Бошкажык *(поспешно)*. Да нет, хунду, не ее это голос. Точно теперь слышу — не она... Чужая девушка.

Чинчи *(вбегая)*. Отец! Милый мой, бедный мой, наконец-то я тебя нашла! Отец! *(Внезапно останавливаясь.)* Да где же ты?

Кызаннай. А, прилетела, пташка! Отца тебе надо? Вот он я, чем тебе не родитель!.. Хе-хе-хе!

Чинчи *(несколько мгновений стоит, как онемевшая, затем, закрыв руками лицо, что есть силы кричит.)* Мама, мам-а!.. Спасите! *(Падает, как подкошенная.)*

Бошкажык. Небеса мои милостивые! Нельзя же так пугать девочку, господин хунду! *(Поднимает Чинчи.)* Ну, что ты, что с тобой, вставай, сестричка! *(Чинчи с трудом поднимается и вытирает слезы.)* Садись сюда! *(Бошкажык показывает ей на валежник, Чинчи послушно садится.)* Рассказывай, откуда и куда идешь...

Чинчи *(неохотно)*. Из своего аала вышла.

Кызаннай *(снова с напускной добротой иногда даже сюсюкая)*. Из своего аала, говоришь? Бедненькая девочка... Да не бойся, пошутил я. Где же твоя мама, где отец, а?

Чинчи *(растерянно)*. Отец?

Кызаннай. Ну, конечно же, милая! Никак не найдем мы его. Ты Самбажыка, Дажыму — ну, и остальных там — знаешь? Так мы тоже из ихнего стана! Мама у тебя где — в чызаане, да? Замучат ее эти супостаты, как же вызволить бедную... Да смилуется над ней всевышний!..

Чинчи *(приободрившись)*. Так вы — друзья Самбажыка? Правда? В тюрьме моя мама, в тюрьме. *(Плачет).*

Кызаннай. Да не плачь ты, не плачь, глупенькая... Долго, долго она там томится... Ну, да мы что-нибудь при-

думаем. Мы ведь и сами — знаешь кто? — беглецы... Где же отец твой, доченька?

Чинчи. Отец... отец теперь..

Бошкажык. Да, черт-то все возьми... заезжают эти люди в ваш аал, сестрица?

Кызаннай (*настойчиво*). Отец-то твой далеко ли отсюда?

Чинчи. Не знаю... Я его...

Бошкажык (*торопливо, отвлекая*). А к маме ты ходила? Сильно они избили ее?

Чинчи. Ой, не знаю, что и сказать! Говорят, все девять пыток выдержала! Смотреть страшно — словно и не она вовсе.

Кызаннай (*разгневанно*). погоди, Бошкажык, ты почему так делаешь? Я у нее про отца спрашиваю, а ты уже который раз перебиваешь! Иди лучше, лошадей посмотри, как бы не увели лихие люди! Ну, сестреночка, что же ты не скажешь, где твой отец?

Чинчи. Отец...

Бошкажык (*торопливо, жестами показывает Чинчи, что Кызаннай — плохой человек и говорить ему ничего не следует*). Может, ты и сама не знаешь, где твой отец? Конечно, не знаешь... (*Уходит, подмигнув*).

Кызаннай. А ты уже выросла... Созрела, ягодка моя, быстро в сети свои увлекаешь молодых парней... Да разве только молодых? Вот и такие, как я, в почтенном возрасте... (*Пытается обнять Чинчи, она стремительно отскакивает, Кызаннай падает. Вскрикивает, обозленный. Почти сбросив маску*). Ого, вон ты какая! Где твой отец?

Чинчи. Не знаю!

Кызаннай. Так-таки не знаешь? Не скажешь, где он? Ла-адно...

Чинчи. Не знаю, не знаю и не знаю! Чего вы ко мне привязались?

Кызаннай (*уже не скрываясь*). Не укажешь, значит, мне его местонахождение? А знаешь ты, что положено за сокрытие беглеца? Вот это (*поигрывает кнутом*) видела?

Чинчи. Видела, видела давно! И пробовать приходилось, каково на вкус! Знаю вас, хунду, прислугой вашей была! Что вы беглецом прикинулись, людей обманываете? Совести у вас нет!

Кызаннай. Держи язык за зубами, чертовка! Что ты знаешь, глупая? Что умеешь? Простоквашу хлебать?

Чинчи (*наступая на него*). Все, все я знаю, хунду! Знаю, как заставлял моего отца скот для тебя воровать у соседей...

Кызаннай. Заткнись, ничтожная тварь!

Чинчи. И того не забыла, как ты меня к лиственнице привязывал да мимо стрелял, чтоб напугалась, выдала вам отца...

Кызаннай (кричит). Гадюка! (Ударом кулака сбивает Чинчи с ног. Хлещет ее кнутом).

Бошказжык (подбегает, хватая за кнут). Господин! Не бейте ее! Что она может знать про отца, господня хунду! Это же... девчонка, женщина с длинным подолом, а не данник господский! Небеса милостивые! Говорит же народ: чиновник закона не знает — кнут свой ременный хватает!

Кызаннай. Оппукай этот — мой, мой, мой слуга, мой данник! Как хочу, так и распоряжаюсь его судьбой! И девчонка — моя! Ну, заткни ей рот, чтоб не орала, да связи покрепче. Привезем в чызаан, забьем в кандалы, тут и дохляк Оппукай сам приплетется! Вся семейка в руках у нас будет! Ну, что стоишь?

Бошказжык. Да пусть... пусть черти тебя самого заберут да свяжут, господин хунду! У меня сестры такие, как она. Не стану я ее вязать!

Кызаннай. Ага, щенок, раскусил я тебя, наконец! Стало быть, и ты с ними заодно! (С размаху бьет Бошкажыка по лицу.) Вот тебе! Догадался я...

Бошказжык (руками отирая щеку). Да, с ними, с ними! Небеса милостивые, как я мог! Ну, погоди, хунду! Утро настанет, солнце взойдет — ты мне за все заплатишь! Уходи скорее, Чинчи!

Кызаннай. Пусть только попробует сбежать! Я ее живо в чызаан запру! (Преграждает дорогу Чинчи.) Мое дело решать, что с ней будет, она — данница моя! Да и ты у меня в подчинении, щенок! Ханский закон нарушать права у нас нет, помни это!

Бошказжык. Запомни и ты: не тебе с нынешнего дня подчиняюсь, а Самбажыку! В горы уйду, вас, кровопийцы, карать буду! Да беги же, беги, Чинчи!

Чинчи (Кызаннаю). Бешеный пес! Слюной исходишь, подражая Сейгинчику? Не бывать по-твоему! Сторонись! (Отталкивает Кызанная и убегает).

Бошказжык. Ну что, хунду, улетела жар-птица? Не захотела приманкой быть родному отцу? Не так прост, оказывается, простой-то народ, данники ваши! (Спокойно садится на валежник, закуривает.) Успокойтесь, господин!

Кызаннай (с хитростью). Нет, ну разве не молодец? Говорил же я, ты парень с головой, Бошка... Ловко придумал: она теперь решит, что мы — то есть ты — и вправду из беглецов. Вот это обвел девку! Вот тебе и милостивые небеса! (Подходит к Бошкажыку, принимает дружескую мину).

Бошкажык. Легко пожар разжечь, трудно потушить. Кызаннай. А, вот ты о чем? Ну, ну, полно, поспешил я, погорячился, мало ли чего между друзьями не бывает... Ну, Бошка, не трать времени на перебранки. Наступит зима, снег выпадет --- куда тогда эти беглецы денутся? Переловим, как куропаток! Подумай, что бедному человеку в мороз милее его ветхого чума!

Бошкажык. Нет, хунду! Я домой не поеду. В горы уходит надумал. Говорят в народе: сорвется дело у молодца --- быть ему в новом рождении комолым синим быком. Что же, и мне быком-дураком обернуться?

Кызаннай. За каким же это чертом, как ты говоришь, тебя в горы потянуло? Чего искать едешь?

Бошкажык. Чего искать? Правду. Справедливость. За справедливым законом туда еду!

Кызаннай. Где ж ты его найдешь, такой закон? На дороге он валяется, что ли? Кто тебе даст его?

Бошкажык. Послушайте, господин хунду! Десять лет служил я вам, пас ваш скот. Почему вы все богатеете, а я -- беднею, обносился весь? Где нажитое моим трудом? Кто придумал такой закон, чтобы я бесплатно работал на вас? Вот и ушли в горы те люди, которых вы преследуете, чтобы до причин всего этого доискаться. Узнают -- вернутся. И уж тогда придется каждому его долю отдать, помни, хунду!

Кызаннай. Не горячись, не горячись, Бошка. Обида у тебя на меня? -- Жалуйся, Начальство разберется. И чего ты хочешь? Десять лет вместо сына живешь у меня. Сколько одних старых шуб отдал тебе за эти годы! И еще давать буду! Чем не плата за труды твои? *(Говоря это, Кызаннай незаметно вытаскивает нож Бошкажыка из ножен.)* Чего же еще тебе надо? Скажи -- я ведь дам! Дам, дам, не пожалею!

Бошкажык *(в сильном гневе)*. Что же мне еще нужно? Убить тебя, проклятого лицемера, и идти к Самбажыку! *(Хватается за пустые ножны. Кызаннай мгновенно вонзает ему нож в бок.)* А-ах! *(Падает)*.

Кызаннай. На, подавись! Захлебнись своей кровью! Каждого из вас такой конец ждет! *(Воткнув нож в землю, уходит)*.

Бошкажык *(с усилием приподнимает голову)*. Эх, жалко... упустил я его... Э-эй, люди! Спасите меня! *(Пауза)*. Нет, никто уже, наверное, не остановит мою кровь... Бедная мама, сестры... *(Касается рукой груди. смотрит -- рука в крови.)* Как странно... вот моя кровь... Чинчи, бедняжка моя. Я же тебя давно люблю, ты и не знаешь... и не узнаешь теперь... Э-эй, сюда! Лю-юди!

Возвращается Чинчи.

Чинчи. Кто-то опять кричит, стонет... Или мне почудилось?

Бошкажык стонет. Чинчи находит его.

Чинчи. Кто это? Что с тобой случилось? Господи, спаси! *(Приподнимает голову Бошкажыка).*

Бошкажык. Ну вот, и увиделись мы с тобой... моя милая... Посмотри, что сделал со мной этот негодяй... Да пожмой — вот он, нож — отдай Самбажыку, пусть отомстит за меня. Отомстите за меня! Слышите, люди?

Чинчи. Ты что, ранен? Что он сделал с тобой? Где твоя рана, давай, перевяжу! *(Развязывает свой пояс).*

Бошкажык *(со стоном)*. Нет, Чинчи, поздно уже... Иди, да смотри, не попадись им в руки...

Чинчи. Господи! Горы, тайга родная, небеса синие, спасите его! Ты будешь жить, мы будем вместе! Потерпи, милый, я травы знаю, вот пойду, найду, остановлю кровь!.. *(Уходит искать травы).*

Бошкажык. Постой, не уходи, Чинчи, любимая! Дай последний раз вдохнуть запах твоих волос! А больше мне ничего не надо...

Чинчи. Ты не умрешь. Пусть сгниет все плохое. Я травами залечу твои раны, слышишь? *(Снова поднимает его голову).*

Бошкажык *(с усилием)*. А какие... ты знаешь... травы?

Чинчи *(радостно)*. Есть трава, называется волчьих листьев, мис ее мама показывала. Полежи, я найду. *(Уходит).*

Бошкажык. Бедная... милая... Дитяtko осиротелое... Пожить бы рядом с ней на земле... *(Чинчи возвращается с зелеными листьями в руках, радуясь своей удаче).*

Чинчи *(успокаивая)*. Вот, вот она, трава. Однажды я поранила ногу топором, отец привязал эти листья к ране — кровь мигом остановилась. *(Торопится перевязать рану).*

Бошкажык. Подлого Кызанная...

Чинчи. Да будь он вовеки проклят... Ты терпи, терпи, милый, рана заживет.

Бошкажык. Не надо, пусти, милая! Обниму землю родную. *(С трудом приподнимает голову, набирает полную горсть земли.)* Сарану твою и кадык дикий собирал я, хлеб сеял на твоих равнинах, Родина!.. *(Голова его бессильно падает набок).*

Чинчи *(стараясь приподнять и посадить Бошкажыка)*. Бошка! Что с тобой?

Бошкажык. Иди, иди, моя красавица... К Самбажыку иди, с ним иди, по его дороге! Пусть он отомстит за меня!

Чинчи. Ты не умрешь, не умрешь, я же знаю! Эти листья хорошо останавливают кровь! Мы вместе отомстим! Вместе, только вместе!

Бошкажык. Верно говоришь, Чинчи... Вместе, вместе с тобой будем... мстить... *(Умирает)*.

Чинчи *(плача навзрыд, обнимает голову мертвого Бошкажыка)*. Неужели ты оставил меня? Что же мне делать, что, одной, без отца, без матери? Как птенец, выпавший из гнезда... Нет, нет! Я не смогу одна. Вдвоем будем мстить! А-а! Помогите мне, сироте, братья мои! Самбажык, где ты?.. *(Обнимает труп Бошкажыка)*.

З а н а в е с.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Стан восставших. День клонится к вечеру. Там и тут горят костры, слышны песни, видны группы людей. На переднем плане, также у костра, сидят Самбажык и его товарищи.

Самбажык. Поглядите-ка! Вон, видите — орел? Высоко летит! И почему только у человека нет таких крыльев? Как он парит, красавец. Свободно, плавно... Э, мне бы его крылья, да взлететь выше орла!

Дажыма. Что печалишься, друг? Ты ли не орел, Самба! Крыльев нет у нас с тобой, но душа — разве не выше хищного орла взлетела она?

Комбулдай. Полно вам. И Оппукай высоко летел, душой-то, а где он сейчас?..

Самбажык. Да, жалко старика. Хороший был человек. С самой весны и до самой осени ищем его, да хоть бы кости серые найти! А может, жив?..

Урундай. Я думаю — жив. Не прошел ли он перевалами Алдай-монгул и Казак-монгул да не ушел ли, по реке Апы, на север, в страну русских?

Самбажык. Это бы хорошо.. А как же кандалы? Где он их бросил? И кто расковал его?

Пауза. Все в раздумье.

Дажыма. Да, тяжело жить народу. Вот нам — чего надо? Под ясными солнечными лучами по земле ходить, чистую воду из горных ключей пить — вот и все... А мы, как волки, в тайге прячемся от ханского закона, вот уже и кличку нам дали — «беглецы», вот и все девять хошунов Танну-Тувы на нас подняли...

С а м б а ж ы к. Скрываемся, говоришь? Нет, мы — не трусливые беглецы, не волки в тайге — настоящие мужчины! Вот, ты и сам был чиновником, хунду, ты умный, монгольскую и тибетскую грамоту знаешь — а поразмысли, чем может кончиться наше дело?

Д а ж ы м а. В древних книгах, суграх, про то не написано. Кто же найдет ответ, как не ты? Думай, решай сам, ты у нас — главный...

С а м б а ж ы к. Что тут гадать, друзья! Дажыма знает — да вслух сказать боится. А я гляжу вперед — и вот что вижу (*смотрит по сторонам, замечает сухую ветку караганника*): когда-нибудь вот так (*срубает ножом верхушку ветки*) отрубят головы Самбажыку и Дажыме, вот и думать станет некому, и все будет ясно. Так ли, грамотей?

У р у н д а й. Боязно так-то!..

С а м б а ж ы к. Куда страшней. Ну а мечь, сердца наши переполнившая, — вот-вот разорвет их — не страшна разве? Сколько славных людей, друзей наших, насмерть запытали, замучили проклятые чиновники! Сколько их по долинам — видите? Серые кости братьев наших, бедняков, солнце жжет, дождь мочит, ветер сушит! А мы — мстим за них. И мстить будем, пока не выклюют вороны нам глаза...

К о м б у л д а й. Как же это — за чужих мстить, а свои головы под топор подставлять? Думать нам надо, пока не поздно...

У р у н д а й (*в раздумье*). Может, ты тоже прав, Комбулдай?..

К о м б у л д а й. Нет, правда, как это — за чужих людей...

С а м б а ж ы к. Стойте, вы, умники! Чужих!.. (*Засучивает рукава.*) Что значит — чужих? Я вот и знать не знаю, что это — чужое! А кто хочет чужаком для нас стать — пусть уходит! Спускайтесь в долину, к врагам нашим, своими руками наденьте на себя кандалы. Сгинете, как Оппукай. А я — мстить за вас буду. За чужих. Оружие заберете, врагам отдадите — голыми руками буду драться!

К о м б у л д а й. Да что ты, Самба, — разве мы трусы? Я всегда с тобой останусь. На нас ведь охотятся, переловить хотят, в кандалы заковать... Истребить хотят самую нашу память!..

С а д ы я а. Вот что правда — то правда... И Самбажык тоже верно говорит... Все — правда...

С а м б а ж ы к. Сколько у вас пальцев на руках? На сбеих? Десять, или...

К о м б у л д а й (*рассматривая свои руки*). У меня — десять. И вроде бы у всех так... Беспалых-то у нас нету.

Самбажык. Так, значит, нет беспалых. У всех по десять... А у чиновников, у богачей — что, разве их по двадцать?

Комбулдай. У Белдер-хунду на левой руке нет мизинца! Девять у него, девять!..

Все. Ха-ха-ха! Вот и сосчитал! Пойдем, посчитаем еще?

Самбажык. А скота сколько у того же Белдер-хунду? Ты уж, наверное, знаешь: целых десять лет был у него табунщиком, или неправда?

Комбулдай. Скота у Белдер-хунду теперь... если весь-то считать... постой-постояй... эдак прикинуть в уме... голов пятьсот — шестьсот будет.

Самбажык. Это у девятипалого уroda! А у тебя руки здоровые, умелые, так, Комбулдай? Так у тебя, верно, и того больше скота?

Комбулдай. Эх, кабы так!.. А то была коровенка, и ту угнали...

Самбажык. Что же не умножил свой скот?

Комбулдай. Да это как сказать... не умею, видно. Не родился богатым быть.

Самбажык. То-то — не родился. Всю жизнь растил ты скот, умножал богатства то Белдер-хунду, то еще чьи... А что они тебе давали за это? Кислый курут¹ да снятое молоко... Вот и пойми, где она, правда.

Комбулдай. А что же мне делать было?

Самбажык. Как что делать? Не служить богачам безропотно. Плату за свои десять, двадцать лет труда потребовать — что же больше?

Кошкендей (*заинтересованно прислушивавшийся к беседе*). Господа могут и не дать ничего... Что тогда?

Самбажык. Ничего не дадут? А ты не будь труслив, как заяц, не озирайся, как сорока!.. (*Смеется*).

Да жым а. А если все же — не дадут?

Самбажык. Силой взять надо. Своими крепкими руками взять — и все тут.

Кошкендей. А если схватят? Кандалами звенеть?

Самбажык. А ты не попадайся! Нет, я сдаваться им не пойду. И скот этот, богачами у нас отобранный, обратно забирать у них буду. Прокормлюсь, пока стад да отар их хватит. А нечего есть станет — с голоду в этих скалах умру. А уж если попадусь ненароком им в руки — глазом не моргну перед ханским законом! Любые пытки выдержу. Пусть народ смотрит, пусть скажет, высоко ли летит орел.

¹ Курут — вид сушеного творога.

Комбулдай. Если так — надо и нам скот отбирать у баев?

Самбажык. Конечно! И не только нам. Все бы бедняки поднялись да взяли свое, законное...

Комбулдай. Хорошо ты рассуждаешь, Самба. Вот и неграмотны мы с тобой, а твои мысли — словно в святой книге написаны... И почему не родился ты живым богом?

Дажыма. Ну, нет, мы — не боги. Но всем стадам на земле — хозяева!

Самбажык. Вот, иди, Кошкендей, пригони сюда свой скот.

Кошкендей *(растерявшись)*. А как же? Как я его... заберу!

Самбажык. Говорил же я — силой! *(Показывает жестами)*.

Кошкендей. А-а! Ха-ха-ха! Вот и я все понял! Так, что ли? *(Изображает борьбу, побег)*.

Самбажык. Беглецами нас называют...

Все. А кто же мы? Разве не беглецы? Семьи бросили... Или мы в своих юртах живем?

Дажыма. Болтовня... Глупое слово. Надо людей от этого слова отучить. Тогда каждый бедняк поймет нас...

Самбажык. Верно, друг! Не беглецы мы. Не прятаться от жестокого ханского закона сюда ушли. Мы сами людям можем дать закон — новый, справедливый! Пусть все будут равными. Зачем одному унижать другого? Зачем одному от жирной еды изжогой мучиться, другому — голодную слюну глотать? Пусть все люди живут, как люди. Нет над нами никаких господ! И не должно быть вовеки. И не бойтесь: им в руки мы не дадимся.

Пауза. Самбажык задумчиво запекает, остальные подхватывают:

Бурых скал верблюжки туши, о-о,
давят землю постоянно, о-о...
нависают грозно тучи, о-о,
над моим мятежным станом, о-о!

Пусть зовут нас беглецами, о-о,
в кручах скроемся скалистых, о-о!
Не сдаваясь, назвали мы, о-о,
неподкупными бойцами, о-о!

Не схватить нас, не связать нас, о-о,
не убить, не расстрелять нас, о-о,
пусть бедняк-народ поверит, о-о:
мы в горах — лесные звери, о-о!

Д а ж ы м а. Значит, не сдадимся мы врагам — а потом будем свободны, как звери? Так ли я понял твою песню, Самба?

С а м б а ж ы к. Эх, ты, грамотей! Какая же свобода у зверя? Не охотники, так хищники — свои, видишь ли, тоже звери — покоя не дадут, знай дрожи в вечном страхе... *(Все смеются, соглашаясь.)* Настоящая свобода — это если ты не только за себя, за своих близких, за аал свой спокоен, а и за весь народ, за всю страну родную! Выйдешь из юрты — скот пасется... А только ли скот тебя радует? Нет, друзья дорогие, главное — чтобы знал ты: чызаанов больше нет, нет и не будет, никогда больше один человек другого в тяжелые колодки не забудет... И налоги непосильные не тяготят простого человека, живи, скот свой расти, о семье заботься! Вот она — свобода!

Д а ж ы м а. Не сладко, как прикинешь, и зверю живет-ся на белом свете. А все же звери-то свободнее нас: девяти пыток для них никто не придумал: ярма да колодок не сделал, да и голод им легче перенести...

К о м б у л д а й. Голодать-то, хунду, и нам покамест не приходится. И мясо есть еще, и чай... Только вот пороха да табак все меньше и меньше становится... А вот какво дальше придется нам?..

С а м б а ж ы к. Нашел о чем горевать, друг! Порох да табак у нас будут. Парни съездят, привезут. Кто поехал к Узун-Бачыылаю?

С а д ы я а. Кузнец Мурду. Вернулся уже.

С а м б а ж ы к. Что так скоро? Чего привез?

С а д ы я а. Семь берданок да полсумки пороха Бачыылай дал.

С а м б а ж ы к. Маловато... *(Задумывается.)*

Д а ж ы м а. Да, совсем мало... Как же это ты, Комбулдай, валухов самого Сенгин-чангы в тот раз увел? Ухитрился же! Расскажи!

К о м б у л д а й. История — чудо просто! Еду, значит, я на своем Гнедке-Сарала. Вижу — человек самого Сенгин-чангы с полной сумой едет, не иначе, от купца. Подъехал он к коновязи, слез спокойненько с коня, привязал его и в кусты подался. Я тут как тут: схватил суму с седла и как ударю коня, как помчусь в горы!.. Что тут было! Кричат, собаки лают — не разберешь, кто где!..

В с е: Ну, ну, дальше рассказывай! Молодчина.

К о м б у л д а й. Смотрю — конные следом за мной скачут. Я от них. Тут, гляжу, большая отара жирных овец пасется. Не иначе, тоже сенгинчикова. И прямо передо мной; как шарахнулись они от коня, валух этот самый бежит. Ничего себе баранчик, с годовалую телку, курдюк — во! *(Пока-*

зывает жестами.) Нагулял, видать, жирку с тех пор, как облегчили его... Ну, я, не будь плох, схватил его на всем скаку за спину да и взвалил на седло.

Садыяа. Вот это силища! Орел!

Комбулдай. Те ближе скачут, но мой Гнедко хорошо идет. Вот только валух этот... крутится, вырывается, да и тяжел. Ну, я тут вытащил нож, заколол его, распорол брюхо, внутренности на дорогу выбросил — и дальше. Так и ушел от погони по крутому склону.

Садыяа. Угостил, значит, слуг чангы потрохами! Так им и надо, господским блюдолизам!..

Самбажык. Вот вам и герой. Самый настоящий. Так будем возвращать скот, выращенный нашим трудом! Одно плохо — мало у нас людей.

Дажыма. Я слышал, из южных хошунов будто народ к нам на подмогу идет.

Самбажык. Похоже на правду... Есть и там смелые парни. Жаль, самых лучших по чызаапам сгноили палачи.

Комбулдай. Вызволить бы их нам! Есть же в тех тюрьмах живые, кто знает, сколько им еще муки терпеть!..

Дажыма. Да не так это просто, Комбулдай... Совет держать надо. А что, если нам всем, хоть ненадолго, съездить теперь домой? Как иначе освободишь Узун-Белека и других?

Самбажык. Пусть будет так. Кто хочет — пусть едет в свою юрту. Но те, кого я назову, поедут со мной — в чызаан!

К костру подходят возбужденные Урундай и Садыяа: они только что отошли в сторону, и вот — несут в руках заржавевшие кандалы!

Урундай. Самба! Старший брат, гляди, вот они! *(Отдает кандалы)*.

Садыяа. А вот и пилка, гляди, Самба, вот так он и перепилил.

Самбажык. Неужели сам? Ждал нас, значит... Эх, если бы вся Тува сбросила вот так свои кандалы — что бы от них осталось? Но где же он сам? Где Оппукай?..

Комбулдай. Онгаштай, говорят, тоже бежал законный!..

Самбажык. Так оно и было. Неважно, чьи они — но где же их хозяин?

Кошкендей. Десять пометок должны быть на кандалах Оппукай. Дайте, я погляжу.

Самбажык *(протягивает кандалы Кошкендею, смотрит сам)*. Глядите, друзья!

Кошкендей. Точно, Оппукая это кандалы. Вот они — метки... Одна, две, три... четыре... десять!..

Самбажык. Цепь здесь. Пометки все целы. Человек где?

Урундай (*глядит вниз со скалы*). Дядя Самба! А вон там... у подножья... что это?

Самбажык (*подходя к краю обрыва*). Все сюда! (*Подходят.*) Глядите! Видите — вог, перед скалой... Верно говорит народ: настоящий мужчина в юрте родится, перед скалой умирает.

Дажыма. Эх! Что же мы раньше сюда не пришли! Пять месяцев ищем человека... Могли бы живого застать.

Самбажык (*гневно*). Ну, погодите вы все, господа, почтенные владыки! Подумайте... Попомним мы вам нашего товарища, пытками замученного, железом вот этим ржавым изувеченного! (*Поднимает кандалы, высоко держит их над головой.*) Над могилой друга своего, над могилой сына твоего, тайга родная, клятву даем: не будет врагам от нас пощады. И сами мы пощады у них не запросим! Драться будем — до конца. (*Восставшие повторяют слова клятвы*).

Дажыма. Э-эх, горе... Тяжело у меня на душе...

Садыяа (*подходя к Самбажыку*). Самба, чиновники приехали! Из сумонного правления! Сюда пропустить просят. Часовые не пускают.

Самбажык. Зачем они явились сюда — в такие тяжкие для нас минуты? Я не хочу знать, кто они — гоните их прочь!

Дажыма. Погоди, Самба. Выслушаем их, узнаем, чего они хотят. Долго ли это? А за нашего товарища — мы их покарем.

Самбажык. Сколько их там? Кто они?

Садыяа. Трое. Один, за старшего — Койнаа-хунду, других не знаю. Сидят возле нашего часового, ждут.

Самбажык. Пусть будет по-твоему, Дажыма. Пропусти их.

Садыяа. Иду, (*Возвращается.*) А связывать их надо?

Самбажык. Что же их вязать? Не львы и не тигры!..

Садыяа. Хорошо, Самба. (*Уходит*).

Дажыма. Разочтемся с ними за Оппукая. Я им первый покажу.

Урундай. Уж я устрою этому пройдохе Койнажыку поминки по старому арату! (*Засучивает рукава*).

Самбажык. Горячий ты человек, Урундай. Будь благодарен.

Дажыма. При чем тут благоразумие наше? Пусть пеняют на себя — зачем оказались здесь в такие минуты!

Ох, и всыплю я им, чтоб больше ходить сюда неповадно было!

Появляется Койнаа.

Койнаа. Все ли вы в полном здравии, господа мой?

Самбажык. Хозяева здоровы. Здоров ли гость?

Койнаа. Благодарение господу нашему! (*Садится на землю*).

Дажыма. Сюда, на каменный ковер прошу!

Койнаа пересаживается на камень.

Самбажык. Зачем пожаловали к нам? Говорите!

Койнаа (*настороженно*). Высокие господа наши послали нас посетить становище ваше. Как вы себя чувствуете, господин? (*Протягивает табакерку — хоорге. Самбажык принимает ее, поднимает вверх и возвращает обратно, не притрагиваясь к табаку. Койнаа протягивает снова. Самбажык больше табакерки не берет*).

Самбажык. С вами, надо полагать, прислали указ? Может быть, изложите его нам поскорее, не тратя времени?

Койнаа (*высокомерно*). Правление нижнего хошуна, глава южных хошунов Амбын-нойон, монгольские князья Сайын калгаский и Ток ослетский вместе решили применить к вам самую легкую меру наказания за ваши воровские преступления, согласно ханскому закону. Об этом сообщить я приехал. И еще просили передать, господа, что вашим бегством весьма недовольны и обеспокоены все жители всех девяти хошунов Танну-Тувы нашей...

Дажыма. Как ты нас назвал? Кто, чем недовольны?

Койнаа. Девять хошунов Танну-Тувы: Хасут, Тожу, Салчак, Оюны, Шалыки, Маады, Чооду, Байсе, Саин ноян, хемчикский Даа-Хошун — все, решительно все без исключения недовольны вами!

Самбажык. Что же так обеспокоило эти племена? Может быть, они спешат присоединиться к нам? Мы тут тоже слышали: обеспокоен народ. Каждое утро в нашу сторону чаем кропят, молиться стали на запад — с чего бы это?

Дажыма. Не на юг, почтенный хунду, не в сторону Манчы-хаана, на запад теперь молятся люди, слышите?

Все смеются.

Садыяа. А еще мы слышали, новый обычай у аратов-данников ваших появился: едет чиновник с плюмажем — встречают ружьем заряженным, шарик на шапке заметят — ударом ножа ответят!

С а м б а ж ы к. Вот так, хунду, мы себя и чувствуем. Ясно вам, в каком мы полном здравии?

Д а ж ы м а. Унесите ноги, почтенный, пока парни наши не «обеспокоились»!

С а д ы я а. Проваливал бы ты, хунду, пока голова цела! Мы — ребята баловные, придет охота пошалить — все может стрястись с таким благородным человеком, как вы... Не усмирите же вы нас единым словом, ха-ха-ха!

К о й н а а (*испуганно озираясь*). Подумайте, подумайте, господа беглецы. Что вам плохого сделали наши всемилостивые владыки? Одно только благо! Кислым молоком досыта кормили, внаем своих коньков-двухлеток вам давали... Разошлись бы вы лучше по юртам, растили свой скот!..

С а м б а ж ы к (*гневно*). Урундай! (*Жестом показывает в сторону кандалов. Урундай приносит их*).

У р у н д а й. Валай, старый черт, нахваливай свою кислятину да заморенных коньков! А ну, повернись сюда! А этим — кого вы накормили? Вот твое благо, собака! (*Бросает кандалы к ногам Койнаа*).

К о й н а а (*платится, умоляюще*). Ваше... высокородие, молодой господин, смилуйтесь, нельзя ли по справедливости?..

С а м б а ж ы к. Оставьте его, Урундай. Передайте своим господам, хунду: мы уже здесь позабыли, что такое эжен хаан, законный порядок, верхние да нижние правления, амбын-нойоны да начальники всякие! Кара-Даг шестиглавый будет нашим ханом. Оргу-Шоль, степь бескрайняя, — нашим престолом. Кто хочет нас увидеть — пусть сами едут сюда. Справедливого, правдивого гостя примем в белой юрте, хищного, коварного врага — в лесной чащобе. Поняли? Вас, кажется, зовут Койнаа-хунду?

К о й н а а. В девяти хошунах Танну-Тувы кто же меня не знает?

С а м б а ж ы к. Койнаа-хунду... Знаем вас и мы, притом очень хорошо знаем. И вот за это...

Д а ж ы м а. Нет у нас сейчас, хунду, для вас почетного угощения по обычаю. Не сварили еще жирных кусков. Вот достанем своих валухов из вашей кошары — приезжайте, угостим на славу!.. А пока угощайтесь вот этим...

К о й н а а (*возмущенно*). Какое еще угощение? Чьи это овцы могут быть в моей отаре?

Д а ж ы м а. Вот этих бедняков. Они растили твой скот. И мы решили вернуть его им. Запомни, Койнаа-хунду. Дайте ему угощения, чтоб не забыл, да покрепче! Эй, Урундай!

К о й н а а. Смилуйтесь! Да будьте же милостивы! Все передам, как сказано. Если понадобится, могу даже...

Урундай. Что-то у меня, хунду, руки чешугся! *(Хлещет Койнаа по щекам. Другие держат Койнаа)*. Эх, мало, не проходит зуд, почесу еще!

Самбажык. Урундай, перестань, перестань! Что это тебе вздумалось? Простите, хунду, нет у нас настоящего шаага, а у этого парня ладони жесточе бычьей кожи — как бы скулу вам не свернул. Уезжайте-ка вы скорее, подобору-поздорову.

Койнаа. Вы что же, собаки, законного порядка не знаете? Я этого так не оставлю! Я буду жаловаться в правление Нижнего хошуна!..

Урундай. Смотрите-ка — жалобщик выискался! Ишь, какой прыткий! И когда это ты успел выкормить столько собак? Гляди, как бы мы для тебя волками не оказались! Эх, опять у меня ладони зудятся. *(Со всей силы, серьезно бьет Койнаа по лицу. Тот покачивается, как дерево, корни которого подгнили: вправо — влево)*.

Койнаа *(со стоном)*. Согласен, ваши слова передам, как есть... У-е-е!.. *(Пошатываясь, уходит)*.

Самбажык. А ты горячишься, Урундай.

Урундай. Это я его за все прошлое угостил. Кто знает, будет ли еще такой случай? Вот я и отвел душу.

Самбажык. Ну, ладно, друзья. Побеседовали с этим хунду по душам — и хватит. Задержал нас только этот... разговор. Идемте, похороним Оппукая.

Внезапно возвращается Койнаа.

Койнаа. Как же я доберусь пешком? Ваши люди забрали моего иноходца!

Самбажык. Урундай, оседлай ему старика Мухортого! Пусть убирается!

Урундай. Бедняга Мухортый! И как только он потащит эдакого сома? Ну, пошли, Койнаа!

Койнаа плетется, Дажыма ударяет его плеткой по толстому заду. Все смеются.

Дажыма. Халак-халак, вот беда, не надо было отпускать...

Самбажык. Куда нам его? Ни собаки не выйдет — стан стеречь, ни ножа — сало резать!.. Никуда не годится.

Дажыма. Всыпать бы ему как следует у могилы Оппукая, а потом пусть идет, куда хочет.

Самбажык. Эх, Дажыма!.. Недаром ты и сам был, как он, хунду. Живет в тебе еще чиновничий дух. Все бы тебе «всыпать», «покарать» «наказать»...

Дажыма. Что поделаешь — гнев водой не остудишь.

С а м б а ж ы к (*возбужденно*). Друг! Дорогой ты мой друг, до чего же ты у меня горяч! Как пламя... (*Хлопает Дажыму по плечу.*) По всей бы Туве загорелся в сердцах людей такой гнев!

Широко улыбаясь, идет Урундай.

С а м б а ж ы к. Урундай, куда ты дел иноходца?

У р у н д а й. А тут, недалеко привязал.

С а м б а ж ы к. Это же единственный конь Оппукая. Пусть хотя бы конь его будет с нами! Ну, собирайтесь, друзья! Идем.

Люди начинают собираться у обрыва. Издалека слышен голос Чинчи, она плачет и поет.

Где отец мой — свет моих очей?
Отзовись ты дочери своей...
Приласкать, согреть тебя хочу,
горько плачу, все тебя ищу...

С а м б а ж ы к. Слышите? Кто это?

Ч и н ч и (*поет, приближаясь*).

Покажись мне, бедный мой отец!
Боль разлуки, не терзай сердец!
Покажись мне — на тебя взгляну...
Не оставь ты дочь свою одну...

К о м б у л д а й. Это же Чинчи! Она ищет отца! Что мы ей скажем? Как выдержать ее слезы? Что делать?

Д а ж ы м а. Увести бы ее куда-нибудь, ребята...

С а м б а ж ы к (*решительно*). Нет, нет! Все правильно, все так и должно случиться. С самой весны ищет отца бедная девочка — пусть увидит, что сделали с ним наши враги. Пусть загорится в ее сердце гнев и месть!

Входит Чинчи, увидев, кто перед ней, радостно улыбается.

Ч и н ч и. Родные мои, это вы! А я-то испугалась: думала, чужие, чуть не кинулась бежать... А это же вы! Вот и не думала, что вы здесь! Дядя Самба! Может, и отец мой уже с вами!?. Что, до сих пор не нашли его? Что? Что?.. Что же вы молчите, родные мои! Или... Или он сам... Что?!

С а м б а ж ы к (*подходит к ней, кладет руку на плечо, успокаивает*). Не плачь, сестрица. Ты уже взрослая. А отец твой... Ему теперь спокойно. Давно, крепко уснул он.

Ч и н ч и (*не поняв смысла сказанных ей слов*). Бедный мой... Истомился... (*Ободренно.*) Как же он сумел сбросить кандалы?

Да жым а. Вот его подпилок. *(Показывает Чинчи.)*
Этим...

Чинчи *(берет подпилок, прижимает к груди)*. Какая сильная сталь! Отца моего спасла! Спасибо тебе!.. Где же он... спит? В юрте? Где она, эта юрта, дядя Самба?

Самбажык *(гладит голову Чинчи)*. Ты взрослая, ты совсем взрослая теперь, девочка... Мы отомстим за твоего отца. Рука моя сохнет, небеса упадут на нас, если не отомстим!

Чинчи. Что? Почему мстить... за него? Разве он не с вами? *(Со страхом.)* Разве он... умер?

Самбажык. Да, сестренка, он умер. Убило его вот это ржавое железо *(указывает на кандалы)*.

Чинчи. Горе мне, горе! А халак, а халак! Оте-ец!..

Самбажык. Нет пути к оставленному, не оживить слезами мертвого... Встань, Чинчи. Встань же, сестра моя! Идем. Идем к нему, надо его на хорошем месте похоронить.

Чинчи *(смотрит туда же, куда смотрят все — с обрыва на подножье скалы)*. Это... он? Отец, отец, встань! Я пришла к тебе, это я, я, твоя дочка, Чинчи!.. Взгляни же на меня!..

Самбажык. Не надо, не надо плакать, Чинчи!.. Не убивайся так. Поздно теперь. Такая уж наша судьба, Чинчи. Чинчи, осуши глаза! Имя у тебя женское, сердце — мужское, я же знаю! Конь падет — коновязь останется, отец умрет — сын останется. Будь же не слабой девчонкой — сыном нашего Оппукая стань отныне, Чинчи! Ты осталась с нами вместо отца. Если ты среди нас — значит, это он жив, он с нами!

Чинчи. Вот вы... какие, братья мои! *(Она распрямилась, взяла себя в руки)*.

Да жым а. Комбулдай, отведи Чинчи к матери. Погорюй вместе со старухой, табачку искурите на помин души...

Комбулдай. Нет, брат, я не смогу. Трудно мне будет. Как ей такое сказать?

Да жым а. Ничего. Она поймет, сама всего натерпелась. Девушка *(кивает в сторону Чинчи)* сама ей все скажет.

Комбулдай. Ну что же, Чинчи. Пойдем к тебе домой, в юрту...

Чинчи. Эх, отец, отец! Если бы ты мог услышать, сколько во мне горечи и гнева, как жжет меня тоска!.. По твоему следу, по твоей дороге пойду я, отец! *(Поднимает высоко над головой подпилок.)* Вот она, пила твоя верная! У меня! *(Вынимает из-за пазухи плитки сушеного творогу, кладет на камень.)* И это — тебе я несла. *(Решительно.)* Нет, дядя, я домой не вернусь.

Самбажык. Слышали? Вот это — слова! Не одни мы —

данники проклятых наших господ, но и она, девушка в долгополой одежде, берется за оружие!

Все. Слышим! Видим! Это не девчонка, это сам Оппукай!

С а м б а ж ы к. Что же теперь, мужчины? По юртам разъедемся, как нам сразу два хунду советовали?

У р у н д а й. Какое — по юртам! Нечего нам дома делать! Мстить будем!

Все. Мстить, мстить! Во всех девяти хошунах! И у Амбын-пойоша, и у оолетов! Мстить!

С а м б а ж ы к. Молодцы! Знаете, кто вы теперь? Не беглецы, нет — настоящие богатыри! *(Подходит к Чинчи.)* Не бойся, сестренка! Я тебя не оставлю. Друзья! Мы не закончили свою клятву! Дадим здесь, у могилы нашего друга, клятву верности нашей вечной борьбе!

Все берут ружья в левую, ножи в правую руку. Чинчи поднимает над головой подпилочек. С а м б а ж ы к говорит, все повторяют за ним:

Мечь, мечь, мечь! Во всех девяти хошунах — мечь! Мечь за наших друзей! *(В музыке — буря.)*

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ 2

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Между деревьями стоит юрта сумонного правления. Обставлена она скудно. По левую сторону от входа — все орудия девяти пыток. В юрте сидят Белдер-хунду и Сенгин-чангы.

Белдер. Где религия отступает, там мирская власть наступает — не так ли говорят мудрецы? Справедливость слов этих самую жизнью подтверждается. Истинно говорю: недалек день пришествия новой власти. Был закон, был порядок времени Кенги. Другой закон, другой порядок сменил его — пришло время Батыр-гуула... А теперь вот эти шестьдесят беглецов появились...

Сенгин. Ошибаетесь же вы, хунду! Где этим бродягам о смене существующего порядка задумываться, за новый закон ратовать! Они хотят, чтобы у них желудки были набиты да плечи закрыты. Собаки бездомные! Рычат, пока хозяев своих не узнают... Думаю, Койнаа-хунду сумеет их приручить.

Белдер. Святые ваши слова. Да сбудется сказанное вами, чангы! Тяжело ведь тоже: ночи не спать, на деревья взбираться, чуть что, ножницы к палке привязав!.. *(Наливает араку в чашку)*.

Сенгин. Разумеется, хунду, нелегко. Вот прижмем этих беглецов покрепче — тогда и успокоится чернь. А дальше надо так: чуть кто барахтаться начал, свободы, видите ли, захотелось — в кандалы, и вся недолга!

Белдер. В здешних местах, как будто, не заметно чего-нибудь такого... Не знаю, кого заподозрить.

Сенгин. Где их разберешь? На одно лицо все, темные, от загара, от пыли степной да от копоти — а может кто и от злобы на нас почернел? Никому верить нельзя. Не растерялся бы только там, у этих, Койнаа-хунду да не забыл бы угостить этого... Вот чего я опасуюсь.

Белдер. Чем же наш хунду его... этого... угостить должен?

Сенгин. Что же вы? Или забыли уже?

Белдер. Грех сказать — не припомню.

Сенгин. Память, что ли, вас оставляет уже, хунду?

Белдер. Да теперь, из-за этих беглецов проклятых, трудно ли и память, и все потерять? Свету белого не видим, чангы! Так какое же это угощение?

Сенгин. Да табак же, табак!

Белдер. Оо! Этого он не забудет! Только бы не сорвалось! А то ведь.., если не выйдет у хунду святое дело это, и впрямь придет нам время сон потерять. *(Тихо.)* Много ли угощения-то? Силен ли яд?

Сенгин. Сильнее некуда: стоит только вдохнуть, и... Койнаа-хунду — человек с понятием, сумеет сделать. Ну, а уж если сорвется — холода помогут. Как говорится: летом и трясогузка весела, зимой и верблюдов страшен. Море льдом покроется, горы сугробами обрастут, загудят бури, закружатся вьюги — куда тогда беглецам? Сгорбят плечи, опустят руки, сами к нам придут на поклон.

Белдер. Ээ-хай, не ошибиться бы вам, чангы!.. Эти беглецы — не беспомощные белоручки. Все, говорят, они делать умеют. И кого только у них там нет! И молодые девушки, да и старухи, говорят, тоже туда приплелись, домовничают... По числу их — разве шестьдесят? Да не меньше целого сумона! А Самбажык этот — человек страшный! *(Вполголоса.)* Как знать, не установили бы они и впрямь свой закон и порядок...

Сенгин. Эй, кто это там? Заходи!

Шадып *(входя)*. Что будет вам угодно, господин?

Белдер. (не замечая вошедшего). Я говорю, стоит только этого... Самбажыка приручить, остальные никуда не дупутся.

Сенгин. (Шадыну). Очухался — тот-то?

Шадып. Нет, господин! Целый пояс сожгли, все нюхать давали, никак не приходит он в сознание. Пойду теперь в юрту для слуг, возьму там жирную мочалку. Он ведь не ел давно, обессилел, верно...

Сенгин. Так пошевеливайся! Дойдет до беглецов слух о том, что Тумат-оол умер под пыткой — тебе ответ держать, понятно? Шевелись, шевелись, паршивый щенок!

Шадып. Слушаюсь, ваше высокое, высокое...

Белдер. (останавливая его). Постой. Скажи по совести, что там с ним? Не умрет он?

Шадып. Оо, мой высокий господин! Где же ему после такой муки выжить! Он уж, можно сказать, отправился в ту самую дорогу... Ох, как трудно уходит от жизни человек! До самого последнего дыхания все держится за нес, все цепляется... Ему же было сто шестьдесят пять ударов большими манзы назначено! На последнем ударе, видать, у него главная жила и лопнула. А все же — ничего не сказал он нам, был подобен железу.

Сенгин. Уроды, черти проклятые, что же не остановили кровь?

Шадып. Как можно, милостивый господин! Целую козлиную шкуру спалили, присыпали, присыпали пеплом — кое-как осгановили. Да только не знаем мы, надолго ли она унялась...

Сенгин. Все вы безголовые олухи. Сколько раз я вам повторял: кому станет плохо от пыток, живо отправляйте домой. Умрут в своем аале — хоть на правление тени не наведут. Беги же скорей за своей мочалкой! Поможет ли только она чему... Живей!

Шадып. Бегу, бегу, господа мои.. Где уж ей помочь!..

Уходит. Пауза.

Сенгин. Так что вы о них сказали?

Белдер. А-а, о них?.. Говорю, чангы, большое дело они задумали. Как бы жители хошунов Даа и Бээзи не пристали к ним тоже!

Сенгин. Будь оно все проклято! И какая собака разбrehала о той взятке от дорбетских чиновников?

Белдер. Я же немного и получил, всего каких-то сто семьдесят пять лан серебром...

Сенгин. Не язык у вас, хунду, — тряпка! Так и болтается, стоит только выпить китайской черной араки. Нет,

беглецы вовсе не за то серебро драку затеяли. Что-то здесь другое...

Поспешно входит Шадып.

Шадып. Высокие господа!

Сенгин. Что? Что там случилось? *(Выхватывает нож из ножон).*

Шадып. Тумат-оол... умер!

Белдер. Тело его вручи арбанному начальнику. Пусть домой везут, да не забудь им наказать: пусть говорят, что по дороге скончался. Понял?

Шадып. Чего же не понять, господин мой. *(Уходит).*

Сенгин. Вот. Сами мы точим тот нож, который воткнется в нас.

Белдер. Как это — сами точим, чангы?

Сенгин. Только что ведь говорили. Стоит хоть одному кому умереть под пыткой — беглецы свирепеют. Говорят, Тумат-сол этот родным дядей самому Самбажыку приходится.

Белдер. Ничего не поделаешь теперь, чангы, все по божеским да ханским законам свершилось... Вот бы Самбажыка прежде.. Вообще-то на Койнаа-хунду можно положиться. Если его хорошо угостить вареной грудинкой, он такого наговорит — всем головы вскружит...

Сенгин. Да, его, должно быть, угостили порядком.

Белдер. Кто ж его знает, кто знает... *(Не спеша выходит, сразу же возвращается.)* Кто же это, чангы? Кызаннай, что ли? *(Оба смотрят, приоткрыв полог юрты).*

Сенгин. Неужели он?.. Нет, это другой, старик какой-то... Как плетется... Нет, это же, кажется, — конечно, это Койнаа-хунду! Да, да, это наш посланец! Что это с ним случилось?..

Белдер. Плетется сказочник! Послушаем хоть мы его сказки. *(Оба садятся, принимают важные позы. Входит Койнаа, подавленный, жалкий, с опухшими щеками).*

Койнаа. В полном ли вы здравии, высокородные?

Белдер, Сенгин *(одновременно)*. Во здравии, во здравии.

Белдер. Ну что, хунду, удачной ли поездка была? *(Протягивает табакерку).*

Сенгин. Путешествие закончено, дела завершены, надо полагать?

Койнаа. Не о чем мне, высокородные господа, вам докладывать. Не чаю, как и живым выбрался.

Сенгин *(гневаясь)*. Что? Да как вы смеете!

Койнаа. Говорил же я вам!.. Вот, глядите, что они со мной сделали! Подумать только!.. (Машинально достает табакерку с ядом, протягивает ее).

Белдер. Что это значит, хунду?

Койнаа. Что — значит?.. А... Табакерочку вашу возвращаю, высокородные.

Сенгин принимает табакерку, собирается открыть колпачок.

Белдер. Оборони, богдо! Там же яд!

Сенгин. Яд?! Да ты одурел, что ли?

Белдер. Если бы не я, ты отнял бы драгоценную жизнь высокороднейшего!

Койнаа. Помилуйте, пожалейте, высокие господа! Беда, беда чуть не приключилась! В голове у меня мутится, ничего толком сообразить не могу, так крепко угостили меня эти беглецы!..

Входит перепуганный Шадып.

Шадып. Здесь кричал кто-то? Господи боже, что еще могло случиться?..

Сенгин. Опять опасность! Нет, нет! Все здесь благополучно. Иди, приведи сюда Кызанная.

Шадып. Слушаюсь, высокие господа! (Уходит).

Койнаа. Смилуйся над нами, бурган,— все обошлось благополучно.

Белдер (гневно). Что же ты ее своему... этому... Самбажыку вот так не вручил?

Койнаа. Пытался я, высокородные, разве не пытался?.. Да у него будто нюх какой — даже не притронулся...

Сенгин. Ладно, хунду, рассказывай по порядку.

Белдер. Да поживее — как знать, не нагрянули бы они сюда!

Как съездили? Не увенчалась, значит, успехом ваша поездка? И где те двое — Оржумай и Херелчик? Их мы, кажется, собирались заковать в кандалы...

Койнаа. Там, там они оба, давно уже с беглецами... А со мной вот что они сделали! (Показывает свои щеки.) Говорил же я вам, что так получится! Приехал я к ним, разумеется, благополучно, обменялся приветствиями — но на этом все и закончилось.

Сенгин. Может быть, вспомните все же, что они говорили? Напрягите вашу память, хунду!

Койнаа. О-о, помилуй, богдо! Как же не бояться этих беглецов! Говорить-то с ними страшно. Нет чтобы самим придти да нам сдать — они всех нас свергнуть собираются!

Белдер. Как же это они нас... свергнут?

Койнаа. А уж это — как могут. Вот так, должно быть. *(Затягивая завязки своей шапки, показывает, что их повязяг.)* Где уж там шестьдесят — числа им нет, целое войско! Слова у них — сущий огонь! Не знаем мы, говорят, никакого Амбын-нойона, Кара-Даг, говорят, нам хан, Оргу-Шоль, говорят, наш трон — вот до чего дошли! Благодарение всевышнему, хоть жизнь он сохранил мне...

Сенгин. Уваа, что же еще предпринять? Даа-нойон нас торопит, упустим время — они от нас мокрого места не оставят! Переловить всех немедленно да отправить на юг, в Улясутай!

Белдер. Вот-вот, чангы!.. Вы, конечно, это вместе. Имеете вы пять способностей обмануть, знаете шесть приемов, чтоб заманить...

Сенгин. Человека к ним послать надо. Такого, чтоб не знал его никто там. Кого-нибудь из тужуметов, чином поменьше, переодеть в бедняцкие тряпки да и отправить. Иначе ничего не выйдет. А человек такой изнутри среди них рознь посеет, глядишь, и поднимут ножи один на другого... Говорили мы тут, как-то, в правлении. Лучше Кызанная, решили, никто не справится. Придет сюда — сразу будем его снаряжать.

Койнаа. А что же он там... сумеет?

Сенгин. Да хоть удержать их на месте, пока не подойдет амбын-нойоново войско.

Белдер *(чтобы не послали его)*. В самом деле — ценная мысль. Вот вы, хунду... Мне думается...

Койнаа. Ну, а как же он — наш человек, как он будет их там удерживать? Это же не простые беглецы, говорю я вам, их целое войско!

Сенгин. Чего же тут не понять? Вы не смогли, хунду, — другой полезней окажется. Прежде всего, умертвить Самбажыка и Дажыму..

Койнаа. Ох, трудно это! Везде караульные, не подберешься, да и пропасти кругом — настоящая крепость!

Белдер. Самбажыка бы! Главное — Самбажыка! Тогда все беглецы — в наших руках.

Койнаа. Только из этой голытьбы никого не посылайте, высокородные. Останется он с ними, и все тут.

Белдер. Прав наш высокий господин. Кызаннай-хунду — вот кто сумеет лучше всех! Он же из нижнего Ишкина да Уры, в здешних местах бывал редко, на сборищах сумонных его не видели. Да и в правлении договорено уже...

Койнаа. Меня тоже... вполне устраивает. Другого подходящего человека нам не найти.

Белдер. Слышал я, он давно мечтает стать выше чином... Пообещать такому что-нибудь — он и страх смерти забудет!

Сенгин. А услышит звон серебра — и вовсе жизни не пожалест. Заикнись только о чине мейрена да о пятидесяти-шестидесяти лаах — ох, и клюнет!.. Пусть едет. А там — будь что будет: либо он нам их головы привезет, либо его собственная башка в кустах останется.

Койнаа. Боюсь я... я не знаю, как их усмирить. Люди вооруженные. Лучших скакунов Даа и Бээзи к рукам прибрали. И моего игреневого ипоходца — тоже отняли!..

Входит Кызаннай.

Кызаннай. Благоденствия вам, высокородные.

Сенгин. Мир вам. *(Одновременно)*.

Белдер. Благоденствия.

Койнаа. В полном ли вы здравии?

Кызаннай. В наших краях все благополучно. Невредим ли ваш скот? Нет ли в здешних местах волчьей стаи? Не свирепствуют ли болезни в народе? Милости прошу, отведайте моего табачку. *(Протягивает табакерку)*.

Койнаа. Благополучно, благополучно у нас... У вас все ли в полном благополучии? Знаете, небось, про мою табакерку, хунду?

Кызаннай. Как же не знать! Сам предложил первым. И чем же завершилась ваша поездка?

Койнаа. Ничем. Получил пощечины и притащился назад. Все. Не люди это — страшной горных духов!..

Кызаннай. Что же вы их табачком своим не угостили?

Койнаа. Как же не угощать! Говорю вам — не человек, это, дух всеведущий! Не притронулся даже!

Кызаннай. Вот это чудеса!.. Что же вы дальше делать предполагаете, высокородные?

Сенгин. Что делать — нам известно, хунду. Решили послать туда, к ним, человека.

Кызаннай. Соглядатая, что ли?

Белдер. Соглядатай — не соглядатай, а лан за пятьдесят-шестьдесят серебра да за чин мейрена, пожалуй, кто и согласится.

Сенгин. Если скатятся с плеч головы Самбажыка и Дажымы вместе с шапками и косами, если острый нож пронзит их собачьи сердца — не разбегутся ли обратно проклятые беглецы? Как думаете, хунду?

Кызаннай *(в раздумье)*. Мейрена чин, говорите? Шестьдесят лан серебра? Хм... Высокая, как Танды, награ-

да... Глубокий, как море, замысел, хотел я сказать, высоко-родные. Кто же возьмется за такое дело?

Сенгин. А кого бы вы послали, хунду?

Кызаннай. Как сказать... дело, конечно, сложное... вдумчивый человек нужен. Сколько, говорите, серебра?

Сенгин. Думаю, хунду, одному только человеку по силам справиться с этим. По силам, по разуму — вам. *(Пауза.)* Не так-то просто стать мейреном. А пятьдесят-шестьдесят лан серебра — это не больше и не меньше, как пять-шесть волов, да каких! Огромных, жирных, больше этой юрты!..

Белдер. Ну, решились, хунду? Принимаете условие? Всех и трудностей, что походить денек-другой в бедняцком тряпье.

Кызаннай. Знаю, знаю все. Туговато мне придется.

Белдер. Вот и прекрасно! Надумали! Ну, смотрите, хунду, — главное тут — не затягивать дело: в первую ночь, как проберетесь к ним *(жестом показывает, как всадить нож)* — и сразу оседлать лучшего коня да назад! Что потом с ними будет — мы предполагаем. Кем вы после этого станете — известно и вам...

Сенгин. Что это за разговор — «кем вы станете»? Мейреном, мейреном рода Ондар из Нижнего Ишкина! Согласны, хунду? *(Протягивает чашку араки).*

Кызаннай. Что поделаешь — придется рискнуть. Только я не за серебро на такое дело иду, не подумайте: за золотую ханскую печать, за золотой ханский закон, за золотые умы нашего сумонного правления!..

Койнаа. Будете нож поднимать — первый удар Самбажыку! Нет человека, нет духа страшнее его!

Кызаннай. Так, значит, Самбажыка... Потом кого?

Сенгин. Идите сейчас же, возьмите одежду — как же его звали, прошлой весной под пытками ноги протянул? Каржаапай, что ли? Вот, в его рванье оденьтесь — и в путь. Ну, дела у нас идут как нельзя лучше, ха-ха-ха! Думаю, Пекин не поспеет подарить высокородным правителям Урянхая, когда усмирим этот бунт. Одно плохо: не мог этот пройдоха Тумат-оол дома душу чертям отдать! Слышите, хунду: станут беглецы справляться о нем — слугой, скажите, при правлении, на самых черных работах.

Кызаннай. Ладно, высокородные, поеду уж. Как говорится, мясо выбирай пожирнее, дело завершай побыстрее.

Койнаа. Святые ваши слова, хунду! Да исполнятся все ваши желания! Благослови, бурган! Уж вас-то они не раскусят: человека они, по-моему, по одежде встречают...

Слышен отдаленный стон.

Койнаа. Опять кого-то пытаются? Как бы не получилось, как с Тумат-оолом...

Белдер. А, это тот парень!.. Стойте, он же, по-моему, совсем ни в чем не виноват? Думаю, другой просто затеял высудить у него лошадь...

Койнаа. Кто же это так старается?

Сенгин. А, вечно этот Чургаадай-хунду перехватит. За всякий пустяк готов до смерти запытать.

Койнаа. Нет, кто бы мог подумать, что столько народу уйдет к беглецам! Уж не слышали ли они что-нибудь из страны русских? Или от бурят, китайцев, маньчжур?..

Сенгин. Ступай, ступай, хунду. *(Он обращается к Кызаннаю, стараясь переменить тему разговора и поскорее устранить лишнего собеседника.)* Еды, одежды с собой никакой не бери — не к чему. Был бы острый нож.

Кызаннай. Нож у меня при себе, чангы. Как думаете, этот подойдет? *(Показывает свой нож.)*

Белдер. Хорош! Чуть только притронешься — кровь так и хлынет.

Сенгин. Пожалуй, и голова слетит с одного удара. Потрапливайтесь же, хунду!

Койнаа. Не забудьте, хунду: вы меня не видели, вы меня не знаете!

Сенгин. Это дельно. Наговорите им, что приехали с низовой Хемчика... Ну, да сами придумаете по дороге, что и как говорить! *(Снова переходя на доверительный тон.)* Ты человек с головой, язык у тебя подвешен... Хорошего коня отсюда не надо, бери клячу, оно безопасней. А уж оттуда ждем — на игреневома иноходце.

Койнаа *(со вздохом)*. Копем пропавшего Оппукая зовут они его.

Кызаннай. Выпала бы мне удача — все сделать за одну ночь! До свидания, высокородные!

Белдер. Да сбудутся все ваши желания, хунду!

Койнаа. Так вы меня не видели...

Сенгин. Живей, живей, не теряйте времени!

Эти реплики произносятся одновременно, Кызаннай выходит. В юрту вновь врывается жалобный стон пытаемого.

Голос. Сохраните мне жизнь! Пощадите моих детишек!..

Белдер. Допрос начинают. Пойти присутствовать.

Койнаа. А мне и допрашивать некого. Все сбежали, один Мекпер-оол остался.

Сенгин. Отправился наш хунду. С чем только вернется, интересно бы узнать. Кто может предвидеть, кем он ста-

нет: мейреном или... мертвецом? Пожалуй, я пойду. (*Уходит*).

Койнаа. Кто же такой мелкой пешке, как Кызаннай, присвоит чин мейрена? Сказки. Хватит с него и пера из сорочьего хвоста с одним камнем. Приделать на шапку — пусть красуется!

Белдер. Что, думаешь, он такая же мямля, как ты? Он везучий! Ему и чин сайгырыкчи недолго заполучить. Перо на шапку! Да он заслужит... целый плюмаж с девятью камнями! А ты, старый бык, такую высокую честь проморгал! Э-эх! А впрочем — стоит ли завидовать Кызаннаю, хунду?

Койнаа. Кому тут завидовать... Сами вы...

Белдер (*перебивая*). Кто вспоминает о человеке плохое — тот, говорят, смывает его грехи... Бросьте болтовню, хунду. (*Уходит*).

Койнаа (*один*). Будь что будет. А сдастся мне, что этот Койнаа станет сайгырыкчи. Только где вам это понять, высокие господа!..

Берет чашку с аракой. Сплевывает, ставит чашку и выходит, держась за щеку. Огонь в очаге гаснет. Ночь.

После длительной паузы в юрте неожиданно появляются Самбажык и Комбулдай.

Самбажык. Подожди, Комбу, всему своя очередь... Первым делом — иди, освободи связанных. Покажи им, куда надо идти. Да посмотри, кого они там пытаются. Осторожнее, не разевай рот!

Комбулдай. Не мышонок — в капкан не попадусь. Да и помощник со мной (*показывает нож*).

Самбажык. Помощник помощником, а смотри в оба.

Слышен чей-то кашель. Самбажык выхватывает нож из ножен, выжидает у дверей. Входит Шадып с тарелкой в руках. Ставит тарелку на божницу-ширээ, собирается расстелить войлочный матрац — олбук, опускается на колени — и видит ноги Самбажыка. От испуга издает непонятный звук.

Шадып. П-па! Кто это? А-а!..

Самбажык. Молчи, ты, живодер! Садись сюда. Молчать! Иначе — видишь? (*Поднимает нож*).

Шадып. Ч-ч-чего прикажете?..

Самбажык. Выкладывай. Все, что видел, что слышал... Да, скорее!

Шадып. Переловить вас всех собираются — слышал.

Самбажык. В южный хошун они донесение посылали? Войско оттуда идет, слышал что-нибудь?

Шадып. Пусть ослепнут мои глаза — не видал, чтобы отправляли какое-нибудь сообщение! Пусть оглохнут уши мои — не слышал, чтоб упоминали о войске!

Самбажык. Кляпись!

Шадып. Дуло твоего заряженного ружья лизать готов...

Самбажык. Где Тумат-оол?

Шадып. Тумат-оол... Тумат-оол... Нету его здесь, нету, милостивый господин, уехал домой!

Самбажык. Домой? Как же — так прямо сел и уехал? Кто же его отпустил?

Шадып. Увезли его. Сдали арбанному начальнику. Нельзя уж больше пытаться его. Два дня как уехал. На месте уж теперь...

Самбажык. На месте, говоришь?

Шадып. Да отсохни моя рука!.. Солнце видит, в своей орте он, поди, уж к вам собирается...

Самбажык. Ну, смотри, кровосос. Если обманул — сам тебе правду напомним! Тсс... Тихо сиди!

Возвращается Комбулдай.

Комбулдай. Самба! Узун-Белек здесь!

Самбажык. Где же он? Такой удалец! Сокол, и только!

Комбулдай (*бесшумно выходит, тихо зовет*). Узун-Белек! Сюда.

Садыя вносит на руках обессиленного Узун-Белека.

Узун-Белек. Мир тебе, Самба! Если бы не вы — до смерти замучили бы меня эти супостаты.

Самбажык. Тысячу лет живи, дорогой мой! (*Шадыпу, резко.*) Ключи давай! (*Шадып трясущейся рукой подает ключи от кандалов. Самбажык берет их.*) Эх, сокол мой ясный!.. Все ты нам расскажешь по дороге. Этот (*презрительный кивок в сторону Шадыпа*) только одно и знает, что нас хотят переловить да заковать в кандалы. Пусть попробуют!

Комбулдай. А это кто? Мы с ним вроде бы не знакомы!

Шадып. Н-не имею ч-ч-чести знать милостивого...

Комбулдай. Отца твоего как звали?

Шадып. Ы-ы-ы... Батюшка мой давно за красной солью отправился, в страну упокоения...

Комбулдай. Звали-то его как? (*Увидев тарелку.*) Ого, нам уже и почетное угощение приготовлено?

С а м б а ж ы к. Чуть не забыл: в нашу сторону отправили твоего господина кого-нибудь?

Ш а д ы п. Койнаа-хунду ездил. Крепко вы его!.. Шагаем?

У з у н-Б е л е к. Встретили и угостили, родные, да? Жаль, не было меня на том пиру...

К о м б у л д а й. А еще кого посылать думают?

Ш а д ы п. Не слышал...

К о м б у л д а й. Того не знаешь, другого не слышал... Да есть ли у тебя вообще уши, пустоголовый?

С а м б а ж ы к. Тише вы! В черной юрте еще связанные остались?

К о м б у л д а й. Пятерых отпустил.

Слышен голос сильно захмелвшего Сенгин-чангы. Он приближается к юрте.

С а д ы я а. Сюда идет. Что делать, Самба?

С а м б а ж ы к. Как что? Вручим ему драгоценный подарок. Пусть идет! *(Все готовятся к схватке. Шадып сидит, как мертвый)*.

С е н г и н *(за юргой)*. Эй, Шадып! Неси мне араки! Живо!

Вваливается в юрту, Самбажык тут же сбивает его с ног, затыкает рот его же шелковым кадаком, на руки надевает кандалы.

С а м б а ж ы к. Домой, говорите, отправили Тумат-оола? Ну, благодарите бога, что догадались так сделать. Это вам спасение! Иначе...

К о м б у л д а й. Самба! Может, прикончу я *(кивает в сторону Сенгина)* этого?

С а м б а ж ы к. Не стоит пока. Поехали. Скорее!

Все уходят. Слышен удаляющийся конский топот. Шадып стоит в растерянности. Из-за юрты слышен голос Белдер-хунду, тоже пьяного: Э-эй, Сенгин-чангы!

Шадып выхватывает платок из рта Сенгина.

С е н г и н. Де-ржи-те-е!..

З а н а в е с.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Стан восставших. Смеркается, уже взошел яркий месяц. Самбажык и Дажыма сидят рядом. Все поют:

Кара-Даг высокоглавый
стал нам крепостью надежной!
Пусть погибнем — но со славой:
победить нас невозможно!

Кара-Даг наш семиглавый,
стань дворцом непобедимых!
Из цепей тюрьмы кровавой
всех друзей освободим мы!

Д а ж ы м а. Верно, друзья. А трудно станет — и не думайте сдаваться. Лучше уйдем. Вот так:

Уходил я, не сдавался.
Беглецом не зря назвался.
Конь мой скачет улетаю.
Путь лежит к земле Алтая.

На земле алтайцев и телегитов найдем укрытие...

С а м б а ж ы к. По реке Аны в страну русских тоже можно уйти. Там никто нас не догонит, никакой закон не достает. Там, у русских, тоже беспокойно. Слышал я, ихнего хана — вторым Александром его звали — убили смелые люди. Также, видать, справедливого закона ищут. Вместе будем искать!

Д а ж ы м а. А пока мы здесь — дело у нас простое. В хошунах Даа и Бээзи двадцать семь чангы, двадцать семь хунду и столько же чайзанов — вот их всех и держать нам на прицеле, пока ружей и припаса к ним хватит!

С а д ы я а. Многовато все же дичи: одних высших чинов больше восьмидесяти, а с мелочью, глядишь, и за сотню перевалит. Да еще дружины у них — с тысячу наберется, господа помилуй!

Д а ж ы м а. Ты что — или боишься?

С а м б а ж ы к. Подумайте: сколько воинов сторожили русского хана — а вот убили же его! Что же у нас трудного: убить десяток-два чиновников? Живут они все поврозь, юрты одинокие по долинам речек разбросаны...

С а д ы я а. А что стало с теми, кто русского хана убил?

Д а ж ы м а. А что с ними могут сделать? Они — сильные, а хан тот на гнилом троне сидел, как на ветке иссохшего дерева. Должно быть, они теперь другого, хорошего хана на золотой трон посадили.

С а д ы я а. Стало быть, и нам надо просто других, хороших, добрых тужуметов-чиновников найти?

Д а ж ы м а. Разумеется. Вот и тебя каким-нибудь чином сделаем. И будут люди говорить: готовьте угощение, сегодня к нам Садыяжик-сайгырыкчи придет.

С а д ы я а. Да ну вас, чепуха все это! А вот про русских — как же это они — самого хана? За что?

С а м б а ж ы к. Обвал снежный в горах видел? Копится, копится снег, совсем тихо лежит — а потом как грохнет!.. Вот и там. Копился, видать, гнев народный да и прорвался.

И — нет старого хана. Я слышал, там много людей заковали прежде в кандалы...

С а д ы я а. Что же сделали с теми... с его убийцами? Бедные люди, не верится мне, что остались они в живых.

С а м б а ж ы к. Один человек из сумона Маады,—как же его зовут... ну, еще у русского он батрачит, у бородатого с крестом — так он говорил, значит, хунду Чургаадаю, что этих ца-ре-убийц русские тужуметы повесили. Вот так, друзья.

Самбажык взволнованно встает, отходит от друзей. Входит Алдай-оол.

А л д а й-о о л. Все ли здесь живы-здоровы?

В с с. Мы-то живы, здоровы, как там у вас?

Д а ж ы м а. Откуда выехали, куда путь держите? Где ваш родной аал, как вас зовут?

А л д а й-о о л. Родом я с Алтая, оттуда и выехал, да и имя мое вам легко запомнить — Алдай-оол. Путь держал сюда, и вижу, что верно держал. Где же Самбажык? К нему я приехал, как же ему поклон отдать?

Д а ж ы м а. Здесь он, здесь, сейчас вернется. Комбу, кликни его скорей!

А л д а й-о о л. Значит, не заблудился я!

Комбулдай выходит.

Д а ж ы м а. Эй, Самба, Самба! Скорей сюда!

Самбажык быстро входит.

С а м б а ж ы к (*увидев алтайца*). Хо-о, значит, приехал!

А л д а й-о о л. Твое поручение, друг, выполнено, все, что смог найти, я привез.

С а м б а ж ы к. Заждался я. Самое важное — то, что ты привез. Прошу, садись, отдыхай.

А л д а й-о о л. Самба... Отойдем в сторонку, ненадолго.

Отходят за деревья, их не видно.

Д а ж ы м а. Подумать только — алтаец! А мы его сперва за здешнего приняли! Как похожи обличье, речь! Сильный, видно, человек: с Алтая в Туву пришел, а словно и не устал. Самбажык нам говорил про него, помните?

Слышится шум, голоса. Узун-Белек и Садыяа ведут за собой оборванного, покрытого пылью Кызанная.

У з у н-Б е л е к. А ну, садись сюда! Да шапку скинь! Догосите-ка этого! Нас он, видать, хуже собак лающих считает...

Д а ж ы м а. Что за человек? Где вы его нашли?

У з у н-Б е л е к. По лесу вокруг стана шлялся. А язык у него, что змеи жало! Ну, что притих? Ишь, прикидывается смиренным! Выкладывай, кто такой!

Д а ж ы м а. Погоди, дорогой друг! Может, зря обижаешь старого человека? Откуда вы, отец, куда путь держите? Как ваше имя, где ваш аал?

К ы з а н н а й. Тебе расскажу, милостивый! Стремена мои из черемухи, чепрак мой из конской шкуры — такой я бедный. Богатство мое — двадцать один черт да семьдесят ханов — и все в голове, да девяносто девять злых духов — все в животе, да девять слоев неба — все мои, да еще звезда моя — вон, Большая Медведица — и не одна, а целых семь! И все они мне совет дали: сюда ехать и верой-правдой вам служить, хоть костер разводить, хоть дрова подносить. Как в народе говорится? Сильный орел добычу ловит, слабый, большой добычу делит. Вот и я к вам пришел, чтоб, чем могу, помочь.

Д а ж ы м а. Хитро, хитро плетешь... Так ли только на самом деле? Необычный ты бедняк.

К ы з а н н а й. Именно так, благородный вы мой господин.

Д а ж ы м а. Смотри-ка, кого он во мне углядел! А ну, Садыяа, где твой кнут?... Ладно, подождем пока. Выясним. Есть ли здесь кто-нибудь, кто знает этого старика?

У з у н-Б е л е к. Вроде бы где-то я его видел... А! Припоминаю: на священни горы Кызыл-Тайги — большой праздник был, народу много!.. Носился он, как бешеный, с привязанной к косе мочалкой, обряд совершал — очищение небесного дна.

К ы з а н н а й. Э, парень, — а коней здесь не ты сторожишь? Смотри, седло под брюхо свисает, вот у того!

У з у н-Б е л е к. Ой, беда! Лошадь-то норовистая, натворит еще чего. *(Выбегает)*.

Д а ж ы м а. Ну, старик, где ж твоя священная мочалка, и как это ты ею небо чистил?

К ы з а н н а й. Ой, да врет же он бесстыдно, не видите, что ли, благородный господин! Обознался парень, видать. Я же... Кто меня не знает? Я же Сарыг-Самдан, с низовья Хемчика, там и юрта моя. *(Смеется, оскалив зубы, как волк)*.

Д а ж ы м а. Что-то сегодня у меня руки чешутся. Садыяа, выпрями-ка ему язык кнутом! А то как бы в узлы не завязался от хитрых словес...

Кызаннай. Правду, одну только правду я вам говорю, сыновья мои! Да нет у меня на теле места, куда принять удар — кости одни остались!

Садыяа. Я те выберу место! Некуда кнутом ожечь — шаагаю пожива будет! *(Взмахивает кнутом. Кызаннай вост. Входят Самбажык и Алдай-оол).*

Самбажык. Что это? Кого вы бьете? За что? Оставьте старика, Садыяа! *(Отталкивает Садыяа, пристально взглядывается в Кызанная).*

Дажыма. Ничего особенного, друг. Язык у него околел, хотели смягчить.

Самбажык. Как это — ничего особенного? Ты эти чиновничьи порядки брось: пытки, кнуты... Иди, старик.

Садыяа, с сожалением свернув кнут, уходит.

Кызаннай *(оставаясь на месте)*. Как зовут моего благородного сына?

Самбажык. Самбажыком кличут меня, старина.

Кызаннай. О-ой, сколько же я о вас слышал! Благородный вы человек!

Самбажык. Ладно, отец. Иди вон лучше чайку попей, потом поговорим.

Кызаннай. Что чаек! Такому, как я, старому псу, и мяска бы не худо попробовать! *(Уходит, презрительно усмехаясь. Дажыма, следя за ним, заметил эту усмешку).*

Дажыма. Ишь, как скривился... Кто знает, что у такого на уме?

Самбажык. Может быть, ты и прав, дорогой друг... Говорят, в тихом омуте черти водятся. И еще говорят: бывает, змею лютую за пазуху сунешь, приняв за колбасу — кургулдай, талын — переметную суму на ноги наденешь, за штаны приняв... Но ведь и другая пословица есть: у обменного коня в зубы посмотри, человека обвинять — прежде расспроси... Неужто мы вот так всех кнутом встречать будем? Так нас бояться станут, не к нам — от нас побегут.

Дажыма. Хорошо. Пусть поживет у нас этот старик. Там увидим, что у него в душе: простая медь или драгоценная бронза.

Самбажык. Белек, иди-ка сюда! Привяжи пастись коня нашего нового друга! Далекий путь прошел — с самого Алтая!..

Алдай-оол. Постой, брат. Норовистая моя лошадь, неровен час, лягнет! Подкована... Сам привяжу. *(Уходит).*

Самбажык. Вот это молодец! Настоящий парень. Пойди, приготовь ему постель.

Да жым а. Сами три ночи подряд не спим. И что только думаем обо мне моя старуха?

Самбажык. Гляди-ка — он о жене соскучился!

Да жым а. *(тихо)*. Побаиваюсь я этого старика...

Самбажык. Брось людей подозревать, хунду! Сходил бы ты лучше, друг, да предупредил караульных: пусть не спят, зорче глядят.

Да жым а. Пожалуй, это для нас — лучший выход. *(Уходит)*.

Самбажык. Хорошо их предупреди!

Входит Алдай-оол, ложится у костра, рядом с Самбажыком. Тот отодвигается, уступает другу лучшее место.

Самбажык. Сюда, сюда ложись, дорогой ты мой.

Алдай-оол. Не стесняй себя, брат, мне и здесь хорошо.

Самбажык. Вот что, брат, научи ты нас коней подковывать. Нет у нас такого обычая, а здесь, в горах, ой как нужно!

Алдай-оол. Ладно. Ночь пройдет, покажу вам, как это делается.

Самбажык. Вот хорошо. Спи теперь.

Тучи закрывают лунный свет. Крадучись, к гаснущему костру пробирается Кызаннай, Увидев Алдай-оола, старается незаметно пройти стороной.

Самбажык *(заметив старика)*. Эй, старый, тебе чего не спится? Хорошо ли накормили тебя?

Кызаннай. О-ой, спасибо, сынок. Объялся прямо. Вот сейчас и... сразу же лягу спать.

Самбажык. В тепло ложись, к костру. Спина согреется — храпи себе, сколько силы хватит!

Кызаннай. Слушаюсь, сынок. Потник возьму, подстелить. *(Уходит)*.

Алдай-оол. Такие и у нас старики... Чудно! Алтайцы, тувинцы, русские — у нас их много — одинаковые люди. Почему же у всех есть свои баи, чиновники? Почему одни работают, пока смерть не придет, а другие только богатеют, бегутся с жиру да от безделья? Когда же все, все как есть, люди будут одинаковыми?

Самбажык. Кто знает, когда... Говорят, в стране русских есть парни с каменными сердцами...

Алдай-оол. А, ты об этих! Говорят, много их было. Даже женщины. *(Появляется Кызаннай. Он тащит потник)*.

Самбажык. Иди, иди, старина, вот, хоть и к нашему костру ложись. Устал, долго плутал по тайге, искал нас...

Кызаннай. От верховой езды, сынок, ноги онемели. У-е-о... Нет болезни хуже старости, сынок. *(Развязывает пояс, кладет нож рядом с собой)*.

Самбажык. Вот так нож у такого старого! Можно сказать — лучше хозяина. Не обидишься, отец? Тяжел он, поди, по твоей руке.

Алдай-оол. У нас старики носят маленькие ножи.

Кызаннай. Найду себе нож поменьше — этот сыну подарю. Любимому сыну — Самбажыку. Пусть посит тяжелый нож молодой человек. У-е-о...

Самбажык. Хорош нож, отец, да мне не по вкусу сделан. Я люблю, чтоб рукоятка была из бересты.

Пауза. Все лежат тихо. Издалека слышен голос Узун-Белека — он поет. Кызаннай подкрадывается к дремлющему Самбажыку, готовится ударить его ножом. Неожиданно рядом слышится голос Садыяа. Кызаннай быстро ложится, храпит.

Садыяа. Кто же это среди ночи оседлал Кара-Хурена? Лучшего скакуна... *(Увидев Кызаннай)*. А ты почему здесь, старик? Не видел, кто оседлал темно-карего? Я недавно глядел, он на привязи стоял.

Кызаннай. С седлом и стоял; давно уже... Я еще за потником ходил. Парни это, сынок, не иначе, к девчонкам своим собрались на свиданье, ну, им хорошего коня взять лестно! Кому же еще! Эх, молодость... У-е-о, ох, не те годы...

Садыяа. Разрешите-ка, почтенный? *(Наклоняется, разглядывает лежащий рядом со стариком нож)*. Какой у тебя нож, старик! *(Берет в руки)*. Вот это нож! Дай-ка мне его, мне как раз новый лук вырезать надо. *(Берет нож и уходит)*.

Кызаннай. Ой-ой, сынок, как же мне-то без ножа?..

Садыяа *(даже не оборачиваясь)*. Не съем же я твою железку!

Кызаннай. Да я что... не потеряй только, парень!

Садыяа *(издалека)*. Не горюй, дед, завтра отдам!

Кызаннай *(тихо, но гневно)*. Завтра — так завтра... Погодим... Спите пока, дышите, коптите мое небо! Посмотрим, каким сном кто будет спать завтра! Не спеши, хунду, не спеши, впереди много ночей!

Вдали слышен молодой голос. Парень поет.

Песня птички златокрылой,
позови скорей зарю,
нарисуй мне образ милый,
покажи, кого люблю!...

Кыз айнай. Не иначе этот Узун-Белек распелся... Где он мог меня заметить? Отправить бы его за красной солью. Пой, пой, «птичка златокрылая», и твой черед настанет!

Самбажык громко чихает. Кызаннай притворяется сиящим — кажется, даже дышать перестал.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ 3

КАРТИНА ПЯТАЯ

Обстановка второй и четвертой картин. На каменном таганке кипит большая чаша. У костра сидят Комбулдай и Урундай. Мимо костра, с деревянными ведрами—идышами, проходят за водой девушки Мундургу и Даданай, поют.

Жеребенок резвый, знаю —
он на привязи всегда.
Из чужого милый края —
он мне солнце и звезда.

Урундай. Зачем вам чужие парни, сестрицы? Идите к нам!

Мундургу. Вот еще! Мы за водой спешим: чай варить надо, гости пожаловали.

Урундай. Ну хоть постоит возле нас, что вам, жалко, что ли?

Даданай. Подойдем к ним, подружка. Зовут же. Говорят, приглашают—это к лучшему, вызывают—это к худшему!..

Девушки подходят к костру.

Мундургу. Вот и отозвались мы на ваш зов, братец.

Урундай. Давно я с вами хотел поговорить, милые девушки... Непонятно мне: зачем вы у нас, тут, лучшую пору свою губите? Вы не маленькие, поймите: мечь врагу — дело опасное, трудное, одним словом — мужское дело...

Мундургу. А что, разве женщинам некому и не за что мстить?

Урундай. Погоди, сестрица, выслушай сначала меня. Да, и женщинам есть кому мстить, есть, за что мстить. Но сердце у вас не такое — каменное, что ли — как у мужчин: поболит душа, пробежит слеза, да и горю конец. На большее-то вы разве способны? (*Хвастливо.*) Вот мы, мужчины,

всегда так поступаем: ружье на плечо, нож за спину — в бой на врага, а жизнь — ну ее, пусть на земле валяется! Останусь цел — подберу!

Д а д а н а й. Ой, полно, братец, так ли? У кого же нет чувства мести? Подумай только: вот, положим, ты -- девушка. (*Урундай возмущенно подскакивает. Даданай продолжает.*) Вроде меня. Будешь ты спокойно сидеть, косы заплетать, если единственного друга твоего секут в черном чызаане, чистую кровь его проливают, истязают неповинного? У кого гнев не вскипит в сердце? Кто не захочет отомстить врагу? Идем, Мундургу, ну их. Глупости они тут болтают, а нам к спеху.

Берут ведра, уходят.

У р у н д а й. Пойдите еще, сестрицы, послушайте меня...

К о м б у л д а й. Зря ты этот спор затеял. Они, верно, на нас обиделись.

У р у н д а й. Да я ведь совсем о другом поговорить-то с ними хотел, а не осмелился — вот и взбрело мне... Ужас, чего наговорил! Помнишь, бедняга Бошкажык как расписывал нам красавицу Чинчижик? Эх, был бы он жив — давно бы, поди, и свадьбу справили. Юрта бы стояла на полянке, у чистого ключика, смеялось бы дитя в люльке... Помешал проклятый ненавистник.

Входит Кызаннай.

К ы з а н н а й. Вот вы где, молодые-то! И о чем же разговор ваш, прекрасные молодцы? Удалые, лихие парни, хе-хе-хе...

У р у н д а й. А так — о том, о сем, больше о девушках. Бошкажыка вспоминаем — парень знакомый был... Не судьба бы ему погибнуть от рук того волка — ох, и свадьбу сыграли бы они здесь с Чинчи! Невиданную.

К ы з а н н а й. Бедный парень! Слышал о нем и я. Жаль, нет с нами такого молодца! Какая же змея ядовитая ужалила его в сердце? Увидел бы того подлеца — задушил бы, вот, собственными руками!

К о м б у л д а й. Кызаннаем того людоеда зовут. Знал бы я, какой он и где — давно бы у него поганое сердце вырвал да собакам выбросил. Вот был бы это, скажем, ты, старик, я бы живо... (*Вскакивает стремительно. Кызаннай, в испуге и готовится обороняться, вскакивает тоже.*)

К ы з а н н а й. Ой! Сохрани боже... Какой ты грозный... Если тот убийца такой же трус, как я — собаки, пожалуй, откажутся съесть его сердце... А говорят, и люди были — могли человеческое сердце съесть. Чингис-хан, рассказывают, це-

ликом проглатывал сердце врага. А что? Вот попадись мне в руки убийца вашего Бошкажык — хватит моих старых сил, разрублю я ему грудь, вырву сердце и сам проглочу... Попался бы только поскорей...

У р у н д а й. Говорят, по годам Кызаннай-хунду как раз тебе, старику, ровесник. И имя какое-то странное: Кызаннай... А тебя Сарыг-Самданом зовут... Все рыжий да красный — и почему это у стариков такие имена?

К ы з а н н а й. Ой, что вы, сыновья! Имя как имя, вполне даже приличное. Раньше как было? Родится ребенок, несут его к ламе — и к шаману тоже несут. Лама ему святое имя даст, а шаман — другое, чтобы к лицу, ко внешности его подходило. Вот меня, например, Сарыг-Самданом называли, потому что волос, видите, у меня рыжеват... теперь уж, за сединой, и не видно почти. А его, Кызанная — должно быть, за то, что рожа красная. Приметный, должно быть, человек, хорошо искать — легко найти...

К о м б у л д а й. Куда он денется? Сгорит в пожаре людского гнева.

К ы з а н н а й (*торопливо*). Поговаривают, из Амбынского хошуна должны дружины сюда прибыть. Когда же они придут — не слышали, сыновья?

К о м б у л д а й. Тебе зачем про такое знать, дед?.. Слухито есть: вышли, будто, они уже и в Оттук-Даш пришли, а в том месте собрались на совет правители всех девяти хошунов... Потрясут они там людей двух племен — Маады и Байкара — а там и в Адар-Тош, и в Сесеге придут...

К ы з а н н а й. Пословица так говорит, сынки: встретил человека безоружного — прочитай, что думает, в глазах. Встретил на пути вооруженного — принимай с оружием в руках! Повернуть еще назад могут эти дружинники от берегов Хемчика. А не повернут — быть тогда великому пожару!..

У р у н д а й. Эх, был бы жив старый Оппукай! Или хоть тот же Бошкажык. Языкасты были оба. Пробрались бы в стан дружинников да и выложили бы им всю правду. Глядишь, и повернулось бы то самое оружие против богачей!

К о м б у л д а й. Да, уж это были мастера! Оппукай и в род Маады, и в род Чооду ездил. Его еще раньше Чургаадай-хунду с собой переводчиком брал, когда к русскому князю — Сафьянову — ездил. И товары от того князя — ой, купца, говоришь? — может, и купца... На двух верблюдах привез товары-то, еле вместились. И все из-за Оппукая, он так ловко договорился. А хунду — что? Он этими товарами обманул бедный народ. Совсем обобрал. За один кирпич чая пятнадцать мерлушек забирал. И Оппукая предал.

У р у н д а й. Серебра он тогда насобирал! Суму перемет-

ную так к земле и тянуло, сам видел. За это серебро купил Чургаадай звание и должность хошуного мейрена. Вообще, вот гляжу я — и вижу: серебро все с человеком сделать может. Люди за серебро даже убить друг друга могут!

Кызанный. Правильные твои мысли, Урундай. Я тоже так думаю. Серебро — великая сила. Скажем — пятьдесят лан серебра. Что это? А это пять волов, огромных, каждый с целую юрту. Есть такие люди — и вправду, за серебро не боятся человека убить.

Комбулдай. А вот тебе, дед, если скажут: дадим сто лан серебра, иди убей Сенгинчика — что ты ответишь?

Кызанный. А-а, оборони бог, степи мои, горы мои, спасите меня — скажу. Разве поднимется у меня, сынки, рука на человека? Куропатка-то в петлю попадет, шейку тянет, умирает бедная — я и на ту смотреть не могу. Пусть все худое обойдет нас стороной!

Урундай. А кто только сейчас грозился... проклятому Кызанняю сердце из груди вырвать и целиком проглотить?.. Эх, ты, старина!.. Вот ведь человек. Поданный господа бога. Имеет сто костей, черную голову... Чего ему надо?... И как же это — такой старик... вот как ты... Бошкажыка!..

Кызанный (*поспешно, с испугом*). Вот-вот, сынок, я и говорю. Случай со мной был. Иду, проверяю силки на куро-патак. Смотрю, попалась одна, вот только петля затягивается. Вытащил я свою трубку, хотел ее ударить в голову — да как гляну в глаза!.. А в них — скорбь, в них печаль — человеческая!.. Отвернулся я скорее, ударил, да попал себе по руке. Рассердился, схватил ее, бедняжку, не глядя, да так дернул — аж головка у нее отлетела. Да, сынки, нет в тайге зверя хищней человека.

Урундай. Что же, и мы, по-твоему, хищники? А сам говорил, детей много у тебя...

Невдалеке слышен голос, поющий:

Друг любимый, друг желанный,
истомилась я печалью,—
что сказал ты ночью лунной,
жду того я и встречаю...

Ты в пути-моем со мною,
верю встрече беззаветно —
в темноте порой ночью,
жду, чтоб встретить день твой светлый...

Комбулдай. Вот это голосок! А песня какая! О хорошем времени поет, о будущем счастье...

Кызанный. Погодите, дети мои. Будущее — оно далеко.

Был закон-порядок Кепти, сменились годы, стал закон-порядок Батыргуулы. Долго, говорят, будет еще он существовать на земле.

Урундай. В дождливое лето и ледники тают — вода лед точит. Ночь сменяется днем — чем не закон-порядок? Год Курицы пройдет, придет год Дракона. Так, старик, тоже в народе говорят.

Комбулдай. Мы сами изменим и закон, и порядок, понял, старый? Я вот еще слышал: время небесной власти ушло, теперь в силе мирская власть...

Кызаннай. Ханский порядок, что ни говори, и наказывает, но и защищает подданного... Это уж не наше с вами дело, сынки...

Поющий приближается, голос слышен громче.

Ты от ханского закона
для людей не жди защиты:
нож твой всрпный — оборона,
с ним свободу отыщи ты!..

Урундай. Слышите? Вот так поют в народе. А сказки? Разве в них правды нет? Оскус-оол, сирота, пицим был — становится ханом!

Кызаннай. Это верно. Наш Самбажык — вот кто станет ханом! Где он сейчас?

Урундай. Ханом он, может, и не станет — зачем ему? А управлять государством, думаю, может вполне. Комбулдай, смотри, там парни собираются. Не в городки ли играть? Пойдем, посмотрим! Может, и сами отважимся?

Комбулдай. И то — пошли. Заслушался я... Слова мужественные, а поет девушка...

Кызаннай. Эх, пошел бы и я с вами, повеселился, да костер разгорелся сильно. Оставить — не было бы пожару...

Урундай. Правда, присмотрел бы за костром, старича.

Парни уходят.

Кызаннай (*один, с угрозой*). Веселитесь, бродяги. Придет время — прах ваш развеет ветер! Скоро, скоро!.. (*Черпаком переливает, помешивает чай в чаше. Наклоняется пошуровать костер. Появляется Чинчи. Кызаннай, услышав шаги, вздрагивает, оборачивается*).

Чинчи. Ничего, ничего. Не бойся, дядя... (*Увидев Кызаннай, растерялась*.) Что это — снится мне, что ли?.. Нет... Кажется, я вас где-то видела. Вы меня не знаете, дедушка?

Кызаннай. А-а, опять!.. Хе-хе-хе... Ты меня, должно быть, путаешь с этим подлецом Кызаннаем из Нижнего Ишкина, так, дочь? Походим мы, говорят, будь на мне шелко-

вый халат, непременно бы приняли за него. Сядь, милая, устала, должно быть, проголодалась. Попей чайку. И чем только кормятся сейчас мои сорванцы? Плохо им без старика-отца... *(В сторону.)* Не везет мне. Вот и эта тварь здесь объявилась. *(Обращаясь к Чинчи.)* А ты совсем большая стала. Давно ли вот такусенькая была, когда еще Кызаннаю подлему прислуживала... *(Снова в сторону.)* Что я говорю? Откуда мне знать?..

Чинчи. Что вы сказали, дедушка?

Кызаннай. Да, вот, доченька, спина болит, с коня недавно упал, зашибся, вот и охаю по-стариковски... Девушки у нас тут есть — Мундургу, Даданай, подружки еще ихние... Хочешь, к ним сведу, чтоб не скучала ты? Вот обрадуются!

Чинчи. А далеко к ним идти?

Кызаннай. Что ты, милая, — рядом...

Чинчи. Тогда пойдем. Видела я сестру вашей Даданай, просила она шепнуть ей словечко... *(Поднимается.)* Вы меня...

Кызаннай. Провожу, провожу, красавица. Видел я тебя, маленькую, у Кызанная того. Пойдем скорей.

Чинчи. Скажу только дяде Самбажыку, что ушла к девчонкам.

Кызаннай. Правильно, скажи, скажи, куда мы пошли с тобой. *(Проверяет, с ним ли нож, уходит. За ним Чинчи. Самбажык, входя, замечает Чинчи.)*

Самбажык. Чинчи? Куда ты? Иди сюда, пообедаем. Вот и чай горячий. Иди, иди!

Чинчи возвращается. Прибегает Урундай.

Урундай. Ты что так долго, старик? Там тебя ждут — ты же с кем-то хотел идти по дрова!

Кызаннай. Благослови, богдо, забыл совсем! *(Протыкая себя.)* Жаль, жаль! Явился же сюда этот! Лучше бы себе ногу подвернул!

Уходит с кислой миной. За ним Урундай.

Чинчи. А я к девчонкам идти хотела. Еще бы маленько — и разминулись с тобой, дядя Самба.

Самбажык. К каким девчонкам?

Чинчи. А к Даданай, к Мундургу...

Самбажык. А почему в эту сторону шла? Они же не там, а вон где, в самом большом чуме. *(Протягивает ей вертел с жареным мясом.)* Кто тебе сказал, что девушки там?

Чинчи. Как кто? Старик сказал. *(Откусив кусочек мяса.)* Ой, вкусоптища какая!

С а м б а ж ы к. Ешь, Чинчи... Разве не пробовала никогда? Пословица даже есть: поесть бы мне мяса жареного — оно вкуснее вареного, найти бы мне друга по сердцу — милее он нареченного...

Ч и н ч и *(смеясь)*. Ой, какие слова! Сколько вы всего знаете, дядя! Вот бы мне у вас поучиться! А почему этот старичок хотел увести меня в другую сторону?..

С а м б а ж ы к. Может, у него ум за разум зашел от старости, а, Чинчи?

Ч и н ч и *(погрустнев)*. А нам с мамой уже нечего есть. У нас больше никакого скота нет. Последних козочек угнали слуги Белдер-хунду. Чай забелить нечем. Мама все плачет, плачет... Все проклиняет его...

Входят Комбулдай, Урундай, Дажыма, Алдай-оол.

С а м б а ж ы к. Пусть пока грабят. Придет день — всем бернем скот! Чинчи, сестричка, ты лучше пока оставайся с нами. Как говорится, и капля морю прибавка.

Ч и н ч и. Ладно, дядя. Я и так сильно хотела остаться у вас...

Д а ж ы м а. Подумай хорошенько, Чинчи.

Ч и н ч и. Разве я не думала? Да сколько ни крути, все на одну тропинку приходишь. За отца, за бедного Бошка-жыка... Я хочу сама мстить врагу! Я же здесь не одна, есть и подруги!

Д а ж ы м а. Значит, ты верно решила, Чинчи! А подружки твои там, где парни в городки играют. Стоят, любят.

Ч и н ч и. Где это?

Д а ж ы м а. Возле среднего костра.

Чинчи уходит.

С а м б а ж ы к. Ну, друзья, хватит нам тут сидеть. Ехать надо, поймать правителей Даа и оолетов, привести их сюда. Сам я поеду в сумонное правление, по юртам чиновников пройду — надо же узнать, что там и как!

Задыхаясь от быстрой ходьбы, входит Семис-Кадай.

С е м и с - К а д а й *(даже не приветствуя никого)*. Спасите, сыновья мои! Явилось бесчисленное множество войска. Сгоняют нас всех с насиженных мест, все юрты на одну стоянку собирают. Что же это такое? Старик мой лежит в черной юрте, пыткой пытаются его, он сказал мне: передай ребятам, войско, говорят, большое. Передняя часть его — отряд, что ли? — заходит в Бора-Булак, а последний все еще идет по Чал-Оруку...

Да жым а. Ну, что — поедем или здесь... *(Входит Кызаннай с сосудом для чая.)* Может, уйдем лучше отсюда? Там тысячное войско, а у нас...

Кызаннай *(разлився чай по чашкам)*. Что, орлы мои, уже и войско подошло? Обороны вас боже...

Да жым а. Иди, иди, старина, мы здесь...

Семис-Кадай. Правду, сыновья мои, одну только правду я вам сказала! Пойду я, юрту свою перетаскивать стану, а вам, сынки, пожелаю стать стеной и не сдаваться. *(Уходит)*.

Самбажык. Здравья тебе, мать, долгой жизни! Парни, проводите ее. Ну что, друзья, как нам быть? Дождаться ли своих, подмоги, здесь или ехать, торопить?

Садьяа. Презренного во двор не допускай, вооруженного к чуму не подпускай, — говорили наши предки. Ехать надо, огнем встретить врага. Вот мое слово.

Да жым а. Незачем ехать. Неразумно это. Лучше дождаться своих и уходить в другие места.

Самбажык. Нет, проклятый Сенгин-чангы, не дождешься, не уйдем мы без боя! Голыми руками, а будем отбиваться!

Да жым а. Зачем кровь даром проливать? Их больше тысячи, а нас — горстка...

Комбулдай. Эх, моя бы воля — уехал бы тотчас же к алтайцам, к теленгитам, да с год не появился бы в этих местах. Вооружился бы, окреп и ударил потом снова...

Самбажык. Прав, прав ты, Комбулдай. Только своих надо дождаться. Придут они — все вместе уедем.

Комбулдай. И за перевалами много наших братьев, они помогут нам.

Входит Кызаннай, лицо его выражает угодливость и лесть.

Да жым а. Что тебе, старик?

Кызаннай. Да так, ничего. Хотел вот сыну Самба шепнуть словечко. Отойдем с тобой, сынок.

Самбажык. О чем же это, дед? Ну, ладно, пойдем. *(Поднимается с места)*.

Комбулдай. Пусть здесь говорит.

Да жым а. Что это вы вздумали — шептаться, словно парень с девушкой на свидании! Что там у тебя, старик, — выкладывай!

Кызаннай. Да как вам сказать, сыновья, ...может, оно и напраслина...

Самбажык. Что — напраслина? Расскажи, расскажи, старик, мы слушать будем. Если ты что и неверно рассудил — от того соболев не сгорит, человек не умрет.

Д а ж ы м а. Да не тяни ты! Цену, что ли, себе наби-
ваешь? Нет у нас времени на долгие раздумья.

К ы з а н н а й. Я, ребятки милые, так думаю: войско-то,
конечно, сюда подходит, но ведь надо еще узнать, что это за
войско, какие в нем люди!.. У нас тут чужих нет, все свои...

С а м б а ж ы к. Это все верно, дед. Дальше что?

К ы з а н н а й. Говорим вот: амбынское войско, тысячное
войско — а ведь тысяча-то эта — такие же люди, как мы с
вами! Неужто одних баев да тужуметов тысячу наберут да
на нас пошлют? Те же бедняки. Только перед тем, как по-
слать сюда, накормили их досыта, напоили допьяна, копей
быстрых дали, ружья дальнобойные, меткие. Одели так, как
еще не случилось им — чем ни прикрывали свои плечи! Под-
купили, словом, их чиновники-то. Поди, и богатства за наш
счет обещали — а на самом деле все они бедняки, наши
братья.

С а м б а ж ы к. Похоже, что так.

К ы з а н н а й. Вот я и думаю... Может, глупость скажет
вам старый арат, а все же... Послать к ним человека, чтоб
знал в таких делах толк, дать ему хороший кадак для тор-
жественного дара да пожелания наши добрые передать —
смотришь, и перейдут на нашу сторону. А, дети? Или я не
прав? Напрасно болтаю, может?.. (Закуривает).

С а м б а ж ы к. Мне кажется... верные мысли есть у ста-
рика!

С а д ы я а. А как же иначе? Все обдумал, хитрая голова!
Много ты, дед, должно, на веку повидал, каких только чай-
ников не поднимал, как в народе говорят, — а мы-то тебя
сперва как приняли!..

Д а ж ы м а. Попытиться можно. Кого бы только послать
туда? Надо такого найти, о каком дед говорил...

С а м б а ж ы к. Кого же, как не самого деда!

С а д ы я а. Это верно. Провожать, говорят, так до дому,
кто затеял дело — тот пусть и до конца доводит.

К о м б у л д а й. Бросьте вы пустое болтать! Куда пошлем
человека? Не в вольчью ли пасть?

К ы з а н н а й. Мне куда такая честь, сыновья? Ехать ---
так самому Самба, он человек понимающий, и ум высокий
имеет, и говорить мастер...

Д а ж ы м а. Старше вас, отец, у нас никого тут нет. Если
не откажетесь — поезжайте вы...

С а м б а ж ы к. Ну, дед? Видишь — парни все тебя про-
сят. Поедешь, да?

К ы з а н н а й. Что ж делать, сынки мои родные, два века
на земле не проживешь, за вас и пострадать в радость...

С а м б а ж ы к. Да хорошенько обдумайте, что сказать
им о нас.

Кызаннай. Что тут думать! Орлы вы, орлы летящие, так и скажу! А чтоб вернее вышло, может, вдвоем поедем, а, Самба?

Да жым а. Зачем вам, отец, Самба уговаривать? Наше слово твердое: сказано — что зарубка сделана.

Кызаннай. Да я вот думаю, как лучше...

Самбажык. Урундай, веди старику хорошего скакуна!

Урундай. Ради такого дела — темно-карего не пожалю оседлать! (*Уходит*).

Да жым а. Удача будет, дед, — жди от нас награды, хоть много не имеем, а для тебя найдем.

Кызаннай. Какая тут награда, что вы, сынки, удача была бы! Старые люди как говорили? Кто подарок получит — тот чанчыном не станет, чин высокий получит — так богатств не достанет...

Самбажык. Верно говоришь, отец. Каждый должен жить своим умом, своим трудом — вот и сыт, и одет будет. Это и есть справедливость. Да сопутствует удача тебе, отец, да восторжествует справедливое, святое дело твое!

Да жым а. Пойдем, посмотрим, как там куют лошадей?

Самбажык. Пошли. Надо, и верно, собираться живее. Алдай-оол научил наших... (*Все уходят*).

Кызаннай (*грозясь*). Как кедровые шишки, слетят ваши головы! Чина мейрена стоят мне ваши жизни!.. (*Срывает шапку с головы. На его лбу отчетливо видна большая черная родинка. Ее замечает притаившаяся в стороне Чинчи. Кызаннай не видит девушку.*) Должность мейрена и пятьдесят лан серебра... Хорошо, даже если всего пятьдесят... (*Наспех надевает шапку, родинка остается открытой.*) Ладно, хунду, увидишь, что станется с вами, как приведу я сюда амбыново войско! (*Хочет идти. Путь ему преграждает Чинчи с кнутом в руке*).

Чинчи. Куда же вы?

Кызаннай. А-а, доченька! Самба, сам Самба меня старого, с важным поручением посылает.

Чинчи. Нет! Никуда ты не поедешь!

Кызаннай. Откуда ты это взяла, доченька?

Чинчи. Погоди — узнаешь... Куда же наши-то все ушли? Где дядя Самба?

Кызаннай (*незаметно вытаскивая нож*). Зачем они тебе, милая?

Чинчи. Ты что же, Кызаннай-хунду, думаешь, я так тебя и не узнала? Что ты сделал с Бошкажыком, старый волк?

Кызаннай. Думаешь, и я тебя не узнал, змея подколотная? Выдать меня задумала, скотина?

Кызаннай приближается к Чинчи.

Урундай. Старик, конь тебе готов, я пошел к кузнецам! *(Голос его слышен издали, от коновязи).*

Чинчи. Урундай! *(Пытается выбежать, но Кызаннай схватил ее за руку).*

Кызаннай. Ну, что еще тебе? Да, да, это я, Кызаннай-хунду! *(Поднимает нож.)* Что ты теперь будешь делать? Паршивым щенком в мою юрту вползла! Не кормил я тебя? Не одевал? Теперь расквитаемся! *(Замахивается на Чинчи ножом, но девушка ловким ударом кнута выбивает нож из руки старика. Борются).*

Чинчи. Урунда-а-ай! *(Кызаннай подтаскивает Чинчи к месту, где лежит нож, одной рукой хватает его, снова заносит для удара. В это мгновение вбегает Урундай, бросается на Кызаннай, валит его на землю. Снова борьба. На шум прибегают остальные).*

Самбажык. Что здесь происходит?

Чинчи. Это убийца, убийца! Это он убил Бошкажыка!..

Самбажык. Как ты сказала? Кто... убил Бошкажыка?

Чинчи. Да он же, он!.. Старик. Это и есть Кызаннай-хунду. Как же вы сразу не распознали его?.. Ну, что скажешь, людоед? Последний твой день пришел, клади шею под топор! Расплата тебе за все, за всех, кого сожрал ты, ненасытный!.. За моего отца, за Бошкажыка! *(Голос Чинчи срывается на рыдание, но она, взяв себя в руки, уходит).*

Самбажык. Куда же ты, сестренка?

Чинчи. Сейчас, дядя! *(Скрывается за деревьями).*

Урундай. Вот опоздай я чуточку, он бы уже нашу сестренку!.. Смотрите, вон его нож! *(Снова сбивает Кызаннай с ног, начинает его бить).*

Самбажык. Постой, парень!.. С ним по-другому... по-настоящему говорить надо!

Дажыма. Ты опять вырываешь у нас эту змею, Самба! Давно бы уже развязался его проклятый язык!..

Возвращается Чинчи. Она песет в руках кандалы, бросает их в лицо Кызаннаю.

Чинчи. На, получай свою награду!

Кызаннай. Любое наказание приму. Каюсь, я, я этого Бошкажыка на тот свет отправил... Что же стоишь. Самбажык, казни меня, старика! Да скорее!

Самбажык. Вони твоей переносить не могу, поганый хорек. Но уж раз ты просишь — на, получай! *(Выхватив нож из ножен, идет на Кызаннай).*

Дажыма. Не торопись! *(Хватает Самбажыка за руку).*

Самбажык. Другья! Будем судить его все!

С а д ы я а. Такого оборотня стрелять надо! Из ружья стрелять!

Все уходят, таща за собой Кызанная.

С а м б а ж ы к. Берег не обвалится — твердой скалой станет, молодец не ошибется — сильным ханом станет... Ошибся я...

Д а ж ы м а. Поскользнувшись, падают. Опершись, встают. На нас, на друзей своих, обопрись, Самба! Я соберу парней, поеду в долину.

С а м б а ж ы к. Ничего там без меня не выйдет.

Д а ж ы м а. Нет, дорогой мой. Мы уже условились: еду я.

С а м б а ж ы к. Что ж, уговор — дело верное. Доброго пути, друг!

Д а ж ы м а. Ждите нас! Завтра-послезавтра вернемся! *(Уходит)*.

С а м б а ж ы к *(вслед)*. Удачи, во всем удачи тебе, друг! *(Обращаясь к Чинчи)*. Милая помощница наша. Ты для нас — как зеница ока! Иди, приласкаю тебя... Как же ты раньше...

Ч и н ч и. А я ведь сперва и не узнала его. Бороду, усы отрастил, да еще говорит: «Похож я, доченька, на Кызанная-хунду?» Сомневалась я... А сегодня гляжу — на лбу-то у него родника!.. Он, значит!

С а м б а ж ы к. Вправду ведь у тебя мужское сердце. Чинчи! Всегда теперь будешь с нами, мстительница бесстрашная! Придет время, люди вспомнят о нас, Чинчи! *(Обнимает Чинчи за плечи. Неподдалеку раздается выстрел)*.

Ч и н ч и. Как я рада, что осталась с вами!.. Кто это стрелял?

С а м б а ж ы к. Твои друзья — мстители! Твой ненавистник, Чинчи, уже мертв.

З а н а в е с.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Обстановка второй, четвертой и пятой картин. Только надежнее стали укрытия, возведена крепостная стена из диких камней и земли. Все восстановившие вооружены пиками и охотничьими ружьями.

С а м б а ж и к. Не отчаивайтесь, друзья. Из хошунов Даа и Бээзи едут, едут к нам наши братья, наши единомышленники! Кто знает, далеко ли они уже сейчас?.. Идет на нас и амбын-нойоново войско, хочет захватить нас. Хитра

коварная змея, а смерть встречает, как жалкий червяк, без сопротивления. Не ползучие змеи — люди мы с вами! Встретим же врагов достойно. Мстить, мстить нашим палачам, откуда бы они ни пришли — амбын ли, оолеты ли...

К о м б у л д а й (с вышки стены). Ой, Самба, Самба! Гляди туда, брат! Белек к нам скачет!

С а м б а ж ы к. Кто с ним еще?

К о м б у л д а й. Один он, один, ой, беда! Едва он с коня не упал!

С а м б а ж ы к. Ничего, ничего. опередил он, верно, своих, они сзади догоняют. Белека же не заставишь ехать тихо! Удалец! (Направляется к Комбулдаю).

К о м б у л д а й. Где же они — его товарищи?..

С а м б а ж ы к (тоже поднимается на скалу, служащую вышкой). Где ты его увидел? А-а, вот он!.. Откуда же он едет?..

Стремглав вбегают Узун-Белек.

У з у н - Б е л е к. Здравствуйте все!

С а м б а ж ы к. Здравствуй, друг! Что там, внизу? Где твои товарищи?

У з у н - Б е л е к. Внизу они, в долине. Оолетского ставленника поймали!

С а м б а ж ы к. А, этого!.. Вот и славно. Молодцы вы! Настоящие орлы!

К о м б у л д а й. Мундургу, сестренка, неси скорей чаю. Видишь — орел прилетел, Узун-Белек наш прискакал!

У з у н - Б е л е к. Это еще не все! Наши поехали, чтобы схватить и Тугар-даа!

С а м б а ж ы к. А Дажыма где? С ними?

У з у н - Б е л е к. Там. Сам спешит, других торопит. В самую ставку заехал, ничего не побоялся! (Входит Мундургу с чайником и чашками. Узун-Белек наливает себе чаю, пьет. Остальные ждут продолжения его рассказа.) Дажыма-то меня и послал...

С а м б а ж ы к. Передал что?

У з у н - Б е л е к. Амбынское войско уже сюда собирается. Сегодня ли, завтра ли выйдет — пока не разузнали. Эту весть просил передать Дажыма...

С а м б а ж ы к. А наши когда вернуться?

У з у н - Б е л е к. Они остались там, чтобы задержать войско. И те, кто шел к нам на подмогу, уже в долине Хемчика, постараются повернуть амбынских.

С а м б а ж ы к. Скачи, передай нашим: не бывать непрошеным гостям на вершинах Кара-Дага! Не пустим их!

У з у н - Б е л е к. Так и скажу. Что еще передать?

С а м б а ж ы к. Народу у нас маловато... Смогут ли они скоро вернуться сюда?

У з у н-Б е л е к. Поеду я. Пусть все будет хорошо!

М у н д у р г у. Лети, сокол мой. Поезжай, милый!..

С а м б а ж ы к. Как думаешь, красавица? Самого оолетского предводителя изловили — чем не лихие соколы наши? Может, домой поедешь, юрту себе с этим молодцом поставите... А?

М у н д у р г у. Что вы, брат! Мы с Белеком здесь остаемся.

У з у н-Б е л е к. Я ведь только за Тугар-даа. Как только его привезу — так и все, больше ни ногой отсюда...

М у н д у р г у. А сейчас — как же?

У з у н-Б е л е к. А вот сяду я на коня да поеду, и все буду думать, что и ты рядом скачешь.

М у н д у р г у. Кровью пахнет тайга. Паленой кошмой из степей потянуло — не юрты ли наши горят? Как в такую пору врозь нам жить?

У з у н-Б е л е к. А ты подожди — немного теперь осталось! Прискачу, обниму — легче станет на сердце. Жди, милая!

М у н д у р г у. Подожду, ненаглядный. Счастливый путь!

У з у н-Б е л е к. Соколом, родная моя, полечу! (*Уходит*).

М у н д у р г у (*в сильном волнении смотрит ему вслед*). Улетел, улетел мой сокол! Одну оставил!.. (*Берет чайник, уходит. Пауза*).

К о м б у л д а й (*опять с вышки*). Самба, Самба! Еще человек к нам скачет! Иди, взгляни!

С а м б а ж ы к. Не Дажыма ли?

К о м б у л д а й. Да не похоже что-то... Нет, он, он! За ним еще один... Еще... Вон их сколько — всю степь покрыли! Наши, наверное, наши орлы!

С а м б а ж ы к. Возвращаются, значит. Вот это кстати. Ну, друзья, все предвидеть трудно. Будьте готовы к любым новостям.

Все суетятся. Внезапно появляется Узун-Белек.

У з у н-Б е л е к. Самба, старший брат!

С а м б а ж ы к. Что, что случилось? Скорей говори!

У з у н-Б е л е к. Беда... Оолетского даргу у наших отбили. Только я спустился — встретил Семис-Кадай, она и сказала.

С а м б а ж ы к. А Дажыма где? Где все?

У з у н-Б е л е к. У них и отбили его. А сами они — избиты, изранены...

С а м б а ж ы к. Неправда! Не может случиться такого! Дажыма — человек осторожный... А если правда?.. Урундай, седлай моего скакуна! Поеду в степь, выручать друзей!

Все в смятении. Входит встревоженная Семис-Кадай.

С е м и с - К а д а й. Сыновья мои! Братья меньшие! Скорей, скорей уходите отсюда!

С а м б а ж ы к. Что случилось, мать? Неужто наших схватили?

С е м и с - К а д а й. Высокое небо, сохрани моих сыновей! Сейчас все, все вам расскажу... Связал Дажыма этого начальника из хошуна Даа и вытаскивал его из юрты. А за ним уже следили. Ударили исподтишка и связали... А тех двух освободили — оолетского тоже... Торопитесь же, сыновья мои! Скорее, скорее отсюда! Да хранят вас бог всемогущий и хозяева наших гор!

У з у н - Б е л е к. Неужели всех схватили? Ни один не остался на свободе?..

Наступает тягостная тишина.

С а м б а ж ы к. Нет! Не привык я бросать друзей, попавших в беду. Поеду, сниму путы с Дажымы! (*Идет к коновязи*).

С е м и с - К а д а й. Не надо, что ты, сынок! Под топор голову кладешь! Уезжайте лучше отсюда все, все! Сыновья! Послушайте меня, я вам всем мать...

К о м б у л д а й. Ой, ой, родные мои! Самбажык! Самбажык! Друзья!.. Сколько народу в степи — земли не видно! Амбынское войско подходит...

Страшная весть победила смятение. Все занимают свои места для обороны.

Г о л о с а (*тревожные*). Идут... Идут! Вон они! Держитесь, братья! Девушки, спрячьтесь! Мать, уходи!..

С а м б а ж ы к. Чего нам бояться — пусть идут! Парни, берите их на прицел! Сестра моя старшая, бесстрашная, бестрепегная наша мать — тебе и вправду лучше уйти. Пусть сгорят сердца наши в пламени мести — а тебе жить, жить! Внукам и правнукам расскажи о нас! (*Обнимает Семис-Кадай*.) Иди, иди, мать...

С е м и с - К а д а й. Иду, сын. Пусть сопутствует вам удача... Святое дело ваше, непобедимое!..

Целует Самбажыка в лоб. Плача, уходит.

С а м б а ж ы к. Стороной иди, не попадись врагам, сестра!..

Узун-Белек. Оружие у них — не то что у нас. Ружья ковенькие, монгольские... Что там наши луки и стрелы, да вот это старье!

Урундай. Наши будут! Отберем — охотиться пригодятся!

Комбулдай. Звезды небесные видят! Вся степь полна всадниками! Пешие тоже идут!

Самбажык. Ну вот, уже и стрелять начали.

Урундай. Ничего, мы тоже не разучились бить зверя!

Стрельба с обеих сторон усиливается.

Самбажык. Друзья! Друзья! Не тратьте зря ружейный припас! Поближе их подпустите! Пускай подойдут... Девушки, вы чего высунулись? Спрячьтесь, нечего тут храбрость показывать!

Чинчи. Дядя Самба, да мы же заговоренные! Нас пуля не тронет!

Накатывается гул множества голосов: «А-а-а...»

Самбажык. Ага, подползли? Получайте теперь! Вот вам!

В осаждающих летят пули, стрелы, камни.

Комбулдай. Чинчи, Чинчи! Смотри, Садыяа схватил одного! Вот богатырь — на вытянутой руке держит! Кидай его с кручи, Садыяа!

Чинчи. Где, где? А, вон он! Так его, дядя Садыяа!

Повстанцы перемещаются на дальнюю часть степи. С передней стороны подходят дружинники Амбын-нойона. Видны падающие. Появляется Койнаа-хунду. Скрывшись за скалой, поджидает Самбажыка, Самбажык заметил его.

Самбажык. А-а, это ты, людоед! Вот где мы с тобой встретились, чудовище!

Койнаа. Должно быть, это тебя зовут Самбажыком?

Самбажык. Не узнаешь меня, людоед нечасытный?... (Койнаа отступает.) Зря убегаешь, волк!

Койнаа. Эй, вы, бродяги! Куда все запропастились? Ловите же эту собаку!

Самбажык. Гляди, какой хитрый... Задумал Самбажыку голову отрубить, в Улясутай увезти, а в награду получить пучок крашенных перьев с девятью камнями! Врешь, зверюга! (Вбегает Чинчи).

Чинчи. Дядя Самба, ты что?

Самбажык. За меня не бойся, Чинчи! Что мне сде-

дается! Иди лучше. Алдай-оола побереги! Гость он у нас! Погляди, где он? *(Чинчи уходит.)* За птичье перо хочешь головы всех аратов Танну-Туву продать? Врешь! Не бывать этому, не бывать никогда! *(Ловко всаживает нож в грудь Койнаа-хунду, сбрасывает его со скалы.)*

Эхо разносит предсмертный крик Койнаа-хунду.
Возвращается Чинчи. Она почти без сил, рацепа.

Ч и н ч и. Самба!.. Дядя... дядя Самба...

С а м б а ж ы к. Что с тобой, Чинчи, девочка моя? Кто тебя? Где?

Ч и н ч и. Стрела... *(Падает. Гремят выстрелы, шум, крики сливаются в дикую, мрачную и тревожную музыку.)*

Самбажык поднимает Чинчи, неся ее на руках, всходит на вершину скалы. Гул нарастает.

С а м б а ж ы к. Чинчи, слушай меня!

Ч и н ч и. Я слышу... Что это гудит, дядя?

С а м б а ж ы к. Это гром великой грозы! А после грозы чистым станет небо над горами, над степью! Скоро придет это время!

Ч и н ч и. Жить бы мне в ту пору!..

С а м б а ж ы к. Будешь жить, будем жить, Чинчи! Сами, своими глазами ясное солнце увидим! Смотри, как ярко разгорелась заря!

Ч и н ч и *(простирая вперед непослушные руки)*. Почему же она такая... красная?..

С а м б а ж ы к. От крови нашей, Чинчи! От пламени наших юрт! От негасимого народного гнева!

В музыке — могучий ураган, буря, гром. Прорезанная молнией красная заря освещает Самбажыка с Чинчи на руках. Только их — вся сцена погружена во мрак.

З а н а в е с.

АЛДЫН-КЫС

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

Многие помнят, как в сорок четвертом году
новый наш герб появился на знамени красном:
нам показалось, что Солнце, у всех на виду,
стало на Западе вдруг по утрам подниматься.

Многие помнят, наверное, старый наш герб:
мчался табунщик, нацелив урук¹ пред собою —
в крепких руках теперь держит он молот и серп,
соединившись навеки с Советской семьею.

2.

Аржанныг-Хем! Еще недавно
здесь были скачки, ойтулааш...
Теперь — особый ералаш:
нагруженные лесом, камнем
волы и лошади пыхтят;
с веселой, звонкой песней смешан
стук топоров, и скрип тележный,
и смех девчонок и ребят.
Их несмолкающая стая
шумит, как птицы в борозде,
и девушки не уступают
парням ни в песнях, ни в труде.
Там кистью Алдын-кыс водила:
одежда в красках, как в цветах,
но все ей весело и мило,
к лицу ей всякие цвета.
Баир командует бригадой,
и даже стал чуть-чуть спесив,
заважничал — но робким взглядом
на Алдын-кыс он все косит.

¹ Урук — шест.

И вот уж вслед за молодежью
из всех сумонов и арбанов
и старики на стройку тоже
приходят, поднимаясь рано.
Быки и яки вереницей
кочевья скарб везут сюда.
Настала им пора проститься
с привычной юртой навсегда.
Все было незнакомо, странно
для полудникого скота:
и вид строений деревянных,
и шумной стройки суэта.
Отары, табуны, стада
шли, упирались и дрожали,
мычали, блеяли и ржали
и разбегались, кто куда.
Собак, бывало, опояской
из юрт не выгнать на мороз,
а на дома глядят с опаской,
в дома боятся сунуть нос
и охранять их не хотят,
и как-то вообще тупеют:
грызню между собой затеют,
бегут, куда глаза глядят.
Вот едут женщины. За пояс
заткнули трубки, в метр длиной,
и с ними ребятя, осваясь,
и на груди, и за спиной.
Переезжали неохотно
они из старого жилья
и вымещали на животных
упреки горькие мужьям.
— Мне мой до свадьбы говорил:
«Поставим юрту в чистом поле,
скот будем разводить на воле»...
И быстро все позабыл!
Богатым долго собираться.
Бедняк обычно налегке:
и сам, и все его богатство —
на необъезженном бычке.
Тепло, приветливо встречала
их всех на стройке молодежь,
показывала, разъясняла,
чем новый быт для всех хорош.
Те, кто пришел не по охоте
в колхоз, жалея о былом, —
те замерзали на работе,

зато потели за столом.
Нытье, упреки маловеров,
как комары, вокруг вились,
и на душе у Алдын-кыс
от них порой так было скверно!
Один сапог из магазина
наденет: «Ой! Нога болит!»
Другой на стуле посидит
и в крик: «Ох! Разломило спину!»
— Как станут дети подрастать —
женю и юрты всем поставлю,
хозяином аал возглавлю:
чай распивать, араковать,
верхом меж юртами скакать
начну. Тем одолжу корову,
а этим лошадей напрокат,
и стану знатен и богат, —
мечтали старые о новом.

3.

Трудилась молодежь всерьез,
и пожилые не ленились:
подумали, объединились
и первый создали колхоз.
В райцентре быстро услышали
о молодых, об их труде
и вскоре в помощь им послали —
умелых, опытных людей.
Приезжий русский избран был
на пост секретаря парткома.
Правлением руководил
Комбу, тувинец, всем знакомый.
А имя русского — Василий,
но старики, с его согласия,
зовут по-своему: «Мачылый»,
а молодые — дядей Васей.
Василий был в Туве не гостем:
умелый мастер, весельчак,
с людьми заботлив был и прост он,
но подлость — враз разоблачал.
Знал все, что делается в мире.
Занудных лекций не читал,
по наспех собранной цифири
галопом бодрым не скакал.
Призывов не провозглашал он,
в серьезном деле не спешил:
задумается, лоб, бывало,

наморщит — глядь, вопрос решил.
Возьмет топор — и вроде плотник,
поднимет молот — впрямь кузнец,
показывать другим охотник,
как мыть полы, лечить овец.
В то время часто к Алдын-кыс
да и к Баиру обращались
те, кто хотя и записались
в колхоз, но в нем не прижились.
Услышав жалобы и спор,
Василий, их не утешая
и попусту не общая,
начнет серьезный разговор:
— Из ничего никогда ничего не родится
на отдаленных мирах и на нашей зеленой планете:
все, что растет, все, что вверх головою стремится —
все на пути обязательно трудности встретит.
Разве найдешь ты какой-нибудь смысл в обиде?
Лучше подумай, куда тебя люди зовут:
только в колхозе узнаешь ты радостный труд,
только в колхозе ты счастье найдешь и увидишь.
Ты до сих пор богатым служишь,
а с ними нам не по пути.
Нам даже в дверь в одну и ту же
с разбухшим баем не пройти.
Не сможешь ты прожить в сторонке,
когда в колхозе весь аал..
Вон — мед везут на пятитонке,
а кто и как его собрал?
Не одинокие пчелы над этим трудились:
разве под силу им было бы столько собрать?
Тысячи их на цветы полевые садились,
долго пришлось им над нашею степью летать.
Вон сколько ласточек под кровлей!
Песок и глину все несут,
а дом такой себе построят!..
Ведь вот что значит — общий труд!
Твои враги — лень и сомнение,
они опаснее всего;
войди в колхоз, трудись со всеми:
один за всех — все за него.
Тебя от темной жизни к свету
зовут Баир и Алдын-кыс.
Не упрекай их, а учись
и сам тогда поймешь все это.
Нередко после этих слов
задумывались, сон теряя,

а кто их понял — был готов
трудиться, рук не покладая.
А время шло. Летело время,
и вот уж в песне пел народ:
— Родился я в Аржанныг-Хеме,
там, где черемуха цветет.
Ты хочешь знать машины лучше?
Иди к Василию, учись,
и он всему тебя научит,
ты только сам-то не ленись.
Ты хочешь знать, в чем моя сила?
Ну что ж, тебе отвечу я:
мой друг Василий, вся Россия —
вот сила главная моя.

4.

Закончен труд. Усталая, притихнув,
уснула стель. И месяц родился...
А там, где ночь и день столкнулись, вспыхнув,
еще не отпылали небеса.
Одна, другая загорелись звезды —
как жемчугом усыпан небосвод.
Их отблеск серебрят вечерний воздух,
на всем вокруг серебряный налет.
Легли на землю тени-исполины
от Арзайтинских стрельчатых вершин...
И молодежь влечет неодолимо
прохлада ночи, тишина долин.
Вот стук телеги чьей-то нарастает:
с работы, видно, кто-то запоздал...
И песня в вышине плывет и тает:
— «Ах, краснотал мой, краснотал!»
Поет и стонет чья-то молодая
любовь, душа — и стая журавлей
с тревожным, грустным криком улетает,
напуганная песнею людей.
Как славно пахнут стружки, щепки, бревна
из лиственницы, кедра и сосны —
вся улица пропахла ими, словно
пришли в нее все запахи весны.
На бревнах клуба светятся росинки.
Вот кто-то запекает от души.
Сегодня молодежь на вечеринку
по одному и по двое спешат.
Доярки, чабаны и трактористы...
Усталость сразу сняло, как рукой:

они и зрители, они же — и артисты.
Концерт сегодня будет — да какой!
И музыку, да и слова частушек —
все сочинили сами о себе,
и зрителям так интересно слушать
стихи и песни о своей судьбе.
Аплодисменты в зале все сильнее,
все чаще звонко раздастся: «Бис!» —
а кое-кто, глядишь, и покраснеет:
краснеет — красней, а критику любви.

— Что ты с юртой по морозу
ходишь-бродишь, словно тень?
Иль прогнали из колхоза
за бездействие и лень?
— Чем глядеть на вас, девчата,
погляжу-ка на мотор:
может, выйдет из арата
тракторист или шофер.
— Кто на «газике» объедет
Аржанныгские края?
Пусть любимая заметит,
как сильна любовь моя.

Здесь каждый с чем-то выступить умеет:
пусть только первый кто-нибудь начнет,
а там — само умение подтолкнет,
тот пляшет, а другой поет хомеем.
Вот старый лысый дед взошел на сцену,
уселся поудобнее на стул,
разгладил бороду, на зал взглянул
с достоинством — и зал затих мгновенно.
Как волны, лоб перегонял морщины,
катал их сверху вниз и снизу вверх...
Раздался чей-то неуместный смех —
и тут же оборвался, с половины.
— От болезней, голода и джута
тысячами люди погибали.
Недовольных всех карали люто:
голову шулбусы¹ отрубали!
Долгими веками вражья сила
тягостным кошмаром нас давила,
Родине подняться не давала —
не жила Тува, а умирала.
Ван², чурган³, нойон — все были воры,

¹ Шулбус — дьявол.

² Ван — феодалный чин.

³ Чурган — пограничный чин.

разговаривали все плетями:
обдерут, как хищники когтями,—
да еще сошлются на поборы.
Холодом зимы и мраком ночи
жизнь от нас отгородилась прочно.
Белою душою справедливость
как за черным пологом укрылась.
Скот чужой я пас зимой и летом,
бил волков, стрелял по ним вдогонку —
ничего не получил за это,
даже шкуры дохлого ягненка.
У чиновников павлиньи перья
на верхушках шляп остроконечных.
Хорошо чиновники умели
правду скрыть, арата изувечить.
Но пришли к нам из России вести,
Ленин нам сказал: «Боритесь, верьте!»
Из болезней, голода и смерти
для борьбы и жизни мы воскресли.
Нет, не сказка это, не легенда —
посмотрите, как невеста в лентах,
вся земля, все выпасы и пашни —
все они теперь навечно наши.

5.

Закончилось веселье. Лунный диск
давно ушел за черные отроги.
Все дальше в степь Баир и Алдын-кыс
шагали, не заботясь о дороге.
Вдруг песня донеслась до них из тьмы:
из клуба ехал с песней сын ламы.
— Как это глупо: в гонг, в тарелки бить!..
Как все, колхозником желаю быть!
Чтоб сверху свет из лампочки струился,
чтоб мы с подругой верной обнялись...
— И этот тоже с нами согласился! —
тихонько прошептала Алдын-кыс.
— Подумаешь! Чему тут удивляться! —
забыв про все, Баир ей говорил.
А свежий ветерок их уводил
все дальше за поселок, в тень акаций.
Вот и сбылось желанье Алдын-кыс:
построены дома, теперь осталось,
чтобы араты в них перебрались...
Не так-то просто это оказалось.

Как, например, с посудой старой быть?²
Пока ее свалили у порога:
куда котел чугунный водрузить?
А в юрте для него была тренога!
Тогда у Алдын-кыс и у Баира
еще других прибавилось забот:
к ним приходил и спрашивал народ,
как в доме жить, как обставлять квартиру.
В их доме чистота глаза слепила,
узор тувинский окна украшал,
ширтек¹ расшитый на полу лежал —
а в остальном все, как у русских, было.
Ходили любознательные стайкой,
осматривали все: и двор, и дом...
— Вот здесь курятник, здесь амбар и стайка,
все это общим сделано трудом.
Кусты смородины и облепиха
живою изгородью оплели
их огород: в нем овощи росли...
Смотрели гости и вздыхали тихо.
Вода, журча, играла между грядок...
Для овощей хватило бы мешков!
Теперь в степи и по горам не надо
искать для пищи сладких корешков.
Не уставали гости удивляться:
на кухне — шкаф, а в нем посуды сколько!..
А в спальне-то не топчаны, не койки —
кровати и пружинные матрацы!

6.

Годы в труде и заботах прошли незаметно.
Как-то, гуляя, Баир с Алдын-кыс очутились
там, в Аржанныгских верховьях, где памятным летом
встретились ночью они и всерьез объяснились.
Там, как и прежде, с утеса сбегала пугливо
юных осинок дрожащая редкая стая,
а у подножья, всей радугой красок сверкая,
трав и цветов бушевала могучая грива.
Каждый цветок выделялся особою статью,
каждый имел свой характер и запах особый,
тот пламенел, восторгаясь своею особой,
этот — краснел, застеснявшись нескромного платья...
Эти так низко головки свои опустили,
словно о чем-то, безмерно им близком, грустили.

¹ Ширтек — войлочный ковер.

А у других щеки алой зарей разгорались,
словно все утро с любимым они целовались.
Эти птенцами голодными рты пооткрыли,
словно просили, чтоб их поскорей накормили.
Эти — стоят, башмачками в узорах красуясь —
не рассказать обо всей красоте, что в лесу есть!

7.

Руки людей сотворили и хлеб, и металл.
Объединившись, всю землю они изменяют.
Вот он, смотрите — сегодняшний наш Кара-Тал!
Жизнью бурлит, трудовыми огнями сверкает!
В детстве встречал я здесь только босых пастухов,
плачущих, ранищих ноги о камни... А ныне
город строителей, город асбестовиков
полным хозяином расположился в долине.
Здесь человеку открылась земли глубина:
вот они — все и богатства ее, и секреты!
Белые-белые насыпи горного льна
ночью и днем озаряются сказочным светом.
Здесь эти белые горы рождаются, растут,
и, как живые, по дну беспокойной долины
к ним непрерывным потоком подходят машины
и далеко, на большие заводы везут.
А ведь и я еще помню старинный обычай:
видел, как здесь наши деды артышем* дымили
духа Танды и смиренно, и долго молили,
чтоб наградил он охотников щедрой добычей.
Но догоняли друг друга сверкающей ртутью
горные речки, сбегались, друг с другом сливались
и устремлялись на грозные скалы, и грудью
их пробивали с размаху — и в Хемчик бросались.
Так создавались колхозы. Вот наши поля:
даже с биноклем никак не охватишь их взглядом,
даже на добром коне не объедешь их за день.
Как ты прекрасна, тувинская наша земля!
Горные реки и птицы поют, как всегда —
кажется, нет этих звуков природы чудесней...
Все-таки больше люблю я сказанья и песни
о героических людях борьбы и труда.

---

* *Артыш* — можжевельник.

— Неповторимо прекрасны природы творенья,
все, что создал человек, его руки и мысль...
Но даже солнечный свет для меня не заменит
свет твоих глаз и твою красоту, Алдын-кыс!
— Мой дорогой! Мой любимый! Не зря мы стремились
общему делу все силы и чувства отдать —
в наших сердцах навсегда теперь соединились
счастье любви и безмерное счастье труда.

ТОЛЬКО ОДИН ЧАС

(Поэма)

ПОСВЯЩЕНИЕ-ПРОЛОГ

Гимн жизни

Жизнь
не слетела к нам сама
с небесных звезд,
жизнь
не пришла
по мановению пророка,
жизнь —
не побег,
что сам взошел весной высоко,
жизнь —
не кукушка:
у чужих не бродит гнезд.
Чтоб нашим детям —
людям завтрашнего дня —
открылся светлый мир
и солнечные дали,
отцы и деды
все для них
завоевали,
в великой битве века
жизни не щадя.
Не празднословьем славьте жизнь —
нам надо каждый час
самим ее творить,
усилий не жалея, —
тогда
лик Солнца
вам покажется светлее,
А диск Луны —
прекрасней
во сто раз.

Оберегайте жизнь
не фразой,
а трудом,
и горе
не коснется
вашего порога.
Тогда и счастья
станет на земле
так много,
что будет щедро им
наполнен
каждый дом.
Да здравствует
Великий Труд,
и славится всегда
труд,
без которого нет жизни
на земле.
И пусть
вылают Жизнь,
как солнца свет во мгле,
жизнь,
без которой нету
на земле труда.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Не торопила жизнь свой ход,
но, как родник, не иссякала —
шла мерным шагом аксакала,
но не назад, а лишь — вперед.

Мелькали дни ее за днями,
и каждый ярче был других.
И месяц шел за месяцами,
заметней родичей своих.

Желтели листья, зеленели —
летело время. Ну, и пусть!
И вот поля снега надели,
но так же бился жизни пульс.

Был прост пейзаж: то двор, то дом,
скирды и гумна, клеть сарая
и Енисей песнь немая —
он тихо спал под зимним льдом.

Где жизнь размеренно течет,
там суета заметна очень:
ведь через час — в двенадцать ночи —
уже наступит Новый год.

Дела на все найдутся вкусы:
отцы пельмени мастерят,
мальцы нанизывают бусы —
принцессам-елочкам наряд.

До праздника уж два шага, —
все люди Новый год встречают, —
Ондар же нынче отмечает
совсем особенный Шагаа¹.

Поверь, читатель мой, недаром
веселый праздник нынче тут —
ведь дочку младшую Ондара
сегодня замуж выдают.

Ондар — чабан. Пасет отару.
Почет имеет, ордена.
И десять родила Ондару
детей счастливая жена.

Старик с годами стал седеть.
Мечта Ондара: выдать замуж
дочурку младшую. А там уж
спокойно можно и сидеть.

Жених был — Оолак, умный малый, —
учился в городе большом.
Ему осталось очень мало —
полгода, чтобы стать врачом.

Невеста же его — Орлана, —
цветок в Ондаровой семье, —
став фельдшером, трудилась рьяно,
почетом пользуясь в селе.

Сама напрашивалась свадьба,
чего тянуть тут столько лет?
Уж ноги просят: «сплясать бы...».
Держали родичи совет.

Решили так: «Невеста рядом,
за ней и ездить нам не надо,
а жениху, как институт
даст отпуск, — он и будет тут.

Мы свадьбу в день Шагаа сыграем,
да так, что коромыслом дым.
И счастья детям пожелаем,
чтоб мир да радость молодым.

Чтоб и от песен, и от пляски
весь дом ходил бы ходуном,
чтоб веселились, словно в сказке,
чтоб двум быть праздникам в одном...»

¹ Шагаа¹ — новогодний праздник.

Вторая глава

На свадьбе тут, скажу без лести,
от снеди ломаются столы,
и тяжело стоят на месте,
навьюченные, как волы.

Из теста блюда и из мяса,
все даже трудно перечесть:
и кровяные здесь колбасы,
и бова здесь, и борзак есть.¹

В дымящейся, пахучей гряде
грудинка ссть и курдюки,
тыртканнар горой на блюде,
и кургулдай, и шашлыкы.²

Уж в сборе все — без исключенья,
уже царил веселья дух,
и многие для развлеченья
читали приглашенья вслух:

«Пусть приглашенные к нам лица
хранят билет — он не простой.
Он для «серебряной» сгодится,
потом для свадьбы «золотой».

Утратив приглашенья это,
ты сам уже не будешь рад,
поскольку к этому билету
не выдается дубликат.

И, если не сберег, допустим,
гость приглашенья своего,
хоть плачь он, хоть кричи — не пустим
на свадьбу больше мы его».

Так в шутках, смехе, разговоре
шло время весело у них.
И на почетном месте вскоре
воссел с невестою жених.

В фате невесту не узнать:
и с белой куропаткой схожа,

---

¹ Бова, борзак — блюда из теста.

² Тыртканнар, кургулдай — вареные колбасы.

и с лебедем сравнима тоже —
такая грация и стать.

Жених, склоняясь у плеча
невесты, что-то ей толкует:
он был похож на косача,
что утром на заре токует.

Уж пробки вылетели вон —
шампанское кипит в бокале,
и слова «горько» гости ждали,
чтоб им начать хрустальный звон.

И вот, порвав терпенья нить,
в кругу сверкающих бокалов
встал аксакал из аксакалов,
чтоб молодых благословить.

А вслед за старцем с мест своих
все поднялись без промедленья,
и тишина настала в миг —
лишь сердца слышалось биенье.

Да шумно ходики стучали —
в плац превратив свой циферблат,
они вокруг оси гоняли
две стрелки, как сержант солдат.

И в это время, как удар,
дверь с треском распахнулась в доме,
и человек возник в проеме,
закутанный в морозный пар.

В снегу доха, ушанка лисья,
и сам он инеем оброс,
и брови снежные нависли —
ну прямо с елки Дед Мороз.

На званный пир явясь без зова,
приезжий был ошеломлен:
«Эмчи»¹, — одно лишь бросил слово
и смолк, как безъязыкий, он.

Казалось, был он еле жив,
заговорит уже едва ли,

---

¹ Эмчи — врач, лекарь.

а люди, гостя окружив,
вдруг в нем табунщика узнали.

И, отдышавшись еле-еле,
табунщик вымолвил: «Жена...
Рожает... Схватки... Мы б успели...
Умрет без помощи она...»

Несчастье ведь всегда неожиданно,
и чем неожиданней, тем страшней...
Мгновенно собралась Орлана —
таблетки, шприцы — все при ней.

Начаться свадьба не успела —
а до Шагаа один лишь час.
Удастся ль доброе нам дело
за этот час свершить сейчас?
Удастся ль, праздника не руша,
благословить нам молодых?
Удастся ли в Шагаа послушать
им слово доброе родных?

Третья глава

Ворчат колхозники несларом:
«Порядка в Новом нет году...»
Они ругают даргаларов,¹
что нет машины на ходу.

Рядили гости, домочадцы:
не обойтись, мол, без саней.
До юрты чтоб скорей домчаться,
в запряжку нужно двух коней.

Тут гость один — лихой был парень —
взял у табунщика коня
и плеткой скакуна ошпарил,
наметом к конюху гоня.

Вернулся в тот же миг парнишка,
как будто был на паре крыл,
и конюха без передышки
словами гневными он крыл:

---

¹ *Даргалар* — начальники, руководители.

«Еще нет праздника в помине,
а он напился поскорей:
лежит, храпит себе в овине,
на поле выпустил коней.

Его трясущ, он встать не хочет —
лежит надутый, как свинья,
скрипит зубами и бормочет.
Ох, и намучился с ним я...»

И вот тогда пошел к соседу
с поклоном сам старик Ондар:
«Дай мне коня — к больному еду.
Какую хочешь мзду отдам»...

Сосед был холодной железа,
все взглядом в сторону косил.
Хоть конь был рядом, он отрезал:
«Я тоже в поле отпустил»...

Жених хотел помочь невесте,
ведь он почти что был врачом...
Давно пора бы быть на месте,
но как поедешь и на чем?!

Конь славен, если быстр, как птица,
жених же — если быстр умом.
Не зря, наверное, о том
в старинных песнях говорится.

Решенье Оолак принял быстро,
еще быстрее его шаги:
он в дом к колхозному радисту
пришел и молвил: «Помоги...»

Бег радио быстрее намного
лихого бега скакунов:
в миг голос Оолака: «Тревога!»—
до дальних добежал домов.

Слова в дома влетали сами:
«С женой табунщика беда...
нужны нам срочно кони, сани,
чтоб привезти ее сюда...»

И не успели аксакалы
набить и трубку табаком,

как люди повалили валом:
кто с лошадыю, а кто с быком.

Сбегались все: мужья и жены,
тащили сбрую — стар и млад.
Один мужик, как запряженный,
с дугой на шее прибежал.

Тянули сани всех сортов:
двухместки, розвальни, кошевки.
А сколько было хомутов —
хоть продавай их по дешевке.

Вел Хуурак за собой коня,
да не колхозного — из дома.
Конь на ходу хватал солому,
стальной уздечкою звеня.

И вскоре набралось коней,
как в ярмарку на распродаже.
Несли такие вещи даже,
что не придумаешь, ей-ей.

Нашлись для женщин тут дела:
собралось несколько старушек —
пеленки стали шить из смушек,
да так, что прыгала игла.

И дети не сидели праздно:
по образцу своих отцов,
игрушек натащили разных,
и пряников, и леденцов.

Хозяйки мясо приносили,
и что-то чистили в чану.
Тогда мужчины их спросили:
«А это все еще к чему?..»

Сказали жены, что народа
таков обычай, — он не глуп, —
что надо сразу после родов
дать матери горячий суп...

...Впряжен был в сани конь хороший,
колхозный конь, лихой, как бес.
И, дав свою в пристяжку лошадь,
на козлы Хуурак сам полез.

Он восседал, подобно богу,
хоть главной здесь была эмчи.
Орлану кутали в дорогу:
простыть ведь могут и врачи.

Качнулись сани с ездоками
и ринулись в ночной проем,
а впереди верхом скакали
табунщик с Оолаком вдвоем.

Как птицы к югу, улетели
жених с невестою. Увы,
без них дома осиротели —
пусты, как рощи без листвы.

Начаться свадьба не успела,—
а до Шагаа один лишь час.
Удастся ль доброе нам дело
за этот час свершить сейчас?

Удастся ль, праздника не руша,
благословить нам молодых?
Удастся ли в Шагаа послушать
им слово доброе родных?

Четвертая глава

Стоял задумчивый и строгий,
пскрытый снегом зимний лес.
Он, как медведь, что спит в берлоге,
в сугробы до весны залез.

А вьюга над землей крутила
в безумном танце белый пух,
и по полям она бродила,
как за отарою пастух.

Она то била всех в упор,
то снисходила вдруг до ласки
и тихо скатывалась с гор,
как ребятишки на салазках.

Теплело. Звезды в небе синем
горели яростней еще.
Не девушки ль колхоза ныне
так их начистили хвощом?!..

А верховые за поселком
уже добрались до шоссе.
Навстречу им неслась трехтонка
по освещенной полосе.

И всадник, лошадь придержав,
с рукой протянутою замер.
Законом дружбы дорожа,
машина взвыла тормозами.

Кивнул водитель головой
на кузов, где лежала елка,
спешу, мол, тоже до поселка,
на Новый год к себе домой.

А вслух сказал: «Я не могу...
жена, небось, сидит в тревоге,
а я еще на полдороге
и пред детишками в долгу...»

Невдалеке, за снежной пылью,
уж слышен храп и скрип саней.
Летели сани, как на крыльях,—
к трехтонке Хуурак гнал коней.

Спор шел на русском языке.
Протестовал шофер недолго
и, покоряясь чувству долга,
машину повернул к реке.

Оставив сани, пересела
в кабину теплую эмчи.
Шофер умелый к Енисею
машину быстро гнал в ночи.

Метался фар упрямый свет,
и острова Узун-Алаака
уже проглядывал из мрака
едва заметный силуэт.

Подняв копытные метели,
уздой не сдерживая бег,
вслед за машиною летели
табунщик, Оолак, ночь и снег.

От них почти не отставая
и бубенцами лишь звеня,

неслись, на темень наступая,
разгоряченных два коня.

Начаться свадьба не успела —
а до Шагаа один лишь час.
Удастся ль доброе нам дело
за этот час свершить сейчас?

Удастся ль, праздника не руша,
благословить нам молодых?
Удастся ли в Шагаа послушать
им слово доброе родных?

Пятая глава

Назад швыряя километры,
наперекор природе всей,
скакали люди против ветра
туда, где дремлет Енисей.

И думали: «Сейчас, как ветер,
назад примчится грузовик...»
И удивились, вдруг заметив,
что он у берега поник.

Шофер окуроч бросил в снег,
махнул рукою безнадежно:
«Тут, как ни двигай осторожно,
надежды мало на успех...»

Шоферы не такой народ,
чтоб струсить или бросить друга.
И он был прав: под Новый год
подуло теплым ветром с юга.

Мороз ушел, как зверь лесной,
куда-то в норку, иль в берлогу,
и потеплело понемногу,
и лед стал рыхлым, как весной.

Река дышала полыньями,
днем неба глубь была ясна...
И, если б не Угер¹ пад нами,
подумать можно, что — весна.

---

¹ Угер — тувинское название созвездия Плеяд. Угер летом не виден, только зимой поднимается выше.

Тут на машине не пройти —
слепому даже было ясно.
На этот лед въезжать опасно —
и ночь, и вьюга на пути.

Нет, не пробиться нипочем...
Но все ж мороз крепчает к ночи
и, может быть, вдвоем проскочат
хоть Хуурак на санях с врачом?

Туман над Ениссем налит.
Под грустный бубенцов мотив
спустились два коня на наледь,
с собою сани прихватив.

И стук копыт о лед в ночи
бил в сердце, словно острый ножик,
но экипаж на остров все же
без приключений проскочил.

Мать их спокойно ожидала,
но торопила: «Поскорей...»
С людьми простившись из аала,
вновь Хуурак в ночь погнал коней.

Ржут кони, словно тверди просят,
уж видно леса полосу.
«Ну, как там?..» — ветер крик доносит,
и эхо мечется в лесу.

Но ехавшим не до ответа —
лишь стук копыт да стук сердец...
«Теперь проскочим место это, —
подумал Хуурак, — и конец».

Вдруг треск раздался. Кони встали,
как будто кто их привязал.
Лед, что казался крепче стали,
под их копытами плясал.

Рукою не успели двинуть,
а уж опасность на носу,
и отломившуюся льдину
валы холодные несут.

Начаться свадьба не успела —
а до Шагаа один лишь час.

Удастся ль доброе нам дело
за этот час свершить сейчас?

Удастся ль, праздника не руша,
благословить нам молодых?
Удастся ли в Шагаа послушать
им слово доброе родных?

Шестая глава

Уже под звездами полмира —
и даже часа не пройдет,
как бой курантов по Эфиру
объявит людям: «Новый год!»

И вверх поднимутся бокалы:
«За Родину!», «За наш народ!»
И будет свадеб тут немало,
и песни тут невпроворот.

Да, в этот час нельзя не петь —
уже границ для счастья нету.
На всех паречиях планеты
исчезло будто слово «смерть».

Но на обломке льда как раз
смерть вылезала из берлоги
и не одной, а жизням многим
она грозила в этот час.

На льду невеста!.. Боже мой!..
Неужто в ночь пред Новым годом
она уйдет от нас под воду,
и мига не побыв женой?!

Начало жизни молодых
неужто смерти даст начало?
Неужто свадьба означала
разлуку вечную для них?

Неужто мать сынку в лицо
новорожденному не глянет,
и сиротою дочка станет,
и станет муж ее вдовцом?

Неужто Хуурак — человек,
что доброту свою нес людям,

на свете жить уже не будет,
уйдя навек в подледный мрак?

Неужто он уже не тронет
рукой волос жены своей
и не поднимет на ладони
со смехом маленьких детей?

Как в небе молнии полет,
так мысли в голове мелькнули.
И Хуурак вдруг быстрее пули
метнулся из саней на лед.

Ножом ударив по постромкам,
он перерезал их, кляня:
и не колхозного с обломка,
а своего столкнул коня.

И в этот страшный миг единый,
мелькнув, как выстрела огонь,
на твердый лед с опасной льдины
успел колхозный прыгнуть конь.

Вот так закончилась борьба.
Смерть победили люди сами,
но им казалось, что судьба
на берег вытащила сани.

А конь тонул. Он громко ржал.
Закрыв на миг хозяин веки,
и собственность его навеки
похоронил холодный вал.

К шоферу в тесную кабину
мать посадили и эмчи.
Завыл стартер, завел машину —
ну, что ж, шофер, теперь и мчи!

Машина шла без остановки —
спешили всадники за ней.
Чуть позже, подскакав к поселку,
толпу заметили людей.

Отец-табунщик даже струсил:
«Вдруг что случилось? Как там мать?
Рожать детей — не то, что узел
вам на аркане развязать...»

Когда ж подъехали к больнице,
на сердце отлегло у всех:
увидели — спокойны лица,
услышали шофера смех.

Народ, шофера привечая,
всех русских слов трухнул запас:
«Благодарим за все, мол, вас,
зайдите в дом, испейте чая!»

Как оказалось, по-тувишски
неплохо говорил шофер:
«Мне в Шагонар, а путь не близкий,
я дома не был до сих пор...»

...Шли стрелки — дружные два братца —
и время двигали вперед,
чтоб до «12» добраться,
чтоб повстречаться в Новый год.

Хотя в домах сияла елка,
ждал стол, обильный и хмельной,
никто из жителей поселка
не уходил к себе домой.

Внезапно небо расколосось —
плыл бой курантов в тишине,
и Родины веселый голос
уже звучал по всей стране.

Покуда Гимн летел над ликом
лесов, предгорий и долин,
свое явленье громким криком
отметил новый гражданин.

Шофер табунщика поздравил,
мол, праздник у тебя двойной:
по скатам сапогом ударил
и тут же тронулся домой.

Лишь в темсь канула машина,
Орлана вышла на крыльцо:
«Мать родила сегодня сына,
и наш табунщик стал отцом.

Как крестника, односельчане,
вы наречете своего?..»

«Да чтоб под стать он был Орлане —
Орланом назовем его».

Совет не приняла Орлана
и настояла на своем:
«Давайте лучше мальчугана
мы в честь шофера назовем...»

«Вот это мысль!.. — кругом кричали. —
Он молодец!.. Достоин!.. За!..»
Но тут же сразу замолчали,
смущенно опустив глаза.

Потом все разом зашумели,
друг другу начали пенять,
что в суматохе не успели
шофера имени узнать.

«Шофер — хороший русский парень,
его запомним мы навек,
но есть еще герой — Гагарин,
он тоже русский человек...»

Уж тут, конечно, все согласны:
и люди, и отец, и мать,
и решено единогласно:
младенца Юрием назвать.

Теперь в поселке стало тише —
все расходились по домам.
Но головы держали выше,
иль это так казалось нам?

Потом на свадьбе гости пили
и удивлялись все не раз,
что дело доброе свершили
и свадьбу справили — за час.

И старики под звон бокалов
благословляли молодых:
услышать добрых слов немало
им довелось от всех родных.

Удачливый и быстрый малый,
я побывал на свадьбе сам.
И в рот, конечно, мне попало,
а не текло лишь по усам.

Поэты тоже пьют отчасти,
и я там выпил — не чернил —
и пожелал супругам счастья,
и вот — поэму сбчинил.

Глава лишняя

Итак, закончена поэма
о золоте людских сердец.
Уже исчерпана вся тема:
поставлю точку — и конец.

Но вот табунщика сомненья
отняли у меня покой.
И лишнюю, без промедленья,
главу я внес своей рукой...

...Во время новогодней ночи
в часы волнений и тревог
табунщик растерялся очень —
всего и осознать не мог.

А утром он проснулся рано,
совсем расстроенный на вид —
как незажившая жжет рана,
вот так и совесть в нас горит:

«Я весь поселок растревожил —
ведь это все из-за меня.
И свадьбу я испортил тоже,
и Хуурак потерял коня...»

Хотя от жителей поселка
плохих и не слышал он слов,
но чувствовал себя неловко —
был искупить вину готов.

И первым делом, беспокоясь
за свадьбу, сорванную им,
пошел домой он к молодым,
чтоб низко поклониться в пояс.

Еще спокойно спал поселок,
табунщик постучал в окно:
Ондар открыл, сказал, что Оолак
уехал в институт давно.

И что невеста, мол, Орлана,
верней, теперь уже жена,
на вызов тоже встала рано —
у чабанов сейчас она...

Табунщик вышел и угрюмо
пошел, не зная сам куда,
и мрачные, как тучи, думы
его томили: «Вот беда.

Ведь я, по глупости своей,
и адрес не спросил шофера,
а он поехал в ночь без спора,
забыв семью, забыв детей.

А сколько слез у ребятни —
все ждали папу, а без толку.
Ах, как обидно, что они
не получили в праздник елку...»

От мыслей голова трещала,
гудела, словно перепил.
«Куда идешь?» — вдруг голос вялый
его раздумья перебил.

И пред табунщиком возник
вчерашний конюх на дороге.
Широко растопырив ноги,
едва держался он на них.

«Сегодня Новый год — не мешкай,
ведь у тебя родился сын», —
и конюх подмигнул с усмешкой
табунщику на магазин.

С презреньем обойдя пьянчугу,
пошел он к Хуураку домой.
Поздравив с Новым годом друга,
сказал: «В долгу я пред тобой.

Копытом возьму копыто —
стдам я своего коня...»
А Хуурак, посмотрев сердито,
сказал: «Не обижай меня».

Потом, поставив угощенье,
спросил: «Ну, что повесил нос?

Не думай зря о возмещенье —
колхоз урона не понес...»

Домой табунщик ехал снова —
кружились мысли, снег кружил.
А в голове сверкало слово,
как солнце сквозь пургу, — Кижил¹.

ПОСВЯЩЕНИЕ-ЭПИЛОГ

Гимн человеку

Нет,
человек — не пень,
который червь лишь точит,
не стела он в степи,
что лишь насест
для птиц:
он сам —
людской истории
первопроходчик,
он сам —
вершитель дел,
пред ним склоненных ниц.
И все же есть
среди людей
такие лица,
что проживут,
любви и дружбы
не ценя, —
они
среди бела дня
сумеют заблудиться
и
сгинут,
своего не оседлав коня.
Кто сердцем
одинок —
слабеет год от года, —
так мудрость
говорит
тувинцев-стариков, —
кто сердце сохранит
в одном узле
с народом,

¹ Кижил — человек.

тот будет
в песнях жить
еще века веков.
Я славлю
свой народ,
что, против зла воюя,
готов
и жизнь отдать,
чтоб жизнь спасти другим.
Тому,
кто любит люд,
гимн золотой
пою я,
тому, кто любит труд —
серебряный мой гимн.

КРЫЛЬЯ

ЛЕТЧИКУ-ТУВИНЦУ

А. ЕНЗАКУ

Широко крылья распростер
мой самолет над цепью гор.
Такой полет мне по плечу.
Как птица, гордо я лечу.

Хлеба созрели на полях,
колышутся в степных краях.
Вид городов, поселков люб.
Я вижу дым из многих труб.

За то, что мир у нас в Стране,
готов трудиться я втройне,
в любую даль слетать могу,
хоть завтра — в тундру и в тайгу.

Надежны крылья у Страны;
ветра и дождь им не страшны.
Среди заоблачных высот
веду спокойно самолет.

Внизу плывут, лаская взор,
вершины золотистых гор.
У пассажиров мирный вид:
читает кто-то,
кто-то спит.

Все страны знают, что у нас
войне нет места ни на час,
что наши крылья не войне,
народу служат и Стране.

Советских летчиков семья, —
и дочери и сыновья, —
взлетаем дружно.   День за днем
высоты новые берем!

МОЯ РОССИЯ

О, как прекрасна ты, Советская Россия!
В горниле Октября была ты рождена.
Тебе — твой верный сын — пою от всей души я:
«На зависть странам всем, такая ты — одна!

И нет другой нигде!.. Тобою мир упрочен.
И жизнь бурлит в тебе, как светлый водопад,
и счастливы у нас колхозник и рабочий,
как звезды, города во тьме ночной горят.

Есть и хлеба у нас, и табуны степные,
есть в недрах золото и ртуть, и серебро,
есть и зверье, и дичь, и рыб стада речные —
и это все теперь — народное добро!

Пусть солнце вечное над Родиной восходит.
Мы равноправны все. Целебен воздух твой.
Мы рады тишине, богатству и свободе.
Я счастлив, что навек сроднились мы с Москвой!

РАБОТА

«Твоя задача пожизненна—не на день, а на век»
(Ю. Марцинкявичюс «С:ена»).

Выбирай, человек, по душе работу!
Выбирай, чтобы с нею всю жизнь дружить:
не жалеть никогда пролитого пота,
не искать от себя спасенья во лжи.

Выбирай, человек! Не ищи, что легче:
нет на свете, запомни, легких работ —
можно делать любую, только увлекшись,
к каждой надобен свой, особый подход.

Есть работы, где мало мускульной силы:
не справишься, будь ты слона сильнее —
у людей поучись, да скажи спасибо
тем, кто навык добавил к силе твоей.

Есть еще — на секретный замок закрыты:
к ним и ловкость — не ключ, и сила слаба...
К ним решенье в науке тогда ищи ты,
пусть от формул закружится голова.

Все работы значительны и почетны,
а постыдных и грязных — запомни — нет!
Открывает все двери ключ золоченый
трудовых откровений, мирных побед.

Лишь ленивому дверь не открыть вовеки,
даже если на ней не видать замка:
трудолюбие — главное в человеке,
и любая работа им велика.

Выбирай, человек, по душе работу!
Выбирай, чтобы с нею всю жизнь дружить.
Все упорство,
всю твердость и всю заботу —
всю душевную силу в нее вложи.

ВО ВЬЕТНАМЕ СЕЙЧАС...

Во Вьетнаме сейчас
нет снегов, как у нас,
и по рекам не ходит шуга.
Не метельной игрой,
а тяжелой жарой
начинается день Шагаа.

Не морозы трещат.
Тут трещит автомат
да сверкают штыки, словно лед.
Руки янки-солдат
от озноба дрожат —
и в жару их, как в холод, трясет.

Миллионы бойцов
поливают свинцом
этих диких заморских свиней,
что на черных судах
притащились сюда
за позорную смертью своей.

Непокорный Вьетнам,
духом близок ты нам.
И я верю — тебя не согнут.
Над тобою, Ханой,
и над всею страной
скоро вспыхнет Победы салют.

---

*Алдын-оол
ДАРЖАА*

ВОСХОД СОЛНЦА

Цветы окрасив первородным цветом,
встав радугою в сердце у меня,
сияет солнце благородным светом,
как самородок с голову коня!

Дрожащие испуганные тени,
что черной грудью на землю легли,
как стаи сов, от солнца улетели,
как злые волки, в чащу забрели.

Я в гору шел тропинкою крутою
и увидал, взбежав наверх едва,
как скачет солнце с гривой золотою,
похожее на огненного льва!

Азартно —
но не как стрелок наивный,
бегущий за косулей по тайге, —
а как охотник, на тропе звериной
укрывшийся в надежном тайнике;

умело —
но не как кузнец, с натугой
долбящий тяжким молотом металл, —
как мастер, для кого комок упругий
податливей бумаги тонкой стал,

украшу я венком из всех растений,
как девушку любимую, Туву!
Не допущу, чтоб с черной грудью тени
ползли по той земле, где я живу!

Как старшая сестра меньшого брата,
Россия нежно любит мой народ,

и широко и вольно песнь арата
над родиной свободною плывет!..

Цветы окрасив первородным цветом,
встав радугою в сердце у меня,
сняет солнце благородным светом,
как самородок с голову коня!

Везде горят устойчивые краски
в степной дали — как на шелках цветных.
Наверно, сочинитель мудрой сказки
своим воображеньем создал их!

Омыл лицо я чистою водою
и после, выгнув ковшиком ладонь,
поднес ее к губам,
и надо мною
поднялось солнце на дыбы, как конь!

Пусть огненный скакун вперед несется
и победит в борьбе с ночною мглой!
Пусть знамя Октября, как это солнце,
лучи расплещет надо всей Землей!

Как праздничную, редкостную чашу,
сверканьем скал, улыбками людей,
судьбу земли любимой я украшу—
живи, Тува, цветы и молодежь!

Вооруженный ленинскою мыслью —
от будущего сказочным ключом,—
стою я под безоблачною высью,
любуюсь алым скачущим конем.

Поднялось солнце, ярко даль раскрасив,
и в мире, и в душе моей — светло!
Поднялось солнце, как добро, как радость,
как счастье краснокрылое само!

ВОССЛАВЛЕНИЕ ДЕВУШКИ

Будь легка, как летний ветерок,
будь, как песня нежная, легка,—
острые концы твоих сапог
не сломают в поле стебелька.

И, когда скользишь ты, как стрела,
никому тебя с пути не сбить.
В сердце хватит у тебя тепла
лед на горных пиках растопить!

Пальцами, как веточками ив,
друга гладишь ты по волосам.
Чай густой зеленый заварив,
ты подносишь сладости гостям.

Пусть лишь удальца из удальцов
удостоишь ты своей любви.
И повторишь лучшие из слов:
«Милый мой» и «деточки мои»...

Шаг под старость станет тяжелей —
сохрани девическую стать,
чтоб остаться в памяти людей
стройной —
тонкой сосенке под стать.

Пусть тебе все люди, как один,
дарят уваженье и добро.
Пусть твоих торжественных седин
не коснется черное крыло!

Знаю — над могилою твоей
не простая вырастет трава:
в знак любви и гордости
над ней
лучшие цветы взметнет Тува!

Пусть сюда приходят в добрый год
слезы благодарные пролить.
Пусть сюда приходят в час невзгод
памятью
печали утолить.

Станешь ты, когда придет твой срок,
матерью, женою — а пока

будь легка, как летний ветерок,
будь, как песня нежная, легка,
дочь Тувы!..

ВОССЛАВЛЕНИЕ ЮНОШИ

Быстрый парень, резкими прыжками
землю заставляющий гудеть,
не сорвись ни в водопад, ни в пламя!
Расшалился — боязно глядеть...

Ты шутя швыряешься камнями,
с добрую овцу величиной,
с дикими справляешься конями
и с орлиной дружишь вышиной.

Рвись вперед!
Дороге потруднее
сразу предпочтение отдай.
Чтобы мышцы сделались сильнее,
много раз борись и побеждай!

Пусть тому, как держишься в седле ты,
подражают смелые юнцы!
Пусть твои веселые ответы
повторяют деды и отцы!

Сын Тувы!
Дитя орлиных высей
и просторных солнечных степей,
благородство дум твоих и мыслей —
вот начало гордости моей!

Пусть твой путь родную степь украсит,
как цветной узор на ней лежит.
Пусть из молодого сердца радость
льется, как хомей или сыгыт.

ЗНАМЯ

Когда я знамя несу в руках,
светло и прямо гляжу вперед,
мне в это время неведом страх —
готов погибнуть за свой народ.
Учили с юности нас отцы:
«Где наше знамя — там правда есть,
под ним сражайтесь вы, как бойцы,
не уроните знамени честь».
Отца товарищ, седой солдат,
в те годы, помню, у нас гостил —
он знамя с кровью сравнил тогда,
чтоб высоко мне его нести.
И мы, заветы отцов храня,
славе знаменной верны во всем:
ни в чем, ни разу не уроня,
мы знамя это вперед несем.
Несем в колоннах в дни торжества,
несем — сквозь пули, на смертный бой,
несем — чтоб строить, пахать, ковать —
и в сердце тоже несем с собой.
Люблю багряное полотно,
где Серп и Молот моей страны,
где труд и подвиг слились в одно,
единой славой осенены.

САЯНЫ

Опорой крепкою земли
Саяны славятся издревле и доньне.
Со всех вершин ручьи текли
и слились вместе все они в долине.
Так Улуг-Хем родился мой.
Рекою жизни стал он для народа.
Пусть молнии, и гром, и зной,—
Саянам не страшна лихая непогода.

ГЕРОИ ЖИВУТ

(БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ)

1.

Есть памятник в саду, над Енисеем,
тревожным
вешним ветром он овеян.
Чем дальше
в глубь веков
года тревожные,
тем больше мы венков
несем к подножию.
Стоим пред ним безмолвно —
и гранит
суровое молчание хранит.
Спокойным сном под этим камнем спят
крестьянин русский

и бедняк-арат...
О том,
о чем молчит холодный камень,
взволнованно живые говорят...
Живых героев встретить здесь я рад.
Легенда!
Стать стихов моих строками!

2.

Пристально,
пристально чересчур
смотрит на памятник старый Очур.
В крупных морщинах широкий лоб,
сильный, большой и высокоплечий,
в мужественной и короткой речи
он избегает красивых слов.
Стиснул кулак,
как медведь колоду.
Кожа его темна, как кора.
Грудь — словно полная аптара¹,
заключены в ней грозы, ветра
революционного года!
У ног старика шумит Енисей,
полные воды на север несет —
слава героев далеких дней
новою песней теперь встает!

3.

«Цветы не растут сами,
без солнца и без воды.
Враги не уйдут сами,
без воя и без грызни.
Мы шли через реки крови —
собственной крови реки,
историю новую строили —
на совесть строили,
крепко.
Большая эта история
стала жизнью моей,
а жизнь началась
в девятнадцатом,
с боевых
партизанских дней...

---

¹ *Аптара* — тувинский национальный сундук, обычно расписанный орнаментом. (Примечание переводчика).

Ненависть к богатеям
тогда достигла предела...
Лето уже уходило,
рано листва желтела...
Мы с белыми воевали,
день и ночь воевали,
а в поле хлеба созревали,
и ночи длинными стали...
Тяжко думать о хлебе —
врага разбить поскорей бы!
На горном ветру, как знамя,
костра развевалась пламя...
Усталых коней расседлали,
немного овса им дали,
в ущелье, на тихом стане,
оставили на аркане.
Стоят часовые — двое —
готовы к любому бою.
Как боевое знамя,
развевается пламя.
О битвах грядущих думая,
мирно варим еду мы:
кипит на треноге чаша,
хува¹ наготове наша,
чай пили, далган² жевали,
усталые, засыпали...
Одни у костра сидели,
чинили себе шинели,
простреленные и рваные,
еще бинтовали раны,
винтовочки прочищали,
о завтрашнем дне гадали...
А кони фыркали рядом!
— «Мы здесь, седлай, если надо!»
И я у костра лежал,
винтовку в руках держал,
охотничий нож за пояс засунул —
пригрелся
и незаметно заснул...

4.

Я спал, и снилось: вяжу снопы,
над полем висит золотая пыль...

---

¹ *Хува* — деревянные или глиняные чашки — пиалы.

² *Далган* — мучная болтушка, когда на сметане, масле или молоке, когда просто на чае. (Примечания переводчика).

Вдруг кто-то
хлопнул меня по плечу
и крикнул:
— «Скорей к командиру, Очур!»
И тотчас я встал,
и винтовку взял,
к костру командира я побежал.
Гляжу:
командир и начальник штаба
и верный мой друг —
белозубый Иван —
склонились над длинной пестрой бумагой,
какой-то большой обсуждают план.
Иван переводит:
я должен ехать,
сколько солдат у врага, разведать,
и Чамзырын поедет со мной —
он знает тайгу,
как аал родной.

5.

Мы из ущелья тропинкой вышли.
Кони ступали тихо, неслышно.
С трудом одолели сыпучий песок,
в зеленый вошли молодой лесок,
потом прорвались сквозь черную чашу,
как камень, с высокой горы летящий,
в долину врезались...
Едем шагом.
Тропа
по холмам бежит,
по оврагам,
галька белет среди тополей,
дорога ставовится все длинней...
Очень торопимся:
скоро рассвет,
надо еще обратно успеть.
Спичка вспыхнула впереди.
Мы затаились,
стоим,
глядим:
наш Чамзырын соскользнул с коня,
к белым пополз по траве,
как змея.
Чуть не вскрикнул я сгоряча.

К Ивану.
Дотронулся до плеча —
а он говорит:
— «Не волнуйся. Вернется.
Знает дорогу —
скорей доберется».
Ждем мы товарища.
Вот и рассвет —
а Чамзырына все нет как нет!
Зашелестела трава за спиной —
— Друг! В окружении мы с тобой!..
— Иван, уходи!— я другу кричу, —
один от врагов отобьется Очур!
Стреляю —
да где одному отбиться...
Схватили меня,
как хищная птица
хватает беспомощного птенца,
и — волоком—тащат, как мертвеца...
Избили так,
что душа в слезах,
что молнии вспыхивают в глазах,
как будто искры вокруг летят,
суставы,
как сучья в костре,
хрустят.
Руки и ноги связал аркан,
тащусь,
словно зверь,
попавший в капкан!
Дождь моет мне раны,
и грязь от копыт
в лицо, в глаза и в рот мне летит,
и мелкие камешки в сердце стучат,
и кони чужие в плен меня мчат...
И все померкло...

6.

А когда опять
я смог открыть глаза
и голову поднять —
увидел я зубастый, хищный рот,
по красному лицу струился жирный пот,
брезгливой миной лицо искажено:
— «А, красный пес, ты жив!

Подохнешь все равно!»
Наганом он махал,
и шашкою махал,
и зубы хищные он скалил, как шакал.
Шакалами вокруг мелькали беляки —
и сердце дрогнуло от боли и тоски.
— Эх, где же ты, Иван, веселый мой дружок!
И снова шагаай¹ лицо мое ожег:
— «Проклятый, говори!
Покажем, как молчать!..»
Эх, руки!..
Для борьбы дала мне руки мать,
а их я дал связать,
не смог я отстоять —
душою рвался в бой —
и, связанный, стоял!
Как били!..
по лицу,
и по спине — опять,
как будто только им и дел —
меня терзать,
холодной водой от смерти отливать,
и снова избивать,
и — в ключья разрывать...
Вдруг вижу:
Чамзырын
тут свой:
халат на нем,
он служит им, как пес —
вот-вот вильнет хвостом...
Хозяева ему теперь мои враги!
Он продал нашу жизнь за чашку араки!²
— «А, красный пес, ты жив!..»
— Да, трус, я буду жить!
Бессмертны мы — тебе
вовек нас не убить!
...Китайские слова бормочет Чамзырын,
чанчыну кланяясь.
Потом:
«Поговорим,—
он лживо шепчет мне,—
разбит ваш красный стан...
Ты будешь жить, как я,
скажи им все, болван!»

¹ *Шагаай* — широкий кожаный ремень, орудие пытки в старой Туве.

² *Арака* — самогон из молока.

Тут плюнул я в лицо «приятелю»— врагу:
— Тебе, лукавый волк, я верить не могу!
Обманом не возьмешь
и пыткой не согнешь.
Я солнце увидал,
я правдой жить хочу,
я верен остаюсь
родному Ильичу!
И с места враг вскочил,
и, задрожав, опять
наганом ткнул меня
и крикнул:
— Расстрелять!

7.

Темно было до рассвета —
темно, хоть выколи глаз.
Но вот над теменью этой,
как кровь, заря занялась.
Заря впереди красная,
штыки врагов позади —
ведут
и смеются радостно,
как будто ведут не убить —
родить!..
Руки, веревкой окрученные,
немеют уже за спиной,
кровь из тела измученного
бежит горячей струей —
заря впереди горячая,
горячая кровь подо мной...
А за спиной — убийцы
тувинских богатырей...
Но мне ли, скажи, не гордиться,
Самбажык, славой твоей,
но мне ли, скажи, надеяться
на силы земли моей?
Пнул я белого в печень —
богатырский удар!
Сам богатырь Самбажык
силу мне передал.
Камнем свалился убитый,
но не один был враг —
другие меня схватили,
поволокли в овраг.

Холодом смерть подула...
Вижу черные дула...
К смерти лицом стою,
смерти в лицо пою:
— Русским аратом, русским рабочим
нам указан путь избавленья.
Кончилось царство мрака и почти —
свет Октябрьский дал миру Ленин!
Выстрелы загревели,
все застилает дым —
вправду ль,
в предсмертном сне ли —
вижу себя живым!
Поднял меня Иван,
братски поцеловал...

8.

Последние пули песни пропели,
бои последние отгремели,
пока меня крестьянский обоз
в деревню русскую вез.
И вот я очнулся в избе бревенчатой,
рядом сидит молодая женщина,
бедно одета,
душой богата...
Понял я:
это Ивана хата,
это Иван и жена его Валя
меня от смерти отвоевали.
Встал я
и дверь распахнул впервые —
хлынули солнца лучи золотые,
золота
полный подол набрал я,
солнцу и жизни —
здравствуй! —
сказал я.
Глянул —
вокруг поля и луга,
глянул —
цветами богата земля,
глянул —
хлеба в полях созревают,
тянется вдаль дорога прямая.

Я по дороге этой пошел,
братьев своих по борьбе нашел:
только вчера вернулись с войны —
нынче — трудом горды и сильны!
Крепко тогда я почувствовал снова,
как справедливо Ленина слово.
Последние пули песни пропели,
только не все бои отгремели;
за нашу свободу товарищи пали —
навек живыми герои стали:
живут они в смелых делах народа,
живут в торжестве идей ленинизма,
живут в нашей памяти
долгие годы
и будут живыми
в века Коммунизма!»

9.

Старик замолчал.
Глубоко вздохнула
грудь его —
полная аптара...
В сердца его внуков в этот миг заглянула
далеких боев крутая пора.
А рядом,
у ног,
шумит Енисей,
полные воды на север несет —
слава над ним гранитом встает,
песня разносится все звучней.

Салим
СЮРЮН-ООЛ

СИНИЕ ГОРЫ

Рожден я среди синих гор.
где был В горах я рос,
на диво молчалив
любой отрог.
Мальчишкой сарлыков я пас
и горных коз,—
здесь, между скал,
я подрастал,
что козерог.
Я на вершинах побывал,
где тишина
крепка, незыблема,
пока обвалы спят.
Мне, как маралу,
даль была с высот видна;
мой голос
песню сердца пел.
Блестел мой взгляд.
Отроги строги и тихи
здесь лишь на вид.
Когда ты громко запоешь — гора поет
и, песню эхом повторив,
гудит, звенит
и настроение твоё
передает.
И если весел ты душой,
то и гора,
как ты, бодра и весела,
а если взор
твой полон грустью и тоской,—
твоя хандра
отражена, повторена
грядую гор...

Для самых лучших песен я
здесь взял слова.
Здесь научился побеждать
тоску и страх.
Стеною гор
окружена
моя Тува,
среди скал
мой голос прозвучал,
окреп в горах!

СТРОКИ ИЗ ПИСЬМА

Аржану Адарову

...Аржан, мы ездили вдвоем,
Алтай объехали с тобой.
Ты песни пел в краю своем,
кричали все: «Еще раз спой!»

На диво песни хороши!
Я вновь и вновь их слушать рад.
Скажу — спасибо — от души,
как друг-поэт, как твой собрат.

Твоя земля мне дорога,
и так любовь к ней велика,
что льется через берега,
как в половодье река!

НА АЛТАЕ

Я на Алтае гостем был.
Алтай мне мил.
До солнца здесь рукой подать
от гнезд орлов.

Я здесь бродил,
по рекам плыл,
в дома входил,
где каждый гостю жизнь отдать
готов без слов.

На голову я выше стал
среди здешних скал,
запомняя все навек,
глядел вокруг.

Узнал Алтай ---
суровый край,
прекрасный край,
где человеку человек ---
надежный друг!

ПОЙ, ЦЭСЭГСУРЭН!

Прекрасна ты, Цэсэгсурэн!
Ты, как бутон цветка весной!
Ты забираешь сердце в плен
не красотой своей одной.

Твой голосок, Цэсэгсурэн,
ни с чем на свете не сравним!
Ты забираешь сердце в плен
чудесным голосом твоим.

Пой, громче пой, Цэсэгсурэн,
напев твой эхом повторен.
Навек тобой, Цэсэгсурэн,
тувинский парень покорен.

ГДЕ ТЫ?

Я жду давно, ой, как я жду
свиданья с девушкой одной.
Пока ее я не найду —
глаз не сомкну порою ночной.

Красавиц много молодых,
стройна любая и крепка.
Но сердце прочь бежит от них.
Ой, где же ты, что мне нужна?

Один ответ: «Твоей здесь нет!»
И днем и ночью слышу я...
Не верит сердце в тот ответ.
Ты рядом, здесь, мечта моя!

Но где же ты, скажи
скорей словами: «Это — я».
Тронь струны чуткие души,
моя судьба, мечта моя.

КОРЕНЬ

Когда природа пробуждалась,—
весною в солнечный апрель,—
и с крыш, как жемчуг, осыпалась
на землю звонкая капель,—

кружил деревья, озоруя,
лихой симбирский ветерок,
с березок, встретив на юру их,
пуховый сбрасывал платок,—

родился мальчик в час рассвета
в семье Ульяновых.

Тогда
кто мог сказать, что вся планета
когда-то станет им горда?

В коне увидишь иноходца.
Но как в ребенке угадать
того, кто будет светом солнца?
Кому судьба великим стать?

Среди грядущих поколений
он будет жить, как в наших днях.
Ведь наша сила в слове ЛЕНИН!
Как сила дерева в корнях.

МОЕ БОГАТСТВО

Как много я ношу в душе своей сокровищ!
А раньше я ведь их совсем не замечал.
Они в часы невзгод приходят мне на помощь.
То дар моей судьбы, начало всех начал.

Сто девушек во мне звенят на чадагане¹.
Сто юношей во мне дудят в свои лимби².
И сердце повторять те звуки не устанет.
Оно теперь полно отваги и любви.

И радуги во мне горят, как самоцветы.
И яркие сады в цветении весны.
Влюбленные идут встречать свои рассветы.
Детишки мирно спят и тихо видят сны.

Да, сердцу моему близки все песни жизни,
и все ее дела: от малых до больших.
В нем вечная любовь и преданность Отчизне.
И понял я теперь, в чем суть моей души!

* * *

Я долго до любви Саянами скакал.
И вот уж позади десятый перевал.
И, обессилев, я воскликнул: «Дай ответ,
на свете есть любовь? Иль, может, вовсе нет?»
— Отвечу,—слышу я.— Меня увидишь ты
в лугах, где расцвели весенние цветы.
Я бросился в луга, я у цветов спросил:
— Где прячется любовь? Устал я, нету сил!
Цветы мне говорят: «Да, здесь она была.
В долину между гор красавица ушла».
Я в горы поскакал, спросил у родника:
— Скажи мне, где любовь? Близка иль далека?
И голос прожурчал, самой любви под стать:
— Ты слишком медлил, друг, она устала ждать.
Я женщине сказал: «К любви мне нет пути!»
Ответила она: «С любовью не шути!»
В погоне мчался я и сотый перевал
уже преодолел. И сердцу я сказал:
— А где сегодня та, что звал своей судьбой?
Мне сердце говорит: «Она была с тобой!»
Я кинулся назад — и в прошлое лечу.
Неужто до любви вовек не доскачу?

---

¹ ² *Чадаган, лимби* — национальные музыкальные инструменты.

* * *

Вчера в тени густого парка
весь вечер я тебя искал.
А сердце то пылало жарко,
то словно падало со скал.
Взглянул на облачное небо,
задумал: если вот сейчас
сверкнет гроза, то где б я ни был,
а щедрый дождь прихватит враз.
И верно! Ливень вдруг полился ---
и сразу в лужах вся земля.
Я под черемухой укрылся.
И только тут увидел я
скамеечку, где ты шептала
вчера заветные слова.
И так на сердце славно стало,
и прояснилась голова.
И понял я, что снова встречу
тебя в черемухе, в саду...
В какой-нибудь счастливый вечер
я все равно тебя найду!

* * *

Под светом северной звезды
несется дальний звон узды.
Табущик едет на коне.
Блестят поводья при луне.
Поет табущик. Песни звук
заворожил леса и луг.
И нежно эхо из-за гор
той песне тихий шлет повтор.
Не видел я того, кто пел,
но знаю: он удал и смел.
И в звуках песни узнаю
Туву любимую мою!

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Студентам Якутии

Молодость вихрем ко мне приближается:
пляшут девочки в мехах,
пляшут парнишки в праздничных малицах.
И украшенья на них озаряются
всполохом Севера.
Так начинается
танец народа саха.¹

Вожжи в руках, словно молнии росчерк,
и колокольчики громко гремят.
Машут олени рогами, как рощей,
и быстроходные санки летят.
Только слышны восклицания: «Хак!»
Ветер и тот не догонит никак.

Будто, шипя, океанские волны
к небу взлетают до сумрачных туч.
Будто бы льдины шумны, своевольны.
с грохотом рвутся и падают с круч.
Будто швыряя волну за волной,
атомный «Ленин» идет предо мной.

Словно алмазы, снега заблестели.
Реки Алдан и Вилюй там текут.
Вижу: за соболем черным в метели
мчится на лыжах охотник-якут.
Вижу: снежинки летят ему вслед.
В них отражается солнечный свет.

Парни и девушки все удаляются.
Шалки на них островерхи, как чумь.

---

¹ *Саха* — самоназвание якутов.

Северным ярким сияньем останутся
в сердце о них мои песни и думы.
И не забуду об этой минуте я.
Так я воспринял твой танец, Якутия!

ХОЗЯИН ЗЕМЛИ

Мой Ак-Баштыг¹, — ты как звезда
пятиконечная, горишь.
Чернеют скалы среди льда
до самых поднебесных крыш.

Снежинки гонит с круч твоих
пурга, беснуясь по хребтам.
И все ж чабан, под снежный вихрь,
хранит овец артельных там.

Застряла туч клочкастых шерсть
в твоих ущельях, Ак-Баштыг.
Но самолеты — их не счесть! —
рокочут выше гор седых.

И скалы, и земля гремят, —
геологи взрывают их.
Художники уселись в ряд
с полотнами у ног твоих.

«Есть у земли хозяин — Дух!» —
так думали тувинцы век.
Но предрассудков мрак потух:
земли хозяин — Человек!

ЗНАКОМЫЙ

(Б А Л Л А Д А)

Дно закоптелой чаши лижет
счаг наш языком огня.
Огонь бросает отсвет рыжий
на стенки юрты,
на меня.

---

¹ Ак-Баштыг — Белоголовая гора.

За ярочками босоногий
я днем бродил... невмоготу...
Ступни потрескались — и ноги
хойтпаком¹ мажу,
весь в поту.

Вот дверь открылась с легким шумом.
Два статных входят паренька.
У каждого ружье...
Угрюмо
смотрю на них, косясь слегка.

Рыжеголовый, синеглазый
тут что-то спутнику сказал.
А тот, на нас похожий, сразу
доверчиво поднял глаза.

— «Эки-и!»² — с акцентом, по-тувински
приветных слов рассыпал горсть.
Отец ему —
с гостеприимством:
«Сядь в красный угол, добрый гость!»

— Старик! Вот друг мой — Анатолий,
он — русский. Ну, а я — хакас.
Чичинин Коля...
Поневоле
мы очутились здесь у вас.
К вам есть нужда...

А я с опаской
подумал: «Что, мол, за народ?
И с ружьями!.. Хоть каждый ласков,
а все же оторопь берет...»

Попятился..
— Эки-и, мальчишка!..
Чего ж ты испугался нас?..
Ты что-то, брат, трусливый слишком!—
И развязал мешок хакас:

— Я — человек с ружьем. Но все же
бояться нас не надо, друг.

---

¹ Хойтпак — кислое молоко.

² Экии! — здорово, здравствуй!

Возьми сухарь... давай погложем!..—
и поманил он пальцем вдруг.

Нам сухари они раздали —
хрустят во рту у едока,
в Туве их сроду не едали.
Мы стали пробовать слегка.

У матери с отцом ведь зубы
жевать лишь мягкое могли.
Но чтоб не быть с гостями грубым,
отец склонился до земли.

И мать с отцом гостям сказали:
— Съедобно, что ни говори!..
А сами грызть смогли едва ли,—
не по зубам им сухари...

Хлеб люди всюду уважают.
Не зря святым был назван хлеб.
Народы рады урожаю...
Но был тогда тувинец слеп.

Узнал впервой я запах хлеба
и цвет его, и хруст, и вкус,—
и в жизни лучшего не требуй,
чем этот сытный хлеба кус!

Отец порасспросил умело:
— Откуда, граждане, вы к нам,
куда ваш путь? И что за дело
вас гонит нынче по ночам?

— Отец! Мы лес рубили в чаще.
А там воды ни капли нет.
Воды б нам ключевой, журчащей!
И мы б — домой! Вот весь ответ...

— Ночь темная. Не заблудиться б..
Не заночуете ль у нас?
А завтра утром и водица
вам будет, даже про запас.

— Ночь не страшна. Ведь мы — солдаты!—
мигнул чернявый паренек.
И вынул он продолговатый
гредмет, похожий на бинокль.

Нажал на кнопку с хитрой речью.
Свет брызнул. Открываем дверь —
кошару видим мы овечью.
Светло, как днем, хоть верь не верь.

Сказал хакас дружку по-русски:
— Ну, нам пора. Пора домой!..
Отец! Спасибо за закуски.
И до свиданья... Да, постой!..

Ведь здешние места — граница.
Как знать, шпионы забредут —
проведайте: мол, что за птица?—
И мигом к нам!.. Мы рядом тут...

Живем поблизости, на страже.
К нам приезжай, как друг, туда —
за хлебом... мы тебя уважим...
Дашь детям хлеб... Ну, где вода?..

— Спасибо! Сыты. Мы ведь дома,—
отец с улыбкой им сказал,—
а вы в сторонке незнакомой,
не в здешнем крае ваш аал!..

И, несмотря на их отказы,
овечью ногу в их мешок
вложил..
Собрался с ними сразу,
к заставе путь найти помог.

— Вы, как сыны мои, ребятки!..
Как русского-то звать? Забыл...
Ах, Анатолий!.. тоже хваткий...—
Сынки! Счастливой вам судьбы...

Ну, а хакас в ответ: «Где птица,
отец, по свету не летит —
солдат там должен находиться,—
так долг и Родина велит!..»

— Как разговорчив наш знакомец!
Ну что за парень Чичиней? —
И молодец, и с виду скромн...—
рассказывал родитель мне.—

Таким ты будь, сынишка, тоже!..
И в самом деле, с этих пор,
хочу на них я быть похожим.
Мне памятен их разговор...

Прошли года. Окончив курсы,
я в город прибыл Шагонар —
там крепок чай, душистый, вкусный...
На улицах и млад, и стар.

И вдруг заметил я афишу:
«Прочтет Чичинин Николай
здесь лекцию...»
Э! Что я вижу,—
не он ли приезжал в наш край!..

Так и случилось, как я думал...
Вот он — знакомый мой хакас!—
С трибуны — статный, не угрюмый —
читает лекцию для нас.

И чернь волос его блестела
при электрическом огне,
глаза сверкали то и дело...
Он молодым казался мне.

Его слова я, как поэму,
впивал в себя, раскрывши рот:
про чабанов, что к Улуг-Хему
стада ведут,
про наш народ,
про то, что труд — всему основа,
и про стремление к мирным дням...
Так повстречал его я снова.—
Но вряд ли он узнал меня!..

И оказалось, что Чичинин,
который так умен, речист,
в райкоме партии отныне...—
Большой дарга
и коммунист!

НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Привет от сердца Енисей
шлет берегам Невы-реки.
Стою взволнованный над ней,
с поклоном говорю: «Эки!»

Балтийский свежий ветерок
ерошит волосы слегка,
рокочут волны возле ног,
о берега стучит река...

Как мне волненья превозмочь?
«Авроры» вижу силуэт.
Здесь в октябре, в глухую ночь,
зажглась заря грядущих лет.

Нева! Ты на земле одна
и нет другой реки такой!
Гордится чайка, что она
парит над этою рекой!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Легкий дождик отзвенел,
лес листвой зазеленел.
Листья радуют наш взгляд,
все умылись, все блестят.

Отражен родной простор
в сотнях ярких луж — «озер».
Украшая небосвод,
шелком радуга цветет.

ГОРЫ

Зовется горною страной
моя Тува. Здесь много гор,
таких, что даже в летний зной
не снимут снежный свой убор.

Под белой шапкою надет
на каждой дорогой наряд:
густых лесов зеленый цвет
волнует мысль, ласкает взгляд.

Богаты птицей и зверьем,
повсюду славятся Танды.
Мы их священными зовем
и красотой их горды!

ПОТОК

Поток, откуда мчишься ты?
Откуда ты берешь разбег?
То ль с ближних мест, то ль с высоты,
где никогда не тает снег?

И днем, и ночью ты поешь.
Не умолкает волн трезвон.
Ты мчаться в даль не устаешь!
Ты — словно вольный конь, силен!

Накину на тебя узду,
чтоб ты служил родным полям, —
рукою твердой приведу
к томимым жаждою стеблям.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Клубятся листья, словно дым,
и вот уже лежат внизу.
Ковром покрыта золотым
поляна каждая в лесу.

Под невысоким тополком
беляк-зайчишка видит сны...
В потоке свежем, ключевом
плывут «кобыльи табуны».

СИЛА ДРУЖБЫ

Как много едет к нам молоденьких девчат!

Их песни озорно и весело звучат.

— Далек иль близок путь? — попробуй, их спроси.

Ответ: «На комбинат. Мы все в Хову-Аксы».

С башкирских дальних сел, с хакасских, из Тувы.

Смеются нам в глаза. «Наверно, парни, вы

на шутки мастера, да языки чесать,

а кто в работе нам по ловкости под стать?»

Вот так и зашумят. И даже лес вокруг

кивает головой, как самый лучший друг.

Не силой ли друзей на стройке, погляди,

подняли краны ввысь железные носы?..

Да, многие века хранила ты в груди

прекрасный редкий дар, земля Хову-Аксы!

---

*Владимир
СЕРЕН-ООЛ*

АГАЛЬМАТОЛИТ

I.

Здесь
изваяний нет следа
с людским лицом
и телом льва...
Не создавала никогда
ты сфинксов —
о, моя Тува.
Но древних памятников ряд
оставил миру
мой народ:
о многом
стелы говорят,
нацеленные в небосвод.
У предков письменность была:
безмолвно говорит порой
нероглифами
скала,
что под скалой
зарыт герой.
Чтит камни
горная страна,—
нам прародитель
завещал
(о том оставив
письмена),
чтоб человек
их освящал.
По знакам
на уступах скал
здесь даже золото
народ
искал,
среди простых пород...
Здесь

камнем, тесанным
давно,
мой предок растирал зерно,
огонь из камня
высекал,
в огне лепешки
выпекал.

II.

Горит костер,
а над костром
клокочет суп
в котле простом.
Струится
над камнями пар,
таится
в сердце камня — жар.
Но кем в тайге
костер зажжен?
По виду
не охотник он.
На серо-желтый камень
взор его
упрямо устремлен.
Большая
крепкая скала,
старинная «Сарыг-Хая»,
его в таежные края
за чонар-дашем
привлекла.
Зачем арат
к скале пришел,
зачем в заплечный
свой мешок
он серо-желтый камень
клат,
узнал в короткий срок
аал.
Парил над трубкою дымок,
вверх,
покружившись, улетал...
Глаза искателя
ясны,
как утро светлое
весны.

Резец он медленно берет,
по камню
водит он резцом
и — перед всеми
предстает
конь
с пышной гривой и хвостом.
А рядом
и марал, и як,
и чудо-птица
на лету.
Едруг ожила
Сарыг-Хая
и дарит миру
красоту!
Нигде
в другом краю земли
такой
не встретишь красоты,—
на диком камне
расцвели
искусства
дивные цветы.

III.

От песни
ввысь душа летит,
от книги —
к жизни интерес,
славны перо
и карандаш.
А вдохновенный
камнерез
петь заставляет
чонар-даш.
Не богатырь,
не великан,
простым резцом
вооружен,
такой творит
рисунок он,
что словно песня
иль роман!..
В Сарыг-Хае
спокойно спит

недвижный
агальматолит.
Пришел художник,
полный сил,
и серый камень
окрылил.
О, чонар-даш,
познав металл,
ты книгой стал!
Ты — песней стал!

ВОСЬМИСТИШИЯ

Горы извилистый хребет
хлестнула молния кнутом
и, как лунатик, ей в ответ
забормотал спросонок гром.
Не стало тучи грозовой,
блестят родных Саян снега.
Над освеженною Тувой
сияет радуга-дуга.

* * *

Я в лес попал. Гляжу — толпа берез вокруг.
Сережки треплет ветерок. Чист небосвод.
И мнится — парни все ушли куда-то вдруг
и водят девушки одни здесь хоровод.
Красив черемухи наряд в лесной тиши.
Под пихтой отдохнуть я рад весной в тени...
Березы гордо говорят: «Мы хороши!»
И впрямь напоминают нам невест они.

* * *

Вернуться б в детство хоть на час.
верхом на палке поскакать.
Не надо мне ни игр, ни ласк,
лишь свежесть чувств узнать опять.
Вернуться б в юность хоть на час,
тебя, изменница, обнять.
Не надо мне любовных ласк,
лишь свежесть чувств узнать опять.

* * *

В письме ты пишешь: «Не грусти.
Весне-красавице будь рад.
На луг цветущий обрати
разлукой омраченный взгляд!»
Как я могу быть рад весне?
Краса весны, цветы лугов
тебя напоминают мне —
и вновь грущу, моя любовь!

Александр
ДАРЖАЙ

ГДЕ ТЫ, БРАТ!

Совесть мне не дает покоя:
человеком быть не достоин,
кто добром не воздал за добро...
Где ты, парень — ты, брат мой старший,
несмышленишу, жизнь мне спасший
в тот январский лютый мороз?
Я мечтал тебя встретить, вставши
на сплетенье дальних дорог —
как я вглядывался в кабины
пролетающих по ним машин!
Как шоферов, строгих мужчин,
о тебе, о брате любимом,
я спрашивал... Как назло,
я примет твоих сам не знаю —
лишь крутой и высокий лоб
с темным шрамом — припоминаю.
Десять лет промелькнуло — десять!
Вырос я... Растут мои дети...

* * *

Жил я в доме сестры — при школе.
Мать с отцом — в степи, далеко.
Знаешь степи за Чаа-Холем?
Затеряться в них так легко!
Я соскучился. В темный вечер
тихо выскользнул из сеней...
Только ветер и снег навстречу,
только ночь — темней да темней...
Оглянулся: в пурге мелькает
зеленеющий огонек...
Словно волк меня настигает!
Я — по снегу, в степь, со всех ног!
Кто меня защитит от зверя
в этой черной пустой степи?

— Мама, мама! — кричу, затерянный,
а пурга мне глаза слепит...
Нет, не волчьим голодным воем —
вздрыгнул я, оглушен гудком...
И — пустился быстрее вдвое,
непонятым страхом влеком:
вот догонит, сомнет, задавит,
увезет в неведомый край!..
Слышу голос: «Ты что? Беда ведь!
Эй, парнишка, не удирай!»
Человек — высокий, плечистый —
от машины шагнул в снегу...
— Ну, куда ты? Да что случилось?
Я не слушаю — я бегу!..
Тут сугроб. Я упал. От крика
задрожали кусты, звеня...
Как звереныша — глупого, дикого —
чьи-то руки взяли меня.
Мне казалось: они железные...
Страшный запах — бензин, мазут...
Бьюсь в них, выше куда-то лезу,
черный палец чужой грызу...
— Да не бойся ты, друг любезный:
я ж тебя домой отвезу!
По-тувински — не так, чтоб чисто, —
но спросил меня, где живу,
человек, высокий, плечистый,
с темным шрамом на белом лбу...
Волком воеет пурга за дверцей
и не страшно рычит мотор...
Засыпаю: согрелось сердце.
Слышу: тихо поет шофер...

* * *

Я проснулся в теплой постели,
так привычной, такой родной...
Ни снегов вокруг, ни метели...
Мать, в слезах, стоит надо мной:
— На, сынок, тебе — шоколадка,
протянула... Железный блеск
мне ударил в глаза... Нескладный
страх — морозом прошиб в тепле.

* * *

Расспросил ты в чабанской юрте,
чей мальчишка и где живет,

колесил в степи неприютной,
чтобы дом мой найти — и вот:
— Оставайся,— мать пригласила,—
время позднее... Сварим чай...
— Что ты, мать! Мой рейс — до Кызыла.
На вот, сыну потом отдай!
--- Добрый путь тебе, русский сын мой,
пусть живется тебе легко...—
мать шептала, и в след машинный
щедро брызгала молоком.

* * *

На сплетеньях дорог глубинных
я мечтал найти тебя, брат...
Как я вглядывался в кабины,
как искал — столько лет подряд!
Знаю: сердце твое спросило
о мальчишке — тоже не раз...
Нет, не просто сказать «спасибо» —
быть, как ты, я хотел бы, брат!

ПАРТИИ ЛЕНИНА

Если бы солнца лучи не светили --
жизни бы не было на земле.
Если бы ленинцы не победили --
где бы нам, людям, беду одолеть!
Если б не солнце, не ясные звезды --
землю давно поглотила бы мгла.
Если бы партию Ленин не создал --
к счастью бы юность моя не пришла.

САЯНСКИЕ ГОРЫ

Саяны с севера, Саяны с юга!
Нарядной белой шапкой облака.
Вершины машут шапками друг другу,
а на долины смотрят свысока.
А там, внизу — кипенье рек могучих,
там ветры свищут, там белы снега,
и за вершины задевают тучи,
как за крутые, острые рога.
А есть еще среди вас такие скалы —
орлам да удалцам туда взлететь!
Косуля там приют себе искала,
чтоб не добрался из тайги медведь.
Там молния о камень расколосась,
там буря плакала, над кручей взмыв...
И отзвенел там мой девичий голос,
отбушевал там юности порыв.
Саяны!.. Дышит ваша грудь широко,
над тей — тумана голубая ткань...
Хочу, как вы, быть твердой и высокой.
Как ваша твердь, душа моя крепка!

ГОРДОСТЬ

(Размышления у памятника)

Стоит величественный памятник гранитный.
Волной подножье енисейскую омыто.
Гранита твердого коснусь рукою твердой:
тот скромный памятник — любовь моя и гордость.
Здесь клятву верности стране своей и флагу
давал я — крепко, как солдатскую присягу,
и сердце, радостью высокою согрето,
тогда коснулось комсомольского билета.
Здесь волны ластились, к цветам цветы склонялись,
когда с любимой мы впервые повстречались.
Горит над радостью моей и над любовью
звезда, солдатскую окрашенная кровью.
А вы, лежащие под памятником этим, —
вы вечно живы в нас, своих далеких детях,
храним мы свято вашу гордость, вашу славу,
родными вам себя считаем мы по праву.
Чуть озаряются хребты лучом рассветным —
в жизнь претворяются мечты о счастье светлом,
мечты, которым беззаветно вы служили,
за что и головы в сраженье положили...
Взметнулся памятник защитникам свободы —
Тувы история,
любовь и жизнь народа.

КАПЛЯ

Дождь проливной меня застал в пути.
Село далеко, некуда зайти.
Встал под березу.
А с ее ветвей
за каплей капля падает в ручей.
В реке исчезнут струйки ручейка,
и в океан вольешься ты, река...
А жизнь моя — не малый ли ручей
в цветении большой земли моей?

НАЧАЛО

Нежданно грянул ледоход,
на крыши пал громадный ветер.
И в окна мартовские ветки
стучали ночи напролет.
И, в напряжении гудя,
весенний город загаился.
И поднял парус.
И решил
с причала сняться не шутя.
Тебе казалось той весной —
дома, как льдины отрывались
и уплывали,
и качались
меж гулким небом и водой.
Сто мудрецов здесь не решат!
Пришедши легкими шагами,
река весения, нагая,
уносит белых медвежат.
Круженье льдин, и солнц, и вод,
и сердца вешнее круженье!
И май грядет не в свой черед,
наперекор воображенью.
Мы победили?
Рвут весну
черемух белые салюты.
Дожди идут сквозь тишину,
легко ступая почему-то...
Не расплескали.
Сберегли.
Ах, широко ты, половодье!
Мы — люди.
Звезды.
Корабли.
В неповторимое уходим.

ЛЮБОВЬ!

Да, знаю.
Девочка сквозная —
ах, легкий силуэтик на заре!
Она пришла ко мне в начале мая,
а убежала в желтом сентябре.
Она едва спасла свой тонкий пламень
от глаз незрячих,
грубых рук и слов.
Израненная острыми углами,
она ушла, прекрасная любовь.
Что у тебя вдруг сердце защемило?
О чем ты шепчешь?
Что ты не отдашь?
Она взяла с собой лишь слово «милый» ---
свой золотой, свой легонький багаж.
А мне бежать за ней в смертельной муке,
упасть с размаху в мертвую траву!
Не грей мне руки. Не согрей мне руки.
Я никогда ее не позову.

* * *

А там — грачи.
Там небо без конца.
Там встали травы из земли прогретой.
В сиянии полденного венца
восходит май.
Недалеко до лета.
Там над водой прозрачен и высок
туман листвы, прорвавшийся из почек.
Пичуги смелой зыбкий голосок
насквозь пропеть денек весенний хочет.
Там светлый дом.
В нем стены — словно лед.
В нем пахнет солнцем, и смолой, и стружкой.
Мы из него когда-то,
все обрушив,
ушли в невероятный листолет.
Переступили теплое крыльцо,
засыпанное шумным листопадом,
и ветер вдруг ударил мне в лицо
простором горьким,
сентябрем и садом.
Там дочка износила башмачки
и выросла из старенького ситца.

Пусть далеко ведут тебя шаги,
коль есть куда в итоге возвратиться.
Ведь там грачи.
Там небо без конца.
Там встали травы из земли прогретой.
В сиянии полденного венца
восходит май.
Недалеко до лета.

УГОЛОК ДЛЯ ДЕТЕЙ

БЮРБЭЖЫКА

ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ

«Шыян-ам... Давно это было. Может, сто, а может, двести лет назад. Мне рассказывала эту сказку моя прабабушка, а она услышала ее от древнего старца, прожившего 110 лет.

Жила вдова Аяс во владениях богатого Калбак-нойона, стары которого клубились у подножия высоких гор, как облака на небе. Аяс была батрачкой. И росла у нее единственная дочь. И не было другой такой девушки, хоть обскачи все владения нойона. Стройная, как лесная козочка, она сводила с ума всех окрестных парней. И походка у нее была не как у всех. Казалось, она не идет, а плывет по дорожкам и тропинкам родных мест. Иссиня-черные косы двумя ручьями извивались по спине, спускались до самых колен. На высоком, чуть выпуклом лбу от переносицы вверх стремительно летели брови, постепенно сужаясь к вискам; продолговатые, в пушистых ресницах темно-зеленые глаза были похожи на два озера. Необычный цвет глаз манил загадочностью. Смуглые щеки от неосторожного слова или пристального взгляда мгновенно вспыхивали. Натянутой струной игила звучало имя девушки — звали ее Севиль.

Не суждено было отцу полюбоваться красотой Севиль. Был Оскус-оол на охоте. И в день рождения дочки молнией.

убило его. Вместе с радостью в юрту пришла беда. Горе тушит огонь в груди, стирает краски жизни с лица. Вдова Оскус-оола стала темнее тучи. Губы ее на многие годы забыли улыбку. И только в день семнадцатилетия дочери, вдев в ее маленькие уши коралловые серьги, подаренные Оскус-оолом в дни их любви, Аяс оглядела девушку с ног до головы, и от благоуханной красоты растопился лед сердца ее, и она улыбнулась, благословляя небо за то, что она, не кто другой,— мать Севиль.

Не только красотой выделялась та среди своих подруг. Севиль была умна, добра, ласкова и работяща. Да только счастье не дружит с бедняками. Их юрта стояла от чайлага Калбак-нойона в трех верстах, у подножия невысокой горы, усыпанной летом красными и желтыми маками. Лепестки цветов, отрываясь от дуновенья ветра, летели и ложились на старую кошму юрты, расписывая ее причудливыми узорами. Но пройдет час, другой — и нежные лепестки от палящих лучей солнца свертываются в трубочки, жухнут. И снова закопченная, убогая, открытая с трех сторон ветрам юрта кажется старой и больной вороной со взъерошенными перьями и надломленным крылом. Правда, в юрте было чисто и до поздней осени на аптарах, сделанных руками отца, стояли цветы—подбирать их один к другому была Севиль большой мастерицей.

Однажды ранним утром, когда еще только занялась заря на востоке, мать разбудила Севиль, и они направились в зимний аал нойона расшивать узорами хевисы. Зимняя стоянка Калбак-нойона находилась от их юрты верстах в 15, а чайлаг его стоял в березовой роще. Вдова решила по пути вернуть к тетушке Оляй — стряпухе нойона. Та как-то обещала отдать Аяс кусок красного шелка на пояс для Севиль.

Дорога к чайлагу спускалась вниз, круто сворачивала влево и снова, зигзагом, взбиралась вверх. Шли они медленно. Мать то и дело останавливалась: сердце стучало часто-часто, и Аяс, как выброшенная на песок рыба, хватала ртом воздух. У Севиль душа разрывалась от жалости к матери. Слезы накалились в глазах и горячими струйками катились по щекам. Она отворачивала лицо от матери. Наконец, они поднялись на гору и внезапно перед собой увидели юношу, статного, с

величественной осанкой, благородными чертами лица. На нем—шелковый халат небесного цвета, сафьяновые маймаки расшиты красным бисером, талию обвивает алая опояска. Острроверхая бархатная шапка заканчивалась перьями неведомых птиц. Он стоял у обочины дороги, возле раскидистой березы, держа за поводья вороного жеребца.

Вдова присела на землю. А Севиль взглянула в орлиные очи юноши и словно огонь проглотила. Это был Чараш-оол, младший сын Калбак-нойона, с которым они играли в детстве. Он тоже рано остался без матери. И уже давно знала Севиль: Чараш-оола увезли в Тибет. Но вот он вернулся домой через восемь лет.

С первого взгляда он узнал девушку, сердце его забилось, и словно песня зазвенела в груди юноши, когда он мысленно произнес ее имя: Севиль... Чараш-оол не забывал о ней и на чужбине, а когда настала пора любви, думал о Севиль, как о своей возлюбленной.

— Здравствуй, сарым,—сказал Чараш-оол, будто вчера он расстался с Севиль.

— Эки-и,—зарделась девушка и рукавом простенького розового халата прикрыла лицо.

— Я часто видел тебя во сне и заплетал твои косы. Они пахли горными маками,—сказал Чараш-оол.

— Я тоже видела тебя...—еле слышно прошептала Севиль.

Как костры, запылали любовью их юные сердца.

Чараш-оол поклонился матери Севиль, помог ей встать и почтительно предложил довести до их юрты. Вдова занемогла, не в силах была идти и согласилась. Аяс ехала в седле, а дочь ее с сыном нойона шли рядом. И по тому, как они друг друга слушали, улыбались и вглядывались в глаза, поняла старая батрачка, что Севиль и Чараш-оол никогда друг друга не забывали, и тоскливо сжалось сердце матери от невеселых дум: «Горе ждет нас с Севиль, если увидит свирепый Калбак-оол сына своего с бедной девушкой. Кругом поговаривают, что он хочет женить Чараш-оола на какой-то богатой и знатной вдове...»

И еще видела мать, что ее дочь и сын нойона счастливы первым чувством любви...

Лето клонилось к осени. Золотом покрылись одинокие березы. Маки давно отцвели. Отцу Чараш-оола донесли, что его сын встречается возле юрты вдовы Аяс с ее дочкой. Калбак-нойон не поверил. Его ученый сын, думал он, не может снизойти до общения с какой-то голодранкой. Но забыл богатей, что любовь не признает никаких границ. Какое дело сердцу, богат или беден тот, кого оно любит!

— Ынаам—любимая моя!—сказал Чараш-оол,—я хочу тебя назвать женой своей.

Она прижалась щекой к его плечу.

— Люблю тебя,—сказала.

На крыльях радости полетел Чараш-оол на свой чайлаг. Казалось, горы, птицы, ручьи, деревья пели о его любви. Он не заметил, как вороной домчал его до огромной белой юрты отца.

Овцы прятались в тени берез. Большие мохнатые псы тяжело дышали. Их языки, как влажные розовые тряпки, бесильно болтались. Люди словно вымерли. Ни одного человека не было видно у юрт. Чараш-оол знал, что отец в этот час любит отдыхать на просторной расписной лежанке и попивать прохладный хойтпак.

Он вошел в юрту и бросился на колени перед отцом. С юношеским жаром стал умолять разрешить ему жениться на бедной, но прекрасной девушке Севиль. Долго говорил Чараш-оол, какой она доброй будет женой и послушной дочерью... Не знал юноша одного, что давно приглянулись его отцу табуны низкорослых коней и стада коров—богатство овдовевшей владелицы соседнего хошуна, не думал, что судьба его и Севиль уже решена.

Ничего не сказал сыну отец. Только глаза его сузились на плоском лице и стали похожи на лезвие ножа. Это был плохой признак. Чараш-оол знал, что отец его всегда хранит молчание, когда хочет кого-нибудь жестоко покарать.

Калбак-нойон приказал слугам своим до заката солнца наказать и изгнать из родных мест Севиль и вдову Аяс, юрту их сровнять с землей, а сына пока держать под стражей.

А Севиль ждала жениха. Сердце гулко стучало в груди. Оно было, как жаворонок в первые дни весны, которому хочется взлететь выскро-высоко. Девушка ласкалась к матери,

и та все понимала. Душистыми травами Севиль застлала пол своей бедной юрты. Раздался топот коней. Мать с дочерью выбежали навстречу.

Но не жених прискакал к ним. Верные псы Калбак-нойона, пьяные, с гиканьем и смехом набросили на Аяс и Севиль волосьяные арканы. У одного из слуг в руках были розги, срезанные с кустов караганника, с торчащими длинными иглами... Вдову Аяс мучители привязали к стволу одинокой лиственницы, что росла напротив юрты. И на ее глазах стали истязать Севиль. Сотни игл вонзались в тело, и алые брызги летели на лица палачей. Ни разу не вскрикнула девушка, так и умерла молча. Сердце матери не выдержало. Разорвалось от горя. Две слезинки сползли по серым щекам. Глаза широко открылись, и ужас застыл в них навсегда.

Труп вдовы увезли в горы. Севиль закопали тут же.

Пышную свадьбу готовил своему младшему сыну Калбак-нойон. Не одна арака, ароматные вина были доставлены издалека. Сушеные фрукты мешками везли ему китайские купцы. Только одних баранов зарезали больше ста.

Никогда Чараш-оол за все 18 лет своей жизни не был таким покорным и послушным. Калбак-нойон не мог нарадоваться на сына. Пятнадцать дней выполнял он все обряды. Каждый день встречался с невестой. Дарил ей парчу и шелка, жемчужные серьги и золотые кольца. Не терпелось тучной, сутулой и косоглазой Семис-Кадай, вдвое старше Чараш-оола, назвать юношу своим мужем. Она заранее все свое богатство отдала Калбак-нойону.

Настал день торжества. Все было, как должно быть на свадьбах нойонов. На хевисах, разостланных прямо на поляне, окруженной осенним пожаром пылающих берез, стояли когеры с аракой, высокие бутылки с заморскими винами, на серебряных блюдах лежало вареное мясо, подернутое жиром, в расписных деревянных корытах—круги нежного хана, приготовленного из крови ягнят, разбавленной сливками. Щекотал ноздри запах шашлыков из печенки, обернутых тонким слоем сала. На подносах виселись груды румяных боорзаков, засахаренных фруктов и халвы.

С утра в честь новобрачных Калбак-нойон устроил конные скачки, разные лихие игры и хуреш. Потом начался пир. Го-

стей было не меньше, как половина тысячи. Жених и невеста занимали почетное место. На них были ослепительно белые халаты из парчи. Рядом с новобрачной по правую сторону сидел Калбак-нойон, довольно поблескивая глазами. Когда первые чарки наполнились аракой, Чараш-оол встал, поклонился отцу и сказал:

— 15 дней по твоему приказанию я носил в юрту моей невесты богатые дары. А сегодня, ачай, я хочу тебе преподнести самый дорогой подарок...

Блеснул нож на солнце, и через мгновение только рукоятка торчала из груди юноши. Крик изумления повис над поляной. Чараш-оол повалился прямо на отца. Обезумевший Калбак-нойон обнимал мертвого сына. Руки жестокого старого владыки были в крови...

Чараш-оола похоронили рядом с Севиль. Прошла зима. А весной на их могиле выросли только два цветка. Это были маки. Говорят, в темные ночи над головами усопших вспыхивают два огонька. Один красного, другой желтого цвета. Они улетают ввысь, превращаясь в звезды. По преданию, в этот миг на земле рождается новая жизнь—от любви».

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

— Шыяан..,— начал он, обращаясь почему-то ко мне:

— Когда вырастешь большой, урум, может, придется тебе побывать на западе нашей Тувы. Много гор ты встретишь на своем пути. И все они разные. То вздыбленным медведем устремляется серый камень в небо, то ползет, пригнувшись, будто какое-то неведомое чудовище переливает свое тело. А иные горы горбом торчат на теле земли, потрескавшейся в знойные дни лета. И вот, по левой стороне дороги, ты увидишь гору, пробитую насквозь. Высоко-высоко над тобой то покажется, то снова исчезнет круглое светлое пятно, будто гора на тебя смотрит единственным оком своим.

По-разному толкуют про эту дыру в горе. Ученые люди говорят, что дожди, ветры, холод и зной за тысячелетия бес-

престанного труда продолбили это отверстие. А в народе объясняют иначе. Не ветры буйные, не песчаные бури и не молнии небесные, а сердце матери пробило гору!

Дедушка Бюрбэжык, сидя на полу, прислонился спиной к сундуку.

— Это было давным-давно. Еще до нашествия свирепого Чингиса, который пролил реки крови на нашей земле. В той стороне Тувы, где каждый день заходит солнце, у нескольких ханских сынков от большого достатка и безделья души загнили, как трупы. Им наскучили игры и скачки. Втянулись ханские сынки в пьянство и без араки не могли уже дня прожить. А потом, убежав от своих родных, начали разбойничать. С каждым годом их шайка росла. И сердца людей при одном упоминании об этих головорезах сжимались от страха.

Они устраивали набеги на мирные аалы, угоняли последнюю скотину у бедняков, увозили красивых девушек в горы и, растоптав их девичью честь, бросали со скалы в быстрые воды Хемчика. С места преступления исчезали, как вихрь, как молния. Долгие годы никто не знал, где они скрывались. Шайка была богата, ее главарь совершал путешествия в далекие страны. Убежищем разбойников стал замок. Он стоял высоко в горах посредине огромного озера с ржавой водой. Теперь озеро исчезло, и, говорят, на его месте зияет пропасть, похожая на чудовищную пасть.

Замок охранялся днем и ночью. Вместо собак на железных цепях держали разбойники волков.

Ужас наводили разбойники на людей Западной Тувы. Но самое страшное было вот что: они растлевали молодые души. Время от времени, в день рождения своего одноглазого главаря, шайка пополняла силы восемнадцатилетними юношами. Иногда в сети попадались и дети бедняков. Но прежде чем взять юношу в шайку, устраивали ему жестокое испытание: не выдержит—убьют. Посвящали в разбойники всякий раз по-разному: кто должен был в этот день стрелой угодить в глаз мирно едущему верхом человеку, кто—обворовать указанный главарем аал, кто—привести сестру свою на издевательство... Но самое тяжелое испытание выпало на долю Оскус-оола, у которого, кроме старой матери, никого не бы-

ло на всем белом свете. Их закопченная юрта, как изодранный малахай, стояла на берегу Хемчика, и бродило возле нее несколько коз—все их богатство. Но Оскус-оол был богат другим: он любил петь и сам для себя сочинял песни.

На своем самодельном лимби он выводил разные, судя по настроению, напевы. То протяжная, как стон, смешанный с ветром, из сердца вырывалась песня и повисала над бедной юртой, то жаворонком подскакивала в синеву, веселая и радостная.

Весной и летом песни, как стаи птиц, прилетали к нему. Еще ни разу не целовала его девушка. Только свои песни и старую мать любил Оскус-оол. И когда ему очень хотелось петь, он садился возле юрты, на вытопанную козами траву, подносил к губам лимби. Мать выходила к сыну, садилась рядом, закуривала трубку и, как на чудо, смотрела на него—так смотрят на своих детей все матери мира

Но в этот раз, когда новая песня посетила сына, мать уже не смогла выйти из юрты. Слабость сковала ее тело, она уже много дней не поднималась с постели. Оскус-оол, предчувствуя недоброе, заиграл печальную песню. Он и не заметил, как летняя ночь набросила на все свою черную кошму. Только топот скачущих коней остановил его. Все остальное произошло, как во сне. Кто-то набросился на него. Скрутили ему руки и ноги, завернули во что-то и положили поперек седла. «Разбойники»,—мелькнула мысль.

— Быстрее, мелегеи — ленивые черепахи!— прошипел кто-то. И вот всадники вместе с Оскус-оолом помчались. И еще на одном коне кто-то лежал поперек седла. От тряски и неудобного положения болела и дрожала голова Оскуса-оола. И не понимал он, где и что с ним.

Когда юноша пришел в себя, увидел, что лежит возле большого костра, вокруг которого сидят люди в необыкновенно богатых одеяниях. Один из них, засучив рукава, поворачивает над пламенем вертел, на котором шипят кровотокающие кусочки. Высокий, одноглазый, уже слегка захмелевший человек подошел к Оскус-оолу, приподнял его за косу, хлопнул по плечу и сказал:

— Долго я присматривался к тебе. Песни твои мне по душе. Соловей сидит в твоей груди. Вот, в день своего рож-

дения, решил тебя отличить. Мы всемогущи, и нам все дозволено. Отныне ты будешь избранным, если, конечно, выдержишь испытание,— он усмехнулся, и улыбка, как змея, поползла по морщинистому, остроносому, черноусому лицу.— Ты, конечно, догадался, кто мы. Мы из тех, кому человека убить — что муху раздавить. Но тебе не придется ни убивать, ни грабить. Ты будешь нас услаждать своими песнями, когда мы, устав от своих трудов, соберемся отдыхать и араковать. Эй, Калчар-оол!— крикнул главарь.— Что ты сидишь, угощай!

Вмиг соскочил со своего места человек маленького роста широкий в плечах, кривоногий, с поперечным шрамом на лбу. На скуластом лице его не было носа. Он поклонился в пояс, подбежал к огромному когеру, в блестящую чашу налил араки и подал ее главарю.

— О, господин мой, всемогущий Узун-Корза, возьми эту чашу и дай ее тому, кого ты желаешь приблизить к себе.

— Пей,— сказал одноглазый.— А сейчас и закуска будет готова. Особая. Только для тебя. Видишь, жарится? Это сердце твоей матери! Съешь — и все тебе будет нипочем. Ну? Жду!

Оскус-оол похолодел. Не об ужасной судьбе матери подумал он, а страх за свою жизнь сжал его сердце. Рука сама потянулась к чаше, а человек с засученными рукавами угодливо поднес прямо к губам его вертел с обугленными кусочками... Одно мгновение колебался, робея, Оскус-оол. Тогда со свистом и гиканьем поднялись сидящие у костра и закружились, подпрыгивая и завывая, наподобие стаи голодных волков:

— Если ты не дурачок, оой-ээй, съешь скорее шашлычок, оой-ээй. Мы возьмем тебя с собой, оой-ээй, на грабеж и на разбой, оой-ээй!

Никогда прежде не пил Оскус-оол араки. Крепкая, она бросилась ему в голову, защекотала в груди, разлилась огнем по всему телу. Серая пелена опьянения закрыла от него честное, чистое его прошлое. И уже без всяких угрызений совести, с поклоном, взял Оскус-оол в руки вертел, поднес к губам... и явственно услышал:

— Подуй, сынок. Не обожги губы...

— А-а-а-авай!— крик отчаянной силы вырвался из груди

Оскус-оола. Бросил он на землю вертел и застыл над ним, превратившись в камень. Грянул гром, засверкали молнии. Закрутился такой вихрь, что валуны взлетали, как галька. Головашки от костра, люди—все вздымалось и падало вниз. А вертел, поднятый струей вихря, стремительно полетел на юг. От скорости или от чего другого, но засветились осколки материнского сердца на черном небе, и стал он похож на стрелу. На пути стояла гора. Молнией пробило ее сердце матери — вот какая сила, оказывается, таилась в нем, даже мертвом и обугленном! С тех пор на пути к Барун-Хемчику стоит пробитая насквозь гора.

М. Рамазанова.

БОРБАК-ООЛ И ЕГО ДРУЗЬЯ

Папа купил Борбак-оолу машину. Она была не простая, а заводная. Заведешь ее до отказа,пустишь, и она побежит. Очень интересно смотреть, как она мчится вперед. А если на ее дороге что-нибудь окажется, машина слегка стукнется о предмет, потом попятится и, обогнув его, продолжает свой путь. Ни с чем не сравнима была радость Борбак-оола. Он хохочет, когда машина делает круги, натывается на его ботинок и, оттолкнувшись, бежит в сторону.

— Хороша игрушка, сынок,— сказал отец, поглаживая ершистую голову Борбак-оола.—Иди теперь на улицу и поиграй вместе с ребятами.

Борбак-оол взял машину и с радостью выбежал во двор. Девочки и мальчишки играли все вместе. Не присоединился к ним Борбак-оол. И начал играть один. К нему со всех сторон подбежали ребята, чтоб посмотреть на заводную машину. Маленькой Чодуре машина очень понравилась, и она схватила ее.

— Не твоя машина,—вырвал Борбак-оол из ее рук.

— Мне мама получше твоей купит,—сказала Чодураа и,не оборачиваясь, ушла.

Борбак-оол никому не давал свою машину. Если кто-нибудь из ребят подходил к нему, он кричал: «Не смей трогать, моя машина!»

Ребятишки, как горошинки, покатались от него к своим прежним играм. Борбак-оол остался один. С ним никто не играл.

Борбак-оолу вскоре стало скучно. И он издалека стал смотреть на ребятишек, которые весело и шумно играли. Ему хотелось подойти к ним, но как?

А из окна за ним наблюдал старший братишка, пионер Сережа. Он подбежал к нему и сказал:

— Ты один или с товарищами играешь?

— Ага, с ними,— несмело ответил он.

— Пойдем к ним,— позвал его Сережа. Борбак-оол обрадовался. И ребята все вместе начали играть.

Борбак-оол стал мастерить гараж из сырого песка. Чодураа подвозила на его машине песок. А девочки двор из палочек городили. Все игрушки пошли в ход. Радостно стало Борбак-оолу.

Хорошо быть в дружбе с товарищами!

ЯНВАРСКИЙ ЦВЕТОК

Осень дохнула холодом. И у цветов, что цвели возле дома Уранмы, головки поникли и почернели, а стебельки их высохли. Но она собрала семена и посадила их дома в маленькие ящики. И стала ухаживать за ними. Каждый день поливала их. И с нетерпением ждала, когда проклюнутся из земли первые ростки.

А дни шли и шли. Наступила холодная зима. Деревья за окном белым снегом, как пуховой шалью, накрылись. А у Уранмы в ящиках появилась тоненькая зелень. Очень обрадовалась ей Уранмаа. Перед тем, как уходить в садик, она всегда поливала свои цветы. А они, благодарные, росли и росли. Вот уже и бутоны раскрылись, и в трескучий мороз Уранме улыбнулись пунцовые цветы.

Когда она возвращалась из садика, ей казалось, что через оконное стекло смотрят на нее красные цветы и встречают ее.

Мороз румянил щеки Уранмы. Она, как только заходила в дом, раздевалась и тут же подходила — к своим цветам:

— Пить хотите, мои красивые?— спрашивала и бережно дотрагивалась до них.

КАПУСТА В НЕБЕСАХ

В те дни, когда, желтея, лист,
как мотылек, слетает вниз,
пробрался зайчик в огород,
набил капустой полный рот.

Нет в мире ничего вкусней
капустных листьев и корней.
Ах, как сладка капуста та!
Жуешь — и слюнки изо рта.

Капусты много. Ешь, дружок!
Как холмик, каждый кочанок.
Наевшись, заяц с грядки слез
и убежал обратно в лес.

С тех пор он много дней подряд
не мог забыть капустных гряд.
И даже ночью потому
капуста грезилась ему.

И вот однажды в темноте
он вновь пошел на грядки те.
Но видит — с палкой там мужик.
Тут заяц наш как задрожит!—

И камнем кинулся назад.
Бежал, куда глядят глаза.
И оглянулся лишь в густом
лесу, укрывшись под кустом.

Пугал воришку каждый звук,
и даже сердца перестук.
Не знал, что грозное на вид
там просто чучело стоит.

«Туда я больше не пойду
себе на горе, на беду.
Гляди-ка, шубка вся белая,
а раньше серою была.
На глядики те не оглянусь!»—
так говорил зайчишка-трус.

Увидел иву на юру
и стал жевать ее кору.
Но что кора в сравненье с той
капустой — чудо-красотой?
И вкус не тот, и хруст не тот.
Лишь обдирает больно рот.

«Зачем мне эту дрянь жевать?
И зубы можно обломать.
Кора у ивы так грубая!
Эх, горькая моя судьба!»—
шептал он, голодом томим.
Как вдруг капуста перед ним!—
Лежит она, круглая, крепкая,
и словно движется слегка.

Как ветер, тропкою лесной
к капусте бросился косою.
«Теперь-то я наемся всласть!
В беду бы только не попасть.
А ну как там стоит опять
мужик и палкой будет гнать?
Свернуть обратно,— право, жаль»,—
так думал заяц и бежал
через тайгу, через поля.
То речка, то опять земля.
Бежал так заяц до утра.
Давно б на месте быть пора.

Но лишь прорвался из-за круч
зари осенней первый луч,
луна-капуста уползла.
Ругнулся заяц тут со зла.
Устал чертовски. И потом
весь день храпел он под кустом.
Капусту видел он во сне.
Просила та: «Иди ко мне!»
И, словно белых два крыла,
внезапно листья подняла,
как ястреб, взмыла над землей,
шепнула: «Жди меня, косой!»

От радости проснулся он
и удивился: «Это сон?»
С тех пор во сне, как наяву,
капуста виделась ему.
Но вот прошел какой-то срок.
Отгрыз капусте кто-то бок.
— Какой же то ловкач, пострел
мою капусту грызть посмел?

И вот бежит за ней всю ночь.
Капуста убегает прочь.
Хоть ноги заячьи длинные,
но не догнать ему луны!

ЗАГАДКИ

На желтом дереве
тысячи черных веток,
а листьев нету
ни зимой, ни летом.

(использ.)

Между двух озер —
желтый косогор.

(зоН)

Живут рядом два брата,
меж ними преграда.

(vzvJ)

Из-за черных камышей
черный лебедь смотрит.

(Pecnyb)

У одной матери пять сыновей
и у всех — одно имя.

(Pjka, pavby)

У двадцати братьев одно имя,
и у каждого — щит.

(Пгон чавьвП)

Не успею моргнуть —
одолеет любой путь.

(иУ)

Тук-тук... стучит,
Никогда не молчит:
то смеется, то грустит.

(Cepbe)

Завяжут, да никогда не развяжут.

(Ппюк)

Белый напиток в сосуд не льют —
из источника пьют.

(Mатepиcкoe мoлoкo)

Между небом и землей
на копыте под дугой.

(*Нога в стремени*).

Спина горой,
голова дугой,
да плеть за горой.

(*Верхушка*).

Важно он идет по тропке,
на спине несет две сопки.

(*Верхушка*).

Под шерстистым тюфяком
желтый ком.

(*Жирный и гладкий
вздувшийся ком*).

В мешке лежал — дрожал,
в тарелке побыл — застыл.

(*Курдюк*).

Лохматый, как медведь,
но не умеет он реветь.
На вид свиреп, внушает страх,
а по натуре он — добряк.

(*Сарык (як)*).

*Доржу
КУУЛАР*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТУВИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Писатели Тувы, вдохновленные грандиозными задачами и широкими перспективами движения нашей страны в коммунистическое завтра, изложенными в Директивах XXIV съезда КПСС, намечают новые рубежи творческих поисков и созиданий в новой пятилетке. Среди многочисленных работ и дел Союза писателей республики в эти дни на видное место выдвигаются проблемы дальнейшего развития и совершенствования поэзии. Желание писателей видеть свою поэзию по-прежнему идейно-эстетически сильной, авторитетной перед своими приверженцами закономерно и жизненно оправдано. Ибо поэзия является их первенцем, через поэзию лежит их многотрудный и сложный путь в другие жанры — в прозу и драматургию. Пристальное внимание писателей старшего поколения к проблемам поэзии объясняется также усилением их заботы о том, чтобы молодой отряд одаренных людей быстрее постиг «тайны» поэтического слова, овладел техникой стихосложения ускоренными темпами и за сравнительно короткий срок достиг вершины сложного писательского мастерства.

За последние три-четыре года на улучшение состояния всей тувинской литературы был направлен ряд мероприятий обкома КПСС и правления Союза писателей. Они прямо или косвенно повлияли и на состояние поэзии. Проведено два конкурса на лучшие произведения литературы и искусства. Первый был посвящен 50-летию Советской власти, второй — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Анализу проблем поэзии значительное место было отведено на IV съезде Союза писателей, на двух собраниях писателей в 1969 и 1971 годах и на бюро обкома КПСС в конце 1969 года. Организовано два семинара для молодых писателей. Все это есть проявление должной заботы писательской организации о судьбе тувинской литературы вообще, поэзии в частности.

Хорошие организационные меры благоприятно сказались на развитии тувинской поэзии. В какой-то степени, благодаря им, в общем тувинском литературном процессе поэзия по-

прежнему занимает главенствующее место. Констатируя этот факт, мы нисколько не умаляем достижения прозы. Хочу, как и другие исследователи, сказать, что тувинская проза с каждым годом становится более зрелой, повышается ее эстетический уровень, и она неуклонно идет к своему законному месту — возглавлять строй литературных родов и видов. Но проза наша не имеет таких прочных традиций, как поэзия.

В отношении же сложившихся традиций, приобретенных, уже установившихся эстетических норм, поэзия гораздо сильнее других жанров. Показателями ее зрелости являются следующие факты: на конкурсе, посвященном 50-летию Советской власти, из десяти удостоенных премиями произведений литературы восемь принадлежат жанру поэзии. В это число входят четыре поэмы («Оттук», «Маленький учитель» М. Кенин-Лопсана, «Ленин и мать» В. Саган-оола, перевод поэмы «Чечек» С. Пюрбю), две замечательные баллады («Меч Багыра», «Кок-Эль» Ю. Кюнзегеша), два поэтических сборника («Мои цветы» Э. Кечил-оола, «Мои крылья» М. Кенин-Лопсана). Итоги конкурса на лучшее произведение литературы и искусства, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, снова показали большие возможности жанра поэзии. Высокую оценку получили поэмы «О времени и современниках» С. Пюрбю, «Кавалерист-девица» С. Козловой, «Ильич во всем» С. Сарыг-оола и многие другие стихотворения ряда авторов.

Об интенсивной работе поэтической мысли у нас говорит и то, что за последние годы издано свыше 80 поэтических сборников. Из них к лучшим достижениям тувинской литературы надо (в дополнение к названным) причислить «Мой Улуг-Хем» С. Сарыг-оола, «Неразлучную молодость мою» С. Пюрбю, «Цвета времен», «Чтобы поделиться радостью» Ю. Кюнзегеша, «Синие горы» С. Сюрюн-оола, «Просторы Родины моей» К. Кудажи, «Следы» С. Молдурга и т. д. Прочитавший эти книги убедится в возросшей идейной силе поэзии, богатстве ее тематики, изобразительных красок, в широте ее диапазона отображения нашей действительности.

Самым большим достижением поэзии в отношении тематики надо считать ее широкий выход за пределы республики, изображение Тувы как частицы необъятной Советской страны. Вместе с тем поэты углубленно осмысливают революционное прошлое народа, его современную жизнь, полную героикой труда, тревогой за судьбы мира.

В эти годы снова нас обрадовал С. А. Сарыг-оол. Раньше мы его знали как писателя, творчество которого тончайшими, но прочными нитями связано с устно-поэтическим творчеством народа. Ныне у Сарыг-оола манера письма обнови-

лась. Об этом говорит его сборник «Мой Улуг-Хем» и новая поэма «Ильич во всем». Здесь мы встречаем новые интонации, новую строфику, искусное сочетание публицистических приемов с лирическими. В отношении тематики произведения имеют широкий масштаб. В них воспеты преобразования в родной Туве, покорение космоса, полюсов холода, героическая борьба вьетнамского народа за свою независимость и т. д. Разумеется, темы эти осмысливались Сарыг-оолом и раньше, но в новых произведениях поэта они звучат с особой эстетической силой. В качестве примера возьмем стихотворение «Вот наша сила», в котором очень просто, но художественно убедительно рассказывается о величии партии Ленина, об интернациональной сущности нашего государства, об исполнении желаний советских людей преобразовать землю, покорить космос, слить воедино труд и науку. Стихотворение написано шестистрочной строфой, причем последние две строки каждой строфы даны в форме рефрена. Они усиливают эмоциональное воздействие произведения. Что нового в данном стихотворении? Во-первых, выражение больших идей образительными средствами тувинского языка, без употребления неологизмов. Во-вторых, применение рефрена, что редко встречается в творчестве этого поэта. В-третьих, ритмическое богатство произведения.

О расширении тематики говорят и такие произведения поэта, как «Весенний ветер», «Валентине Терешковой», «Сыновья страны моей Советской». Отличительной особенностью почерка С. Сарыг-оола стало частое употребление аффиксов принадлежности и притяжательных местоимений, которые придают стиху человеческую теплоту, сильнее подчеркивают искренность, сердечность голоса лирического героя.

Читатели, должно быть, заметили усиление внимания писателя к показу слитности тувинца с родной природой. К этому тематическому приему писатель обращается, когда возникает необходимость показать социальное и духовное выпрямление некогда отсталого арата и наполнение просторов родного края большим жизненным смыслом. В этом отношении особо выделяется его поэма «Мой Улуг-Хем». Лирический герой непосредственно обращается к Енисею. А в сознании, в душе читателя возникает чувство гордости за партию великого Ленина. Вот это я считаю искусством художественного освещения политической темы.

Сарыг-ооловская поэзия последних лет внесла в тувинскую литературу ряд свежих образов. Например, гора Хайыракан предстает перед нами в образе седого рыбака; будущее Шагонарское море видится поэту зеркалом, в котором отражаются помолодевшие вершины Саян; туман изображается

поэтом в образе думаалаа — свадебного наряда; мост через Енисей — драгоценного сказочного сокровища «сой» и т. д.

Со все усиливающейся поэтической энергией работает Сергей Бакизович Пюрбю. Его сборник «Неразлучная молодость моя» является большим достижением не только автора, но и всей тувинской литературы. В произведениях поэта, включенных в названный сборник, выражена бесконечная благодарность советского человека Коммунистической партии, своей стране, раздумья его о значимости любого труда, если он направлен на умножение людских благ. Многие стихи поэта выделяются своей обращенностью к людям, к молодому поколению, полны оптимизмом от ощущения духовной молодости, горячего дыхания дружбы, любви в нашем государстве. А поэма С. Пюрбю «О времени и современниках» являет собой пример живописания политической истории народа, воспевания в духе фольклорной монументальности героев революционных, боевых и трудовых сражений.

Сборник «Неразлучная молодость моя» говорит нам о зрелости таланта художника. Почерк писателя характеризуется, наряду с углублением идейного содержания, тематической разнообразностью, богатством образной системы, интонаций, эвфонических и строфических приемов. Привлекают внимание его успешные поиски в отношении звуковой организации стиха. В произведениях «Слово сельским труженикам», «Песня о молодом пастухе», «Ленинграду», «Поэту», «Песенка про Аленушку» и др. поэт достигает сочетания начальных и конечных рифм. Ознакомившись с этими стихами, мы убеждаемся в том, что в тувинском языке, в его морфологии, имеются большие возможности для озвучивания строк конечными рифмами. Из опыта Сергея Пюрбю мы видим, что основными элементами в создании стихов с рифмами служат вспомогательные глаголы и местоимения. Это существенное нововведение в тувинское стихосложение, открытие в тувинском фразостроении.

Надо сказать, что интонационный стих, рассчитанный на чтение вслух, выделение ударного слова делают произведения С. Пюрбю мужественными, торжественными. Работая над ним, поэт творчески внедряет в тувинскую поэзию традиции Маяковского, ставшие «практическим курсом социалистической эстетики» (С. Вургун).

Высокой степени мастерства достигло так называемое «среднее поколение». Стройностью поэтической мысли, совершенством сюжетно-композиционных, строфических, ритмических решений отличаются стихи и поэмы Ю. Кюнзегеша, С. Сюрюн-оола, К. Кудажы и других. Общей чертой творчества этих поэтов является непрерывность поисков свежих,

интересных для современного читателя тем и их освещение в единственно нужной в данном случае, согласно замыслу, форме, будь то баллада, сонет, лирическое излияние души, эпическое повествование. Эти поэты достигают гармонии формы и содержания своих произведений.

Об успехах Ю. Кюнзгеша наша общественность и печать говорят давно. Надо подчеркнуть, что Юрий Кюнзгеш — самый постоянный труженик искусства поэзии. Верность своему делу всегда приносила хорошие результаты. У него уже почерк зрелого мастера. Ю. Кюнзгеш — один из тех людей, которые обладают искусством очеловечивать, подобно Дерсу Узала, явления природы и жизни (С. Пюрбю). За последние годы он почти избавился от основного недостатка в своей поэзии — от усложненности образов, ассоциаций.

Очень интересно представила своего автора книга «Синие горы». Салим Сюрюн-оол вновь показал свою высокую культуру поэтического мышления. Он вносит в тувинскую поэзию ту широту интонационного диапазона, в которой она так нуждается. Некоторые стихи его, например, «Ленин и свобода», «Такова моя любовь», «Синие горы», «Дружба», «Будучи в гостях...», отличаются, если можно так выразиться, своим «всероссийским звучанием». Они написаны в том же ключе, в котором звучит его же стихотворение «Мой дом» (в духе гамзатовского: «Я — не русский, я — россиянин»). У С. Сюрюн-оола крепчает философский склад поэтического мышления.

Радуют нас своими поэтическими достижениями и открытиями авторы, пишущие на русском языке. Хочется подчеркнуть зрелость поэзии С. Козловой. Помимо всех прочих достоинств, в ее поэзии надо отметить две особенности: привязанность к тувинской тематике и прочная тувинская фольклорная основа. Примером может служить поэма «Кавалерист-девица», образ героини которой создан в духе сказания «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей». Здесь мы имеем любопытное явление. Это — глубокое проникновение поэтики тувинского фольклора в творчество русского автора, что редко встречается в литературе, а у нас — впервые. Это явление хорошее, положительное. Оно показывает, с одной стороны, глубокий интерес писателя к жизни и искусству тувинского народа, с другой — эстетическую силу тувинского фольклора.

Необходимо особо подчеркнуть большую переводческую деятельность С. Козловой и А. Емельянова. Трудно представить без них путь тувинской поэзии к сердцу иноязычного читателя. Благодаря их преданности делу тувинской литературы, получили звучание на русском языке такие крупные достижения нашей поэзии, как «Чечек», «Алдын-кыс», «О вре-

менн и современниках», «Ильич во всем» и т. д. Это поистине подвижническая деятельность.

Нас радуют успехи молодых поэтов: Э. Кечил-оола, Ч. Кара-Куске, О. Охемчика, К. Чаш-оола, А. Даржая. Можно сказать, что они уже «вышли из себя», т. е. сумели связать свое творчество с тем пластом жизни, который им наиболее близок и доступен.

Все выше перечисленное является наиболее крупным достижением тувинской поэзии. Разумеется, ограниченные рамки статьи не дают нам возможности останавливаться на других важных завоеваниях поэзии. Уровень нашей поэзии достаточно высок, но все же большие успехи нисколько не заслоняют ряд ее недостатков.

Прежде всего наблюдается некоторая замедленность в динамике развития поэзии. Она объясняется, на наш взгляд, тем, что «старшее» и среднее» поколения—как закономерный результат роста мастерства, накопления жизненного и профессионального опыта—переходят на отображение нашей действительности в более емких жанрах. Эта ситуация привела к сокращению количества печатающихся произведений, что создаст иллюзию отлива в поэтическом творчестве некоторых писателей. Это — именно иллюзия, потому что многоопытные поэты сейчас работают по принципу: «Лучше меньше, да лучше».

Настоящая причина замедления процесса совершенствования поэзии кроется в запоздалом росте молодых. Чем объясняется это явление, сказать трудно. Недавно прошел семинар для молодых поэтов. Он показал, что среди его свыше сорока участников людей, работающих в области поэзии около пяти-шести лет, оказалось большинство. В отношении же их творческого роста писатели, анализировавшие представленные на разбор произведения, особо не восторгались. Кому предъявить обиду? Наверное, учителям литературы. Где-то там, в низовых звеньях, не ведется необходимая работа по выявлению литературноспособных ребят и по умелому направлению развития их таланта.

Эту причину замедления развития поэзии усугубляет то, что некоторые наши уважаемые писатели редко печатают свои произведения.

Наибольшее зло нашей поэзии приносит ее тематическая повторяемость. Этот недостаток, в основном, относится к поэзии молодых. Что мы здесь наблюдаем: бесконечное повторение, перепев тем в разных вариантах. Вот самые близлежащие примеры. Давно С. Сарыг-оол написал частушку «Тоорахемская краса». Затем началось массовое воспевание краса-

виц: кызыльская краса, тувинская краса, шеминская краса. Благодаря композитору А. Лаптану, возродилось стихотворение-песня М. Дугаржапа «Мой Хондергей», затем началось воспевание своих родных гнезд: «Мой Бора-Холь», «Речка моя Шеми», «Чыргакы», «Мой Кара-Даш», «Мой Чаа-Суур». На композиторов мы не в обиде. Их музыка хорошая. По содержанию, интонации названные произведения идентичны. Совсем свежий пример. Недавно «Тувинская правда» напечатала стихотворение «Ильичу». Тема очень серьезная. Но что мы прочли и узнали? В этом стихотворении мы узнали написанное тридцать лет назад С. Сарыг-оолом «Ленинское солнце».

Сейчас у нас много пишут стихов о Шушенском. Это для нас — священное место, оно заслуживает, чтоб о нем писали, но стихи должны быть выдержаны в духе «Костра» Ю. Кюнзегеша, «Размышления над Шушью» А. Даржаа. А такие стихи, которые сейчас появляются в нашей печати, много не дают уму и сердцу, хотя в них называются легендарные места: озеро Перово, Журавлиная гора и т. д.

На фоне общей картины тувинской поэзии это явление незначительное, малозаметное. Но суть его нехорошая. Сказать, что это подражание, будет очень мягким определением его сути. Здесь мы имеем дело с каким-то сложным преломлением понятия «плагиатство». Причина возникновения переделки одних и тех же мотивов, разработки однородных тем прячется в том, что многие авторы не внимательны к творчеству других, а к самому себе не требовательны. Такие авторы не стараются запомнить (тем более составить картотеку) имеющихся в поэзии сюжетов, мотивов, в чем проявляется легкое, беззаботное отношение к творческой работе.

Для того, чтобы изжить этот недуг, особенно молодым поэтам, надо перечитать все, что написано, самим попристальной всмотреться в жизнь, природу, людей, вслушаться в ритм трудовых будней страны и постараться найти свою «точку зрения» на события. Короче говоря, надо искать свой почерк, свои приемы художественного отображения мира, свои большие темы.

Повторения встречаются и в поэтических приемах, и средствах живописания. В последние годы наши некоторые поэты часто применяют риторический вопрос, как средство выражения неразгаданной тайны души. И пошли стихи о сильнотучащем сердце, о верном коне, неизвестно для чего ускоряющем свой бег, о ветре, который почему-то перестал приносить бодрость или, наоборот, передает сердцу тревогу. Все больше становится кочующих сюжетов и образов. Сюжет потерянного спасителя и выручателя использован в поэме «Всего один час» К. Кудажы, в стихотворении «Где ты, мой брат»

молодого поэта А. Даржая и в других. Вслед за С. Сарыголом образ волка, олицетворяющего зло; мы встречаем в произведениях, посвященных революционным событиям, в том числе в балладе «Правда» талантливого поэта С. Молдурга и в некоторых произведениях прозы и драматургии. В произведениях на политические темы все еще обильно встречаются абстрактные образы звезд, солнца, луны, соловья.

Некоторые произведения бывают написаны в небрежной форме, в будничной, однообразной интонации. Бывает и наоборот: внешний профессионализм, гладкость стиха скрывают бедность воображения, недостаточность культуры поэтического мышления. Иногда появляются и стихи поверхностные. Бывает и так: автор стремится к выражению возвышенных чувств, использует высокие слова, но это приводит к путанице, невнятности мыслей. В качестве примера можно назвать стихотворения «Моя поэзия», «Золотое зерно души», «Огонек надежды» А. Арапчора.

Наша советская действительность — главный источник идейно-тематического, интонационного обогащения поэзии. Поэтому преобладание анакреонтических, торжественных тонов вполне объяснимо. Но есть один вопрос к поэтам. Не забываются ли, не обходятся ли некоторые важные проблемы, требующие критического освещения? Вот, например, есть одна важная тема, которой почему-то никто не интересуется. Это — оживление старых обычаев, обрядов религиозного содержания. Здесь мы имеем дело с острыми идеологическими столкновениями, мимо которых литература пройти не имеет права. Эта тема даст возможность писателям показать формирование нового сознания, новых эмоций, рождающихся в ожесточенной схватке с миром старых психологий, привычек.

В области техники стихосложения, наряду с заметными сдвигами в сторону совершенствования, имеется ряд недоделок. Неосвоенными остаются «былинные размеры», многие строфические разновидности формы народного стиха.

Вот те недостатки нашей поэзии, на исправление которых необходимо направить усилия. Они незначительны по звучанию, по занимаемому месту в общей картине поэзии, но бороться с ними надо, иначе со временем они могут принести нежелательные последствия, отрицательно повлиять на процесс развития.

В целом тувинская поэзия постоянно развивается, обновляется. Она приносит людям радость, вызывает у них чувство гордости за свою Родину, чувство благодарности за заботу Коммунистической партии. Поэзия крепко стоит на позиции партийности и народности, совершенствуется по законам социалистического реализма.

ОТРАЖЕНИЕ В ТУВИНСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В дореволюционной Туве, когда у тувинского народа не было своей письменности, театра и литературы, огромную роль в удовлетворении художественных запросов аратов-скотоводов, в желании познать, осмыслить окружающую жизнь играло устное народное творчество. Произведения устного народного творчества оказывали воспитательное воздействие на трудящиеся массы, они согревали людей теплом надежды, мечтой о лучшей жизни, вселяли в них уверенность в свои силы в борьбе с угнетателями и завоевателями, вырабатывали в народе моральные устои.

Не будет преувеличением, если скажем, что сказители, хранители сокровищ народной поэзии, были лучшими, передовыми людьми своего народа, пользовались его уважением; в каждом аале, в каждой юрте сказитель был желанным гостем.

Осуществление в Туве культурной революции, важнейшей частью которой является создание в 1930 г. национальной письменности и ликвидация неграмотности, повышение общеобразовательного уровня всего населения, становление национальной интеллигенции, литературы и театра, издательского дела, создало новые условия для бытования фольклора. Как и раньше, фольклорные произведения доносят до слушателей сказители, продолжающие многовековую традицию. И, вместе с тем, произведения устного народного творчества, записанные собирателями, издаются и становятся достоянием всего населения республики, а не какого-то ограниченного региона, где живет сказитель, как это было раньше; переведенные на русский язык, они входят в сокровищницу советской интернациональной культуры. Таким образом, художественно-эстетическое и воспитательное значение фольклора и в наше время сохраняется. Особенно велико его значение как источника для познания исторического прошлого тувинского

народа, всего многообразия хозяйственной и общественной жизни и мировоззрения бывших кочевников-скотоводов.

Зарождение тувинского героического эпоса происходило в первом тысячелетии нашей эры, в те далекие времена, когда в жизни племен — предков современных тувинцев стали складываться феодальные отношения. Это не значит, однако, что созданные в древности образцы эпоса дошли до нашего времени без всяких изменений. В процессе своего более чем тысячелетнего бытования и развития они впитывали в себя, отражали в себе материальную и духовную жизнь народа как периода разложения патриархально-родовых отношений, так и более позднего периода — феодальных отношений.

В большинстве произведений тувинского героического эпоса выражены чаяния трудового народа о мирной жизни, его стремление обезопасить свою родную землю от врагов, сделать ее неприступной для врага; в них нашло отражение деление общества на антагонистические классы — военно-феодальную знать и высшее буддийское духовенство — с одной стороны, и крепостных аратов — с другой. В эпосе содержится осуждение ханов-захватчиков, ведущих завоевательные войны, воспеается героика повседневного труда скотоводов и охотников.

Мы остановимся здесь лишь на одной стороне богатейшего содержания героического эпоса — на отражении в нем древних представлений человека о себе и окружающей его природе.

«Низкое экономическое развитие прадисторического периода, — писал Энгельс, — имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве своего условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе». Эти ложные представления о природе, возникшие в человеческом уме в процессе борьбы с силами природы, в процессе добывания средств к существованию человека — как индивидуума и как члена определенного коллектива — легли, с одной стороны, в основу мифотворчества и, с другой стороны, вызвали возникновение определенного ритуала, служившего цели борьбы человека за существование с помощью иррациональных средств, т. е. вызвали возникновение религии и людей, присвоивших себе функции всего коллектива в совершении религиозных обрядов, например, шаманов.

Ограниченность мировоззрения трудового народа феодального периода, отражение этой ограниченности, проявлявшейся в сохранении религиозных представлений, отмечал Ф. Энгельс. Он писал, что «поэзия прошлых революций, за исключением «Марсельезы», редко производит революционное впечатление в позднейшие времена, так как для того, чтобы воз-

действовать на массы, она должна отражать и предрассудки масс того времени. Отсюда — религиозная чепуха даже у чартистов».

Эпос отражает возникшие в древности, но сохранившиеся в народе представления об устройстве Вселенной, о делении ее на три части. Действие в эпосе происходит как на земле, так и в других воображаемых мирах — верхнем и темном. Мир, в котором живет и трудится человек, носит обычно название «нижний мир», (алды өртемчэй) или «светлый мир» (чырык өртемчэй); в этом мире человека окружают различные сверхъестественные силы — духи-хозяева различных мест: гор, рек, озер и т. д.

В верхнем мире (үстүү оран), которого герой эпоса достигает с большими трудностями, живет Курбусту-хан. Владыкой темного мира (караңгы өртемчэй) является извечный враг человеческого рода Эрлик-хан.

Неверно отраженная объективно существующая действительность с течением времени, с приобретением жизненного опыта и знаний, в результате активного вмешательства человека в нее все более и более познается. Трудовой опыт и жизненная практика начинают понемногу побеждать, говоря словами Энгельса, «религиозную чепуху», вселяют в человека веру в его возможность господствовать над природой.

Именно в таком освещении предстает в эпосе борьба со сверхъестественными чудовищами, с владыками темного и верхнего миров. «Смысл сказок, — писал А. М. Горький, — сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силой слова, приемов «заговоров» и «заклинаний» повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы».

И в произведениях тувинского героического эпоса нашли свое отражение первоначальные иррациональные, первобытно-анимистические представления. Приведем несколько примеров.

В сказании «Мёге Шагаан-Тоолай» Сай-Куу кадын предостерегает своего сына:

«В этой тайге есть священная гора (ыдык тайга), на нее люди не ходят, даже предки твои не ступали ногой на эту землю и не видели ее. И ты, сын мой, не ходи туда».

Парень выслушал слова матери и подумал: «Что это такое «священная гора»? Вот бы посмотреть».

Той ночью он не ложился спать. В самую полночь надел на себя лук, опоясался поясом с колчаном, полным стрел, бегом взбежал на ближний хребет и стал искать священную гору.

Перед собой он увидел огромную желтопеструю гору, будто приподнятую от земли; ни дерева, ни камня на ней не было, ни кустика, ни травки на ней не росло.

Вдруг видит: та гора будто зашевелилась, затем встала и пошла, как живая. Она вырывала вместе с корнями дремучий лес и поедала его, словно траву. Это какое-то страшно сильное, могущественное существо было. Рога у этой необыкновенной горы-зверя, говорится далее в сказании, были пребольшие. Теми рогами было очень много народу погублено; на них были нанизаны убитые женщины с кымсарами и озукми для выкапывания лукович сараны, охотники-мужчины с луками и колчанами для стрел.

Парень решается убить «родственное зверю существо», пускает в него стрелу и убивает. Это был огромный марал. А когда подошел и разрезал брюхо этого марала, то «из него толпами вышли люди и стали расходиться: те, которые внизу кочевали, пошли вниз, которые вверху кочевали, пошли вверх».

Эта фантастическая сцена охоты на марала пропитана элементами реализма, взятыми из охотничьего быта и, с другой стороны, насыщена древними представлениями охотников о духах — хозяевах гор. В данном случае дух — хозяин горы предстает в образе марала.

Интересна одна деталь в описании охоты на этого огромного марала. Парень, упавший после выстрела из лука, прислушался: что-то сзади него зашелестело. Страшно ему стало. Когда обернулся и посмотрел назад, оказалось, что это была пола его короткой шубы из козьих шкур. «Да,— подумал он,— говорят, бывает что-то, называемое страхом, так это и есть, должно быть, страх».

Представление об огромном марале или о живой тайге, что сочетается здесь вместе, идет от тех времен, когда силы природы одухотворялись. Здесь представление о духе — хозяине горы слилось с представлением самой горы, как живой. Тайга была запретной для людей, священной, поэтому всех, кто пытался проникнуть в нее, чудовище-гора проглотило или прокололо рогами. Здесь нашел свое мифологическое объяснение страх людей перед неизвестными силами глухой тайги, перед силами природы. Много женщин и мужчин, уходивших в тайгу в поисках сараны и зверя, надо думать, погибали от хищных животных или, заблудившись в горах, не возвращались в свой аал. И воображение создавало образ живой горы-марала, вызывало страх и поклонение духам этой местности.

Персонажи, представляющие собой одухотворенные силы природы, имеются в сказании «Алдай-Буучу». Герой сказа-

ния Алдай-Буучу вместе со своими сыновьями сражается с Сыном земли Черзи-меге Даг-Иргеком. Это «огромный, как желтая вершина хребта в необозримой глазом желтой степи», человек. Разбуженный охотниками великан схватил их вместе с конями в ладонь и зажал в ней.

В этом мифологическом образе мы можем отметить две стадии в развитии и анимистических представлений. Во-первых, великан предстает перед нами в образе огромного медведя (имя его Черзи-меге Даг-Иргек переводится: пахнущий медлею медведь-самец). Это хозяин тайги, разгневанный посещением охотниками его угодий. Во-вторых, несмотря на имя, говорящее, что это великан-медведь, он предстает в образе великана-человека, вступает в борьбу с человеком и, побежденный, становится его побратимом.

В этом же сказании противником героя является чудовище Кара-Була-мангыс: «он слышит шорох на расстоянии месячного пути езды, чует запах человека на расстоянии езды в целый год... У Кара-Булы было два рога, которые вонзались в верхний мир. С одного боку пылало огненное пламя, с другого — трещал лед. На одном роге было нанизано тридцать мертвых богатырей, на другом — шестьдесят богатырей».

Он вместе с тем предстает и как человек, владеет определенной территорией и, побежденный Хан-Буудаем, становится, по обычаю, побратимом его.

Таким образом, зооморфные образы в мифологическом творчестве антропоморфизированы, наделены чертами, свойственными человеку.

Приведенные эпизоды из героических сказаний показывают могущество человека, его превосходство над силами окружающей природы. Они необходимо вели к разрушению немого, беспрекословного преклонения перед созданными на более ранних ступенях общественного развития сверхъестественными силами и, в свою очередь, являлись результатом рациональной человеческой практики и накопления знаний об окружающей природе.

Создавая художественные образы героев эпоса, народ использовал древние фантастические представления о своей собственной и окружающей его природе, но определенным образом переработал, переосмыслил их. Общий дух борьбы, характерный для эпоса, не ведет к обожествлению сил природы, а порождает в человеке веру в возможность победы над ними. В этом коренное отличие эпоса от шаманских мистерий, отдельные элементы которых имеют внешнее сходство с соответствующими эпизодами героических сказаний.

И эпос, и шаманские представления существовали одновременно. В одной и той же юрте можно было услышать героическое сказание и, в случае какого-либо несчастья, постигшего семью, можно было увидеть камлание шамана. И в том, и в других случаях — в художественных образах сказителя и в действиях шамана — собравшиеся представляли себе хозяина «темного мира» Эрлик-хана и тяжелый к нему путь, владыку «верхнего мира» Курбусту-хана или неизменно враждебных человеку Албыса и Шулбуса.

Однако камлание оказывало на человека совершенно иное действие, чем исполнение героического сказания. Мистерия, разыгрываемая шаманом, производила на людей угнетающее впечатление, она подавляла их волю, внушала им сознание бессилия человека перед природой. Эпос же, воспевающий богатырские подвиги героев, нес в себе жизнеутверждающую веру в безграничные возможности человека, в его способность одолеть все темные враждебные силы.

Развитие феодализма и распространение в Центральной Азии, в том числе и в Туве, ламаизма вызвало создание новых и частичное переосмысление древних образов эпоса.

В героических сказаниях встречаются в одних случаях краткие, в других — более подробные описания вотчин феодалов-теократов, монастырей (хүрээ, сүмэ), которые представляли собой крупные стойбища с большим количеством служителей культа и крепостных аратов, занимавшихся скотоводческим хозяйством.

Эпизоды, показывающие преднамеренную обработку народных произведений ламами, не связаны со всем ходом действия произведений героического эпоса, обособлены от развития единой сюжетной линии. Это можно проследить на примере героических сказаний «Танна-Херель» и «Мёге Шагаан-Тоолай».

Обычно в героических сказаниях герой совершает поездку в аал отца невесты, которая была сосватана по древней традиции иногда еще до рождения героя и за которую был внесен сой-белек — подарок в знак сговора о сватовстве. Но в сказании «Танаа-Херель» поводом для такой поездки была другая причина. Здесь Шан-хан, который от своих ста восьми жен не имел детей, просил покровительства и помощи у «почтенного ламы», и по его совету отправляет в далекие края за живой богиней — Алдын дангыной своего подданного Танаа-Хереля. По возвращении Танаа-Хереля домой со своей невестой, которую ламы объявили живой святыней, сто жен Шан-хана помолились ей и родили сто сыновей; восемь его жен отказались молиться «такой же, как они сами, женщине» и родили восемь щенков.

Весь этот эпизод лишь нарушает композиционную стройность произведения. Здесь явно прослеживается стремление ревнителей буддизма наложить на здоровое тело народного творчества печать обреченности человеческой судьбы и тем самым вызвать еще большую покорность аратов-скотоводов перед догмами и обрядами буддизма: тех, кто не поклонится буддийским «святыням», ждет якобы такая же участь, как и женщин, отказавшихся молиться женщине, которую ламы признали живой богиней. Распространение ламаизма в среде тувинского аратства встречало противодействие, и, надо думать, эпизод о рождении щенят женщинами, отказавшимися признать буддийскую святыню, призван был устрашить народ, побудить его к признанию ламаизма.

И в «Мёге Шагаан-Тоолае» в самом начале вклинивается эпизод, опять-таки навеянный буддизмом.

Умирающий старик Мёге Шагаан-Тоолай вызывает своего сына и говорит ему: «Есть такая страна, страна божественного благополучия (бурган-дываажан ораны), я теперь ей принадлежу». Далее он наказывает сыну: «За огромным желтым хребтом течет огромная желтая река, в устье ее раскинулась обширная желтая степь, а в середине той степи стоит огромный желтый монастырь (кода-хурээ) — это и будут владения великого ламы Колду-Бурхан-башкы. Там будут девять рядов привратников, они побегут следом за тобой и будут открывать ворота». Лама, приглашенный сыном умирающего старика, приехал и стал совершать обряд (ном-хүрүм).

Все эти сцены в эпосе отображают, по-видимому, то время, когда феодалы совершали вместе походы, набеги, а затем феодал-воин принимал монашеский сан и становился во главе монастырской вотчины. Эпос в ряде случаев показывает существовавшую в феодальной среде традицию перехода из светского сословия в духовное, отражая тем самым полный контакт между ламским духовенством и феодальной аристократией, свидетельствуя о принятии ламаизма в первую очередь представителями этой феодальной аристократии.

В основе одной из сторон буддизма лежит учение о том, что смерть есть переход человека из одной в другую форму существования, что человек не умирает, а перерождается снова в человека, в животного или достигает высшего совершенства и перерождается в будду в зависимости от того, как он вел себя в жизни. В тувинских героических сказаниях эта сторона ламаистского учения находит свое выражение в часто повторяющейся пословице. В случаях, когда жена героя отговаривает его выполнять опасные поручения хана, герой эпоса отвечает: «Если мужчина не будет хозяином данному им слову, то после смерти он переродится в черного быка с белой

лысиной на лбу». Или другой вариант этого, как видно, распространённого изречения. «Если мужчина не достигает намеченной цели, то, говорят, судьба у него такая: возродится он комылым старым быком, на котором возьят постель».

В приведенных эпизодах отражение буддизма в эпосе носит чисто механический характер; нет сомнения в том, что эти народные в основном своем содержании произведения подверглись обработке в феодально-теократических кругах. Эта обработка, выразившаяся во введении в произведения отдельных эпизодов ламаистского характера, не связанных с сюжетной линией развития действия, имела целью распространение догм и обрядов буддизма в среде трудовых аратских масс, создание ореола высшим служителям ламаистского культа и освящение господства феодалов.

Однако народ — истинный создатель эпоса — дал совсем иное отражение насаждению ламаизма и бытованию шаманизма в своей среде.

По древним представлениям шаманистов, извечными врагами человеческого рода являются коварные злые духи Албыс и Шулбус, которые живут в ущельях гор, в истоках речек и т. д. Они страшны на вид — с одним глазом на лбу, изо рта выбивается пламя, из носу — дым. Шаман, получивший дар камлания от этих злых духов, имел у себя в юрте сделанное из меди или из тряпок изображение их.

Албыс и Шулбус — частые персонажи в героических сказаниях. Причем они выступают в образе человека и наделены определенными социальными чертами, присущими ламаистской феодальной теократии. О них говорится, что живут они в богатом аале, в котором стоит ламская молельня (дуган). В сказании «Алдай-Буучу» аал Албыса и Шулбуса описан как «монастырь (кода-хурээ или кода-сумэ) ханов Албыса и Шулбуса».

Таким образом, перед нами явление синкретизма, слияния в одном персонаже древних анимистических представлений о врагах человека и нового явления — ламаизма. Это слияние элементов ламаизма и шаманизма не включает в себе противоречия и отражает период насильственного распространения среди тувинцев ламаизма. Народ противостоял в эпосе распространению этой религии и считал лам за таких же врагов, как Албыс и Шулбус в понятной ему шаманской мифологии.

Албыс и Шулбус — ханы, они богаты, владеют подданными. Они характеризуются как захватчики, разбойники. Народ в эпосе отождествил ламу и феодала, что практически и было в жизни. Антиламаистское и вместе с тем антифеодалное содержание героического сказания «Алдай-Буучу» видно из отношений героев эпоса к этим ламам-ханам: Алдай-Буучу и

сын его Хем-Буудай в единоборстве победили и уничтожили этих врагов человека.

На примере эпизода с Албысом и Шулбусом видно также, как в новых социальных условиях становления феодализма подвергаются изменениям древние представления о силах природы. Миф, зародившийся в период первобытно-общинного строя, в новых условиях меняет свое социальное содержание: Албыс и Шулбус здесь уже не злые силы природы, а враги — люди, наделенные определенными социальными чертами.

Как мы уже говорили, окружающий человека мир делится в эпосе на три части. В нижнем или светлом мире жил человек. В процессе своей практической деятельности по уходу за скотом, на охоте и т. д. он уже накопил определенный запас знаний, позволяющих ему правильно объяснять те или иные явления. В этом мире, населенном различными духами — хозяевами гор, лесов, рек, озер и т. д., он пользовался подчас и иррациональными средствами и с их помощью утверждал себя хозяином тех мест, где он жил.

В ряде героических сказаний (например, «Танаа-Херель», «Алдай-Буучу») много места отводится поездке героя в так называемый «темный мир» (караңгы өртемчей), детальному описанию этого царства Эрлик-хана и поездке к владыке верхнего мира — Курбусту-хану. Характерно, что в изображении этих миров человек перенес на них черты окружавшей его социальной действительности. Владыка верхнего мира Курбусту-хан и владыка темного мира Эрлик-хан изображены так же, как и властители на земле. Даже само имя, в состав которого входит титул хан, говорит о перенесении явлений, свойственных человеческому обществу в период социального неравенства, классового расслоения, на небожителей. «Факт человекоподобия богов,— говорил на Всесоюзном съезде писателей А. М. Горький,—одно из доказательств в пользу того мнения, что религиозное мышление возникло не из созерцания явлений природы, а на почве социальной борьбы».

В «Алдай-Буучу» конфликт героев эпоса с Эрлик-ханом возник из-за того, что владыка темного мира похитил молодую жену Хан-Буудая и увез в свои владения. От Эрлик-хана зависела жизнь людей: это его послы (в эпосе эрлики или элчи) похищали у людей души и обрекали их на смерть. Что же представляют собой владения Эрлик-хана? Если сравнить с христианскими представлениями о загробной жизни, то можно сказать, что потусторонний мир шаманистов-ламаистов, отраженный в эпосе, совмещает в себе и ад, и рай. Здесь также мы видим представления о возмездии в загроб-

ной жизни. В описании эрликовского царства явно прослеживается морально-этическая оценка тех или иных явлений в жизни общества. Морально-этические нормы, данные в эпосе при описании темного мира, способствовали сохранению их, воспитанию аудитории сказителя в духе этих норм.

Так Хан-Буудай, проезжая в этом царстве, видит наказанными людей, которые в жизни злословили, мужа и жену, которые жили в соре друг с другом («Живя в светлом мире, они бросали друг в друга черной грязью — ссорились. Вот эта грязь и стала горой между ними»), женщину, которая в светлом мире часто умывалась. И тут же показана, так сказать, райская жизнь: «На девятирядном белом ковре-олбуке отдыхала полная женщина — живя в светлом мире, она родила девять детей, вот здесь ей и почет».

Главная же идея эпоса в изображении окружающего мира состоит в том, что человек оказывается сильнее всех. Алдай-Буучу так перепугал этого устрашающего всех людей владыку темного царства, что тот взмолился о пощаде; Та-наа-Херель, как и Алдай-Буучу, также не боится Эрлик-хана и заставляет его трепетать перед своей силой.

Однако ограниченность мировоззрения создателей эпоса не позволили даже в художественном произведении последовательно провести идею о полном превосходстве человека над этими высшими божествами. Герой эпоса никогда не уничтожает владыку темного мира, извечного врага людей Эрлик-хана. Иначе и быть не могло. Люди не могли бы тогда объяснить явление, которое всегда привлекало их внимание — смерть человека. Создатели эпоса, в силу недостаточного развития материалистического сознания, мирились с существованием своего главного врага. Однако герой эпоса добивается своего бессмертия: перепуганный «Эрлик-хан вычеркнул имя Алдай-Буучу из своего списка, чтобы сделать его бессмертным, вечно живущим».

В верхнем мире обитает могущественный Курбусту-хан. С ним смело вступает в борьбу Хаа-Ченгей, один из героев сказания «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей». Хаа-Ченгей в поединке убивает из лука напавших на него сыновей Курбусту-хана, отразил все молнии, которые тот пускал в него, но самого «владыку всей вселенной» герой, простой смертный, не тронул. Курбусту-хан задумал хитростью известить богатыря, и Хаа-Ченгей выполнил опасные его поручения. Тогда, говорится в сказании, «испугался Курбусту-хан: этот человек победил самых страшных его врагов. Даже двое сыновей моих не могли с ним справиться. Этот человек бессмертен, нет силы убить его, — подумал хан.

— Я очень доволен тобою, сынок. Теперь возвращайся к

себе на родину,— перепуганный Курбусту-хан старался скорее отправить из верхнего мира этого сильного человека».

Как видим, герои эпоса не боялись вступить в борьбу с самыми могущественными, по мнению людей, богами и в конечном итоге брали над ними верх, этим самым как бы утверждая свою независимость и от этих самых главных и могущественных врагов человечества.

Есть основания предполагать, что прообразами для создания в эпосе, да и в верованиях народа, этих владык темного и верхнего миров — Курбусту-хана и Эрлик-хана, которые в дошедших до нас редакциях представляют собой, по существу, ламаистских божеств, обрисованных, кстати, и как феодалов, были персонажи древней мифологии, построенной на базе анимистических представлений.

Царство Эрлик-хана называется в ряде героических сказаний также и «страной чертей» (*аза ораны*)— злых духов, враждебных человеческому роду, которые были характерны для шаманских представлений и ритуала.

До ламаизма шаманы, по-видимому, не знали об Эрлике; была аза оран, страна существ, враждебных человеку, позднее она стала называться страной Эрлик-хана (или Эрлик-Ловун-хана), подданными которого являлись умершие люди. Эрлик-хан имел слуг — эрликов с козьими, овечьими, конскими головами. Все эти довольно отчетливые представления об Эрлик-хане и его царстве, о возмездии и перерождении сложились у людей под влиянием изображений царства Эрлика, выполненных красочно и эффектно в ламаистских монастырях — хурэ, ламаистских мистерий и книг, деятельности ламаистской церкви.

Интересно описание в эпосе Курбусту-хана — божества, обычного для буддийской мифологии. Приведем небольшой эпизод из сказания «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей». Хаа-Ченгей, один из младших героев сказания, победив сыновей Курбусту-хана и отразив пущенные им стрелы-молнии, поднимается в верхний мир. «Вот он едет по огромному желтому хребту. Вдруг конь его остановился.

Хаа-Ченгей спрыгнул с коня и упал перед ним с правой стороны на колени:

— Конь мой неутомимый, почему ты остановился?

— Как ты думаешь, что это такое, что за хребет, по которому ты едешь?— спросил конь.

— Я думаю, что это желтый хребет вселенной.

— Нет,— ответил конь,— это не желтый хребет вселенной. Ты едешь по хребту Курбусту-хана, владыки всей вселенной.

Хаа-Ченгей сел на коня, съехал с хребта и поехал вверх

по его склону. Подъехал к началу хребта и видит: лежит голова могучего старика с большущими усами». И далее следует разговор Хаа-Ченгея с этим стариком.

Здесь Курбусту-хан определенно представлен как же, как и в приведенной выше сцене с хозяином тайги, огромным маралом, в соответствии с древними анимистическими представлениями шаманистов о сверхъестественных силах природы.

Таким образом, исторически имевший место в социальной жизни средневековой Тувы процесс насаждения ламаистской религии, синкретизм явлений ламаизма и шаманизма в определенной сфере мировоззрения тувинского народа нашел яркое отражение и в тувинском героическом эпосе. Героические сказания о богатырях достаточно полно отразили не только явления хозяйственной и общественной жизни народа, но и проникновение в древние иррациональные представления об окружающей человека природе элементов ламаизма, а также заимствование им многих сторон шаманского мировоззрения и ритуала.

Проделанный нами краткий анализ содержания тувинского героического эпоса, точнее—отражения в нем бытовавших в народе религиозных представлений, показывает, каким богатейшим источником является фольклор для восстановления жизни тувинского народа в прошлом, его мировоззрения.

Эпос, порожденный самой жизнью, передает в высокохудожественных образах-обобщениях всю сложность общественных отношений и борьбы двух антагонистических идеологий. Несмотря на то, что в отдельных проявлениях произведения эпоса несут на себе следы исторической ограниченности, идеологического воздействия господствовавших классов, их религии — ламаизма, в целом в эпосе заложены тенденции материалистического мировоззрения народа.

Витольд
САПЕЛЬЦЕВ

ЧТО ТЫ ИЩЕШЬ В МУЗЫКЕ!

«Музыка есть радость души».
Г. Лейбниц.

Пожалуй, самый трудный вопрос, который обычно задают музыканту, это — как слушать и понимать музыку. И как часто в этом вопросе звучит искреннее сожаление человека, сознающего известную неполноценность собственной личности! Но наверняка понятно, что заданный вопрос относится к определенной категории музыки, которую принято называть серьезной, классической. Что же касается музыки повседневности, так называемой бытовой музыки, то вопрос о ее понимании, в общем-то, никогда не поднимается. Считается, что она всем доступна и понятна. Наверное, так оно и есть. Ведь в праздничные дни буквально всех воодушевляют, как-то внутренне собирают и активизируют звуки маршей.

Если говорить о песне, то каждый из нас с большим или меньшим энтузиазмом поет почти все известные песни — было бы настроение. И танцевальную музыку все слушают тоже с удовольствием. А вот когда представляется возможность выбора между концертом серьезной музыки и эстрадой, не будем скрывать, что большинство предпочитает послушать уже знакомых исполнителей популярных песен. И тогда поднимается вопрос о вкусах: «Мне эстрада больше нравится» или еще что-либо в этом же роде. Ну, а если здесь подойти потоньше, одинаково ли хорошо нам знакомы эти две разные, взаимно дополняющие друг друга области музыки? О вкусах ли идет речь? В подавляющем большинстве таких случаев понятием «вкус» подменяется понятие консерватизма, этакой инерции покоя сознания. К сожалению, подобную косность человек сохранил еще во многих областях жизни. Но время, новое время взрывает старые каноны, старые мерки жизни. И слушатель, еще не пришедший, еще не согретый огнем большого музыкального искусства, задает свой первый и главный вопрос: «Как слушать и понимать музыку?» Не праздное любопытство, а потребность, которая пока что роб-

ко просится в жизнь — вот истинная причина вопроса. Причем, эту потребность уже не удовлетворишь модным шлягером или гитарным перезвоном. Вкусив от бездны настоящих впечатлений, от музыки, новообращенный жаждет повторить уже это, новое, сильное ощущение, как будто знакомое, по всегда яркое и новое. Так в жизнь входит еще одна форма познания жизни, через которую познаешь прежде всего себя, мир своих чувств, подслушанных и гениально высказанных композитором. И потом уже нет спасенья от музыки, кажется, что она во всем: в гармонии человеческого лица, в ритме города, в молчании гор, в шорохе космоса. И тогда приходит другой вопрос: «Что подвластно музыке?» И должно человеку знать ответ, этого требует дружба человека с музыкой, дружба, проверенная многими тысячелетиями.

Сегодня уже не секрет, что музыка активно влияет на организм человека: воздействует на ритм и глубину пульса, изменяет химический состав крови, тонизирует или угнетает нервную систему (мы воспринимаем это как изменение нашего настроения). Все это нынче стало известно в результате наблюдений и исследований при помощи совершенной аппаратуры. Но, оказывается, влияние музыки на психику человека не только было давно известно, но и широко использовалось с самыми различными целями. Вот тут мы вступаем на путь целых систем, которые еще не имеют, к сожалению, полновесной научной обоснованности. Итак, факты, факты...

В отличие от литературы, живописи, скульптуры и архитектуры музыка наших отдаленных предков не оставила следа в виде потных или иных записей. Но исследователям необходимо знать, с чего начиналось музыкальное искусство. И тогда было решено «подсмотреть», как же живут самые примитивные племена на нашей планете, какова их «музыкальная» жизнь. Ведь в принципе эти люди находятся на самых ранних стадиях формирования того, что мы называем человеческим обществом, личностью. Они как будто в наши дни переживают наше «детство». И вот здесь ученые услышали, что поют эти люди, для чего им нужна их примитивная музыка.

Ночь в джунглях Цейлона. У костра — группа дикарей — «лесных охотников» ведда. Слышатся пение и выкрики — ведды готовятся напасть на ульи крупных горных пчел. Все громче жужжание встревоженных пчел, и все темпераментнее движения и выкрики охотников. И когда пение достигает наивысшего напряжения, на камышовую лесенку встает резак меда. С факелом в одной руке и деревянным зубчатым

ножом в другой он поднимается к улью в окружении разъяренных пчел, укусы которых часто смертельны. Трещат факелы, на все лады гудит улей, но все звуки перекрывает песня. Да, охотник поет, хотя минута требует крайнего напряжения всех душевных и физических сил. И именно песня, музыка дает ему необходимый заряд душевной энергии, заставляет забывать об укусах.

Еще пример. Африка. Саванна. Охотники племени масаи готовятся к охоте на львов. Обряд подготовки состоит из песен и плясок. И вот уже пляски и пение становятся все более и более неистовыми. В крайней стадии возбуждения охотники бросаются на львов. И хотя вооружены масаи только щитами и копьями, храбрости их нет предела: они буквально не чувствуют боли страшных ран от когтей и зубов хищников.

Или еще. Буквально до наших дней дошло «искусство» шаманов. То же самое, довольно монотонное, но ритмически организованное пение с движениями, постепенно ускоряющееся и доводящее исполнителя до экстаза. С одной стороны, это, конечно, обман соплеменников, основанный на религиозных чувствах, с другой стороны, это какое-то «самоопьянение» музыкой, ритмом, движением.

Сразу приходят на память многочисленные репортажи наших зарубежных обозревателей о танцевальных и концертных побоищах, вызванных ультрасовременной джазовой музыкой. Как сенсация, обходят страницы газет сообщения об обмороках и даже смертных случаях во время таких «конcertов», о своеобразной музыкальной «наркомании», которой подвержена значительная часть молодежи Запада.

Что это? Музыка — наркотик или гипноз? Науке еще предстоит найти механизм воздействия музыки на человеческую психику, а это в свою очередь сделает музыку могучим помощником человека.

Шагали по планете тысячелетия, сменяли друг друга общественные формации. Жизнь обогащала человека разумом, сна же совершенствовала и мир его чувств. Рядом с другими формами искусства развивалась и музыка. Уже в весьма древние времена определилась ее двойственная сущность: при рождении своем музыка как будто впитывает определенный комплекс чувств, переживаний, при прослушивании она уже сама возвращает мир вложенных в нее эмоций. Значит, прежде чем выяснить, каковы возможности музыки, надо попытаться узнать, что она может вместить, чем наполняет ее окружающий мир.

«...Музыка многомысленна. Вы можете вкладывать в нее различное содержание, смотря по строю своей собственной души. Только одно несомненно (если мы будем говорить о настоящей музыке): она необыкновенно благородна, необыкновенно глубока и все — скорбь и радость, мечту, порыв, волю — превращает в чистое золото необычайно напряженной и в то же время спокойной красоты».

А. В. Луначарский.

Да, вначале музыка была искусством народным. Даже тогда, когда она отделилась от трудовых процессов и когда ее эстетическое начало определилось как форма эмоционального отражения окружающего мира, в основе музыки лежали закономерности, найденные народными творцами. О чем пел народ? За примером можно обратиться к музыке тувинцев — это нам близко. Только сразу стоит оговориться: в нашем разговоре всегда на первом месте будет стоять музыка, а не тексты, выразительность и содержательность именно музыкального языка.

Раскроем «Тувинскую народную музыку» А. Н. Аксенова. Около ста песен, записанных автором антологии в разное время, разнесено в несколько разделов. Круг забот и интересов определил и круг образов, раскрытых в этих песнях. Прежде всего — это родной край. Нам не нужно рассказывать, как различны природные условия Тувы, где жемчужина республики — красавица Тоджа лежит рядом (масштабы Тувы позволяют употреблять это слово) с краем песчаных барханов и верблюдов. Но в любом уголке республики вам прежде всего споют о прелестях родного местечка (хотя оно может оказаться и солончаковой степью). Это естественно, подобное чувство патриотизма известно каждому из нас. Есть здесь песни и о тяжелой доле некогда вымиравшего народа, есть лирика, наконец, несколько песен героического содержания. Далее большой раздел знакомит нас с песнями освобожденного арата, хозяина своей жизни. Но, повторяю, разделение песен зависело от текстов. А теперь вслушаемся в напевы. И мы услышим подчас удивительные вещи: у песни, светлой по тексту, может быть грустная мелодия, героические слова о Шестидесяти богатырях записаны с медленным напевом явно лирического характера. И таких примеров много. Может быть, допущены ошибки при записи? Нет, все правильно, так их в тот момент спел исполнитель. А в другой раз с этими же словами вы услышите совсем другой по характеру напев. И это тоже будет правильно. Может быть, певцу все равно, какой взять напев? Перед нами явле-

ние, отмеченное исследователями как обязательный этап на определенной ступени развития музыкальной культуры каждого народа. Действительность, подчас суровая, вызвала к жизни разнообразные по содержанию тексты, тем самым закрепив в истории разумное, сознательное отношение тувинцев к некоторым сторонам окружающей их жизни. Подбор напева (или сочинение нового) при исполнении обычно зависел от настроения исполнителя. И он не видит разницы, ибо каждая мелодия—это опять же закреплённая в истории форма эмоционального отношения народа к жизненным явлениям. Здесь же можно заметить, что у тувинцев очень мало напевов скорых, резвых по характеру. Кстати, вы обратили внимание, что тувинский народный танец рождается только сейчас, в наши дни? А теперь присмотритесь внимательно к поведению тувинцев старшего поколения и вы сразу увидите, что веками выработанная невозмутимость, склонность к размеренному, неторопливому укладу жизни, идущие из недалекого феодального прошлого тувинского народа, и есть та ровная, внешне спокойная реакция на бесконечные заботы и тяготы жизни. Вот они истоки задумчивой, временами грустной, но обычно философски спокойной мелодии тувинских песен! И как противопоставление — вспомните о темпераментной, полной огня и движения музыке народов Африки и Южной Америки, народов, даже в последние четыре столетия жестокой эксплуатации рабства не утративших чувства внутренней, духовной свободы.

Но ушли в прошлое и феодализм, и бурные дни становления народной власти. Жизнь, новая и радостная, наполнила песни тувинцев новым содержанием. Ясно, что прежде всего это заметно по текстам. Но вы вслушайтесь в новые напевы и вы сможете уловить новые настроения в народной песне. Это — упругая, волевая мелодия песни «Агитатор», это — радостная скороговорка напева «Адар-Тоштен». Вот оно новое, эмоциональное отражение современной жизни орденской республики. Вот это и есть первый ответ на вопрос о содержании музыки — в данном случае народной: жизнь, как ее чувствуют простые люди.

Пестрой вереницей бежали по планете столетия. Первоначально-общинный строй последовательно сменялся рабовладельческим, феодальным, капиталистическим, в ряде стран уже наступил социализм. И при постепенном разделении общества на социальные группы обогащалась и расширялась роль музыки. При этом каждая такая группа как будто брала «на вооружение» определенный вид музыкального искусства, культивировала и развивала его. При этом нужно помнить, что народная музыка, зародившись в самые отда-

ленные исторические времена, развиваясь и видоизменяясь, прошла через все общественные формации, сохранилась в наши дни и будет существовать всегда как возможность эмоционального отражения окружающего мира.

А теперь сделаем попытку выяснить, каким же содержанием наполнялась музыка в зависимости от ее назначения. И таким образом мы рассмотрим музыку культовую, бытовую и серьезную, часто называемую классической. Но помня, что у музыки всегда должен быть слушатель, мы возьмем обыкновенного среднего человека, не обязательно меломана, но достаточно развитого, чтобы просто интересоваться тем, что хорошо и интересно, и проведем его по возможным жизненным ситуациям, связанным с музыкой. Посмотрим, что же он может от музыки получить.

— А не сходить ли нам в церковь, говорят, там красиво поют, да и вообще интересно: служба, красочные иконы. Кстати, сегодня и праздник престольный,— скажет наш слушатель своей подруге однажды, и они, как в музей, отправятся в церковь. А там и действительно служба. Уже во дворе, где толпятся прихожане и любопытные (места в храме не хватило), слышится густое, торжественное пение. Они подошли поближе. Пение как будто стало громче, взволнованнее. Теперь ясно слышно, как стройное звучание хора перекрывает один мощный голос, звенящий, как тревожный набат. Медленно и осторожно пробираются наши слушатели в самый центр храма. В душном воздухе чувствуется сладковатый запах ладана, пение стало объемным, окружило со всех сторон, оно как будто исходит от сумрачных лиц на иконах и росписях. А вот и сам дьякон, чей голос гудит с такой неземной страстью. Красивое лицо нахмурилось и покраснело, покраснела и, кажется, дрожит от напряжения крепкая шея могучего певца. А голос-то, голос какой! При такой-то мощи вы различите в нем и напряженность звенящего металла, и высокое благородство красок.

— Здорово!— скажет слушатель.— Какая красота, какие силы поставлены на службу тому, кого нет на самом деле!

Верно, бога нет, а религия существует тысячелетия, переживает кризис и взлеты, социальные катаклизмы и гонения, но существует во всех формациях, ибо в каждом строе, кроме социалистического и коммунистического, есть класс, для которого выгодно, подчас необходимо содержать религию в качестве нравственной узды для угнетаемых классов. А чтобы религия нравилась, церковь давно взяла «на службу» все виды искусства: и архитектуру, и скульптуру, и живопись, и музыку «Храм божий должен стать самым лучшим, самым приятным, а значит и самым нужным местом на земле для человека», —

говорят церковники. И не только говорят. Делают, и весьма неплохо. Ведь от этого зависит количество верующих, значит — количество дохода, а значит, и само существование религии. И тут-то музыка — и пение, и хор, и орган — одно из важнейших средств. Спокойная, величественная, часто скорбная, она отстраняет все лишние мысли и чувства, объединяет всех молящихся в одном настроении — скорби или радости, приводит в состояние благоговейного экстаза. «Никто так не возвышает душу, ничто так не окрыляет ее, не удаляет от земли, не освобождает от телесных уз, не наставляет в философии и не помогает достигать полного презрения к житейским предметам, как согласная мелодия и управляемое ритмом божественное песнопение», — говорил Иоанн Златоуст (ок. 350—407 годы), крупнейший представитель греческой церкви. Для такого эффекта церкви нужны хорошие музыканты, певцы, художники. При этом «наместники бога» зорко следят за рынком моральных ценностей, чтобы не отстать от вкусов «потребителя религии».

Всем вам попадались на глаза журнальные фотографии «модерновых» храмов божьих кубической, конической и иной, весьма нетрадиционной формы. Модернизируется и музыка, ряд церквей «свободного мира» прибегает к услугам джазовой музыки. Какая уж тут благоговейность, не растерять бы паству и доходы.

— «Так все-таки хорошо это или плохо — церковная музыка?», — спросит растерянный слушатель.

В самой церковной музыке тоже есть разделение. Музыка, написанная специально для служб, вне церкви не исполняется. Но иногда звучат произведения, написанные знаменитыми композиторами. Немецкий композитор И. С. Бах, французский композитор С. Франк, венгр Ф. Лист, русские композиторы С. И. Танеев, С. В. Рахманинов писали музыку на религиозные сюжеты, некоторые из них работали органистами в церквях. Но интересная вещь, даже наиболее церковные сюжеты, — например, страдания и смерть Христа, — эти композиторы трактуют глубоко человечески, для них библейские святые — только люди, разделяющие человеческие страдания на земле. Могучий талант композитора-человека оказывается здесь выше даже искренних религиозных заблуждений. А значит, это уже не церковная, а общечеловеческая музыка, так же как многочисленные полотна всемирно известных живописцев на те же религиозные сюжеты.

Окончен день труда, настало время отдыха. Свой досуг наш слушатель может посвятить беседе с друзьями, чтению книг, он может сходить в кино или театр. Случайно или нет,

но у него сегодня случилось желание просто отдохнуть, поэтому он включил транзистор и из вороха передач выбрал эстрадный концерт. И в комнате мягко зазвучали песни и танцы. Хорошо мечтается под такую музыку! Как будто отошли на далекое расстояние все проблемы и заботы. На сердце легла ласковая теплота и истома. Потом запел саксофон, мелодия была такая печальная, она звала на помощь, волновала, даже тревожила. Но и эта музыка ушла, ее сменил веселый, задорный танец. Ударные инструменты как будто торопились высказаться под дружные вздохи тромбонистов и саксов. Лукавая мелодия металась от одного инструмента к другому, музыкальная пьеса веселила и радовала. В это время зазвонил звонок и нетерпеливо застучали в дверь. Это пришла она. Она тоже торопилась выложить ворох своих новостей. И теперь на задний план отошла музыка: Ее Величество Жизнь снова требовала всего нашего слушателя.

Сценка, подсмотренная нами, рассказала, каким иногда бывает общение с бытовой музыкой. Право, по своему музыкальному содержанию она, может быть, и не заслуживает фундаментальных исследований, но есть одно но. Эта музыка звучит значительно больше время, чем всякая другая, она имеет самое большое число приверженцев, значит, качества бытовой музыки (иначе говоря, музыки ежедневного потребления) — это качество вкуса нашего слушателя, на этой музыке возвращенного. Выходит, есть смысл в ней разобраться.

К бытовой мы относим музыку, предназначенную для отдыха, для развлечения. Казалось бы, любая музыка справится с такой наипростейшей задачей. Это неверно. Она должна быть несложной по форме, небольшой по размерам, непременно доброкачественной по музыкальному материалу. Сюда мы относим всю танцевальную музыку, эстрадные песни, небольшие пьесы для эстрадных и джазовых ансамблей, а также песни, созданные любителями музыки, в том числе и современное песенно-гитарное творчество. Историки выделяют музыку придворного обихода, подчас сочиненную общепризнанными талантами (Бахом, Генделем, Гайдном, Фоминим и другими), а рядом с этим отмечают, в частности, рождение в России (17—18 век) городского бытового романса, чудесным образом соединившего мелодизм народной русской песни с трогательной чувствительностью мещанского сословия. Слушатель наш и сейчас не устает напевать гибкую и ласковую мелодию Варламова на слова Н. Цыганкова:

«Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

От исторических условий и от степени талантливости поэта и композитора зависело движение вперед этого на редкость

многогранного жанра. Иногда произведения бытовой музыки становятся классическими, может быть, даже против ожидания композитора. Так случилось со многими фортепианными пьесами Чайковского. Вот что написал он в письме к композитору Тансву после создания шести пьес для фортепиано по заказу издателя Юргенсона (среди них — известные «Ната-Вальс» и «Сентиментальный вальс»): «Написал я их исключительно ради денег, каюсь в этом и потому убедительно прошу Вас не удивляться пустоте и дряниности их». Нам остается негодовать по поводу чудовищных условий жизни, когда создатель гениальных опер и симфоний вынужден был размещаться на незначительные по содержанию пьески, спасенные для истории и для слушателя лишь гениальным мелодическим даром композитора.

Выше мы оговорили непременно для легкой музыки доброкачественность музыкального материала. Действительно, музыка эта должна быть приятна, ей должны быть чужды однообразие и монотонность. Основное содержание ее обычно заключается в ее настроении. Это понятно из музыки и слов, если это песня, или просто из самой музыки, когда это инструментальная пьеса. Вот потому-то наш слушатель также легко отключился от нее, как и подключился. Она может легко увлечь, зажечь, поднять настроение, но она легко и улетучивается, ведь мы воспринимаем ее помимо сознания, точнее, без видимых мыслительных усилий. Потому-то такую музыку начинают использовать как приятный фон в цехах на разных предприятиях, чтобы отвлечь внимание, снять трудовое напряжение.

— «Ну и что было разбираться в бытовой музыке? — спросит слушатель. — Слушай ее всю да отдыхай себе».

Нет, любезный, ответим мы, не вся она выдерживает проверку на сортность. Мягко говоря, народная и бытовая музыка — это этап, ступенька в музыкальном развитии нашего уважаемого многомиллионного слушателя. Ступенька, с которой он шагнет в мир высоких замыслов и свершений, в мир огромного всечеловеческого чувства, выраженного серьезной и глубокой музыкой. Ведь не весь век свой будет он мухой кружить в мире вечного и безысходного быта! Захочется и ему воспарить орлом, чтобы хоть на миг окинуть взглядом беспредельное величие мира с его громовыми страстями. А постигнет он это тогда, когда встревожит его мудрая мысль Льва Толстого, глубоко скрытая тоска пейзажей Левитана, щемящая душу скорбь музыки бесприютного Рахманинова. А какая она, эта ступенька? Может быть, это архибодренький «Черный кот» или дурно пахнувшие «Ландыши»? А может

быть, до гиганта Бетховена надо идти через кладбищенскую «лирику» Высоцкого и ему подобных? «А что, модно, современно»,— скажет кто-то. Да, много образцов творчества гитаристов дышит неподдельной романтикой поиска и подвига, авторы их и суровы, и лиричны. Это — тексты. Ну, а музыка? Почему с гитарой в 18—19 веке в городской быт пришла преобразованная народная песня, а в 20 веке в наш быт гитара принесла интонации и манеру исполнения, знакомые нам по репертуару некоторой части людей? Не сказался ли во время творческого процесса созидания крайне низкий общекультуральный уровень их авторов? Так куда же он придет по этим «музыкальным» ступенькам, наш бедный слушатель? Значит, и в развлекательной музыке край есть, и она требует вкуса и меры, ведь за этой нашей музыкой стоит наше сегодня, в котором мы сами хозяева. И лучшее завтра тоже нам делать, руководствуясь своим вкусом, своими критериями разумного и прекрасного. И все это через подобную «музыку»??!

Ну вот, наконец, и открыла свой очередной сезон филармония. Вообще-то наш слушатель мог этого и не заметить, но город небольшой, свободное время требует заполнения, а тут еще и природный интерес ко всему новому или незнакомому. Вот так и были приобретены два билета на лекцию-концерт «Композиторы «Могучей кучки».

Вот и наш старенький зал. Кажется, все здесь так же, как всегда. А впрочем, что-то не совсем так. Что же? Может быть, публика, она сегодня немножко другая, чем та, которую мы уже встречали на эстрадных концертах. Нет веселого оживления, нет ярких нарядов и броских причесок. Все как-то строже, торжественнее, да и народ-то во многом другой, чем на тех концертах. А что, в этот храм искусства зритель и слушатель собирается как на некое таинство, таинство посвящения в соучастники великого искусства. Слово «развлечение» тут, пожалуй, не подойдет. Ну что ж, посмотрим.

Оркестр на сцене занял свои места, уселись и слушатели, и лектор начал свой рассказ. Первоначальное любопытство слушателя вскоре перешло в интерес. Трудно сказать, что сыграло роль, может быть, новые и разнообразные факты, может быть, неуловимая логика, которая нанизывала на нить рассказа все исторические закономерности, сделавшие неизбежным такой бурный расцвет русской культуры, в том числе и музыкальной — именно шестидесятые — семидесятые годы прошлого века. А может быть, сам характер разговора со слушателем, даже не разговора, скорее беседы. Но только уже немного времени спустя слушатель почувствовал себя почти реальным участником давно минувших дней «бури и

натиска» в русском искусстве. Мусоргский и Перов, Бородин и Васнецов, Римский-Корсаков и Куинджи сошли с пьедестала недосягаемости. Раньше их имена были символом чего-то далекого и неопределенного, сейчас же эти имена воплотились в живых людей с их страстями и привычками. И слушатель инстинктивно почувствовал, что, будь он сам на месте этих художников и композиторов, он так же остро чувствовал бы свой долг перед русской природой, перед униженным, согнутым, но не сломленным русским народом. Долг, заставляющий отдавать все силы, всю жизнь борьбе за счастье простых людей.

Потом была музыка, много музыки. Удивительное дело, совсем недавно звучание симфонического оркестра и оперные арии оставляли слушателя равнодушным. Сейчас же ария Бориса Годунова была ему предельно понятна, он даже искренне сочувствовал несчастному царю, которого так терзала совесть за совершенные злодеяния. Но главное — сама музыка, которая говорила гораздо сильнее слов. Словами никогда не передать те душевные муки, которые выдавала музыка. Мурашки у него побежали по коже, когда певец сдвинутым голосом спел, нет, не то слово, выдохнул: «И даже сон бежит. И в сумерках ночи дитя окровавленное встает». Ничто из увиденного, прочитанного или услышанного ранее не производило на него такого острого впечатления.

А концерт продолжался. Могучие возгласы «Богатырской» симфонии Бородина уже невольно вызвали в памяти мощные фигуры «Трех богатырей» Васнецова. Музыка неслась вперед, радовала и увлекала слушателя за собой, наполняла сердце гордостью за такой могучий и талантливый народ.

На улице было тихо, как обычно бывает после захода солнца. Но в ушах стонало, билось море, бурное и нетерпеливое. Пожалуй, таким слушатель видел его только в кино, а вот теперь музыка «Шехеразады» Римского-Корсакова воскресила эту забытую картину бушующей стихии.

Отдохнул ли он, наш слушатель, на концерте? И да и нет. Музыка отвлекла его от больших и малых забот, всколыхнула картины и переживания, ушедшие в прошлое. Но музыка заставила снова и горячо переживать это прошлое, помогла вспомнить и по-новому связать многие сведения, полученные ранее. И эта работа чувств и мыслей не прошла бесследно, как не проходит бесследно волнение от встречи с дорогим человеком. Откладываясь, эти впечатления создают нравственное и эмоциональное богатство природы, столь необходимое для полноценной жизни. О необходимости накопления такого богатства знали еще и в древние времена, но, пожалуй, ни-

кто не сказал об этом лучше естествоиспытателя Чарльза Дарвина: «...если бы мне пришлось вновь пережить свою жизнь, я установил бы для себя правило читать какое-то количество стихов и слушать какое-то количество музыки, по крайней мере раз в неделю; быть может, путем такого постоянного упражнения мне удалось бы сохранить активность тех частей моего мозга, которые теперь атрофировались. Утрата этих вкусов равносильна утрате счастья и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее — на нравственных качествах, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей природы».

«...Музыка способна оказывать известное воздействие на этическую сторону души; и раз музыка обладает такими свойствами, то, очевидно, она должна быть включена в число предметов воспитания молодежи».

Аристотель.

Вот мы и выяснили, что может найти, открыть для себя слушатель в музыке. Мир ее поистине разнообразен и безграничен. Но есть одно чудо у этого величайшего из искусств. В отличие от живописи и скульптуры, которые воздействуют на наши чувства и настроение ассоциативным путем, через сравнение с образами природы и всем, что было видно раньше, музыка минует этот путь. Она непостижимым образом сразу, без всякой подготовки, минуя разум, вторгается в мир наших эмоций и подчиняет их себе. Войдя в человека как легендарный Троянский конь, она способна изменить или усилить любое чувство, не спросив об этом самого слушателя.

И вот эту всепобеждающую силу музыки люди заметили уже очень давно, когда еще не было возможности дать ей материалистическое толкование. Поэтому музыке приписывали магическую силу, владеть которой могли лишь мифические герои. Вспомните о Сиренах, своим сладостным пением лишавших воли и разума нечаянных путешественников, завлекавших их к себе на остров и пожиравших их (миф об Одиссее). Пожалуй, самой популярной можно назвать легенду об Орфее. Библейская мифология также донесла до нас имя Давида, полубогородного царя, музыкой усмирявшего диких зверей.

Платон сравнивал музыку с гимнастикой, с той только разницей, что гимнастика развивает и воспитывает тело, а музыка — душу. Удивительно, что здесь музыка понимается как нечто телесное, материальное. Страны Востока, тоже известные своей высокой культурой в древности, давали музыке

толкование, сходное с античным. По утверждению философов Востока, музыка приводит в равновесие пять добродетелей: человечность, справедливость, воспитанность, предусмотрительность и искренность.

И снова бегут по земле века, завершая одни и начиная другие эпохи. Земля наполняется все новой и новой музыкой, потому что не может без нее человек любить, страдать, мечтать и побеждать. И в каждой эпохе, в каждой стране философы, что осмысливают смысл и цели человеческой жизни и общества, выделяли музыку как орудие нравственного воспитания человека, признавали ее таинственную силу. От музыки требуют только эстетической полноценности.

«Свободная Америка» ничего не делает, чтобы стимулировать развитие серьезных музыкальных вкусов своих граждан. Опера и симфонические концерты давно не собирают слушателя, хотя бы для обеспечения деятельности этих коллективов. В то же зремя совершенно типичной американской продукцией наводнены музыкальные рынки большинства европейских стран, и все это — музыкальные подделки всех мастей и оттенков серости: новые идолы голоса и старые ритмы псевдоджаза. Пой, слушай, веселись, молодежь, пусть твои чувства будут в руках дельцов от музыкальной индустрии. И пусть подольше в твоей душе не будет места для гражданских чувств!

Такая же «свободная» Западная Германия. Страна Баха и Бетховена. Почему в процентном исчислении военные марши стоят (и давно!) на первом месте среди выпускаемых пластинок? Почему в последние годы в несколько раз возросло потребление маршей Третьего рейха? А может быть, не почему, а для чего? Для чего в школах учат по довоенным картам? Для чего обеляют фашизм (а вместе с ним — и его музыку)? Роль музыки — неизбежно навязанная государственной машиной как орудие идейного и политического воспитания — не требует комментариев.

А что мы противопоставляем этим фактам? Мы — тоже за музыку и тоже для воспитания. Нам нужен человек сильный, способный к борьбе за себя, за своих близких, за все человечество, к борьбе со злом, с жестокостью. Но в этой борьбе человека должны вдохновлять светлые идеалы добра и человечности. Пусть звучат ласковые, грустные и радостные песни о природе и людях, о счастье и любви. Пусть оперы и симфонии великих классиков и наших современников воскресят в нашей памяти суровые битвы с поражениями и победами, битвы за идеалы человеческого счастья.

«Музыка часто внушает мне глубокие мысли. Слушая ее,

я испытываю огромное желание творить...», — писал французский художник Эжен Делакруа в своем «Дневнике». И пусть музыка эта для каждого из нас совершит свое не последнее чудо — пусть удивит, обрадует, покорит и сделает вдохновенным творцом. Идет новая жизнь, в которой вечный спутник и друг человека — музыка — снимет, наконец, свою таинственную маску, исцелит больных и слабых духом, наполнит душу человека светом и счастьем.

ВРЕМЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ

Писатели, ученые, артисты, журналисты и другие работники культуры и искусства нашей республики собрались в этот декабрьский день в зале Научно-исследовательского института языка, литературы и истории, чтобы отметить 70-летие со дня рождения и 40 лет творческой деятельности одного из зачинателей тувинской литературы, Героя Социалистического труда Салчака Калбакхорекевича Токи. Много теплых слов о его литературной деятельности было сказано.

Литературный вечер открыл председатель Правления Союза писателей Тувинской АССР О. О. Сувакпит. Сказав несколько слов о высоком долге литератора в наше время, о том, какие грандиозные задачи поставлены перед писателями всей Советской страны, а значит, и перед писателями Тувы XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза, он поздравил юбиляра и предоставил слово основному докладчику — литературному критику, кандидату филологических наук писателю А. К. Калзану.

Подробный анализ творчества С. К. Токи, сделанный критиком, был прослушан собравшимися с большим интересом. Калзан остановился не только на основных произведениях юбиляра: трилогии «Слово арата», пьесах «Тонгур-оол» и «Осуществленная мечта» — но и на его документальных повестях, рассказах и очерках, созданных за последнее время.

Отмечая тяготение писателя к документальности произведений, критик показал, что во всех своих книгах С. К. Тока верен одной основной теме — становлению новой жизни в родной Туве, одной идее — пропаганде этой новой жизни, ленинской правды, коммунистического миропонимания, одному герою — труженику и борцу, человеку из народа и достойному представителю всего лучшего, что есть в национальном характере и традициях тувинского народа. Это и помогает писателю создавать полную и высокохудожественную картину своего времени и своей республики.

Слово берет человек, во многом близкий героям литературных произведений С. К. Тока, — передовой рабочий СУ «Кызылстрой», каменщик С. Б. Сандан. Он говорит о том, как отразилась в творчестве юбиляра тема рабочего класса, его возникновения, развития и становления в Туве. Метко замечает, что тувинским писателям надо больше внимания обра-

щать на рабочую тему, отходить от старых представлений о народе, идти в ногу с жизнью.

Рабочего сменяет журналист К. М. Аракчаа, работник редакции газеты «Шын». Тема его выступления—повести, рассказы и очерки С. К. Тока, посвященные сельскому труду и людям тувинского села. Подробно останавливается К. М. Аракчаа на ряде глав автобиографической трилогии «Слово арата», а также на повестях «Героиня труда», «У подножия Хайыракана», на документальном рассказе «Наследники богатырей», очерках «Коржен-оол» и «По тропе Коржен-оола»: в них нашли отражение и новый быт тувинского села, и новое в сознании сельских тружеников, и, наконец, острые проблемы современности, связанные с сельскохозяйственным трудом — например, проблема перевода чабанов на постоянное жительство в поселки и на сменную работу.

Анализу стилистических особенностей произведений С. К. Токи и того нового, что внесло творчество юбиляра в литературный тувинский язык, посвятил свое выступление доктор филологических наук А. Ч. Кунаа.

В ответном слове Салчак Калбаххорекович Тока сердечно благодарил родной тувинский народ, Коммунистическую партию и товарищей по творческому труду за ту помощь и поддержку, которые дали ему возможность стать одним из ведущих литераторов Советской Тувы. Писатель поделился творческими планами: в частности, рассказал, что наметил писать две повести: одну — о рабочих-строителях, другую — о специалистах, десятилетиями работающих в самых отдаленных уголках республики.

Собравшиеся еще раз поздравили юбиляра, вручили ему букет цветов. Сорок лет работы в литературе — это означает большую творческую зрелость, четкость мысли, остроту писательского зрения. Тувинская литература, как и всесоюзный читатель, вся советская литература, вправе ожидать от Салчака Калбаххорековича Токи новых больших произведений, по силе и глубине мысли, по яркости показа разных «Слов арата».

ПОДАРОК ТОКИ

Время, проведенное с Салчаком Калбакхорекевичем Токой, запомнилось мне на всю жизнь. И пусть читатели поверят, что я говорю это не во имя юбилейной вежливости, а по душе, по правде.

...Двенадцать лет назад я готовил к печати книжку о творчестве поэта Александра Прокофьева. Меня заинтересовала судьба героев прокофьевской поэмы «Россия» — братьев Шумовых. Оказалось, это реальные лица, истинные герои войны. Их след отыскался в Туве. И вот я решил навестить их, познакомиться с ними. И отправился в Туву, в деревню Владимировку.

Тут-то и произошла моя первая встреча с Токой. С детства я, русский читатель, знал писателя Салчака Току, знал книгу «Слово арата», которая, как и другие замечательные книги, рожденные революцией, стала символом революции, показала всему миру ее победоносный ход — от столицы до затерянных в пустыне, в тайге, в горах поселений.

Собственно, знакомство с Токой началось для меня в маленькой гостиничке. Сосед по комнате рассказывал о Туве, о тувинцах. А потом разговор незаметно перекинулся на Току.

— Это такой человек!— говорил сосед.— Сегодня он ночует в одной деревне, а завтра — за триста километров, в другой. Он всегда в дороге. Он всех знает, и его все в лицо знают.

Я рассказа не записал и подробностей не помню. Но и сейчас помню тот образ, который создал собеседник — образ человека — живого и умного, руководителя, связанного со своим народом не только узами рождения, но и всей своей жизнью, образ немного даже легендарный, выражающий народное мнение.

А наутро я пошел в обком партии и был тут же принят Токой. Так хорошо и сочно, с таким знанием всего рассказывал Салчак Калбакхорекевич о родном крае, что я изменил планы, и уже не только место, где живут Шумовы, но и вся

тувинская земля, тайга ее и степи заворожили меня, и я совершил по Туве большую поездку.

Смотрю на фотографию, сделанную тогда, в декабре 1958 года, и вижу то, чего не замечал раньше: Тока сидит за своим столом, времени-то нет, конечно, рука уже готовится к делу, на лице добродушная улыбка: ладно, снимай, мол, если уж тебе так хочется...

А через год мы приехали в Туву вместе с Александром Прокофьевым. Мы навестили братьев Шумовых.

Замечательна была и встреча, которую устроил нам Салчак Калбакхорекович. Был большой литературный вечер, были искренние, дружеские слова и даже стихи в честь гостей. Были поездки с Токой, с писателями в колхозы, к интересным людям.

И была еще одна поездка, которая, как я сказал вначале, запомнилась мне на всю жизнь, которая раскрыла для нас с Прокофьевым не только Туву, ее красоты, но и показала душевную щедрость, тонкость и, пожалуй, можно сказать, мудрость сердца Токи.

Днем он предупредил:

— Поедем в степь.

Сели в машину и поехали, куда-то на речку Брень, к горам, в тихое и безлюдное место.

Разложили костер. Солнце шло по вершинам гор, опускалось, становилось красным, постепенно меркло, но разгорался костер и, вместе с костром, разгоралась наша беседа.

Мы говорили о Туве, о России. Мы пели русские частушки.

Прокофьев — из перерусских русских, с постоянной лукавинкой и шуткой. В Токе почувствовали мы тувинский национальный склад характера — и в песнях, которые он пел, и в шутках, которыми он так и сыпал. Помню, в ответ на какую-то веселую прокофьевскую поговорку о русском человеке Тока сказал: «Тувинец в утку промахнется, а в озеро — никогда...»

— Какой подарок сделал нам Тока! И землю, и небо, и звезды! — не раз повторял потом Прокофьев. — Это человек...

Мы просидели у огня всю ночь. Взошла луна. И было сказочно тихо, а потом мы стояли у ночной реки, встречали солнце...

Так и живет все это в душе: степь, утреннее солнце и два добрых, враз породнившихся человека, в которых так щедро воплотились дух, талант, мудрое и радостное жизнелюбие народа.

Владимир Бахтин
г. Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Олег Саган-оол. Неудержимые. (Главы из романа.) Пер. <i>М. Хадаханэ</i>	3
Салим Сюрюн-оол. Глушь. (Главы из повести.) Пер. <i>М. Рамзановой</i>	45
Донгак Бегзи. Письма Надежды Бояровой. (Главы из «Повести о друзьях».) Пер. <i>С. Далекой</i>	74
Виктор Кок-оол. Самбажык. (Пьеса.) Пер. <i>С. Козловой</i> и <i>Д. Куулара</i>	92

ПОЭЗИЯ

Степан Сарыг-оол. Алдын-кыс. (Часть вторая.) Пер. <i>А. Емельянова</i>	148
Кызыл-Эник Кудажи. Только один час. (Поэма.) Пер. <i>Ю. Разумовского</i>	158
Леонид Чадамба. Крылья. Пер. <i>М. Скуратова</i>	179
Моя Россия. Пер. <i>М. Скуратова</i>	180
Юрий Кюнзегеш. Работа. Пер. <i>С. Козловой</i>	181
Во Вьетнаме сейчас. Пер. <i>Ю. Разумовского</i>	182
Алдын-оол Даржаа. Восход солнца. Пер. <i>О. Дмитриева</i>	183
Восславление девушки. Пер. <i>О. Дмитриева</i>	185
Восславление юноши. Пер. <i>О. Дмитриева</i>	186
Салчак Тамба. Знамя. Пер. <i>С. Козловой</i>	187
Олег Сувакпит. Саяны. Пер. <i>В. Потемкиной</i>	188
Герои живут. Пер. <i>С. Козловой</i>	188
Салим Сюрюн-оол. Синие горы. Пер. <i>П. Железнова</i>	197
Строки из письма. Пер. <i>П. Железнова</i>	196
На Алтае. Пер. <i>П. Железнова</i>	198
Пой, Цэсэгсүрэн. Пер. <i>П. Железнова</i>	199
Где ты? Пер. <i>П. Железнова</i>	199
Монгуш Доржу. Корень. Пер. <i>В. Потемкиной</i>	201
Мое богатство. Пер. <i>В. Потемкиной</i>	201
«Я долго до любви Саянами скакал...» Пер. <i>В. Потемкиной</i>	202
«Вчера в тени густого парка...» Пер. <i>В. Потемкиной</i>	203
Под светом северной звезды. Пер. <i>В. Потемкиной</i>	203

Салчак Молдурга. Северное сияние. Пер. <i>В. Потемкиной</i>	204
Хозяин земли. Пер. <i>М. Скуратова</i>	205
Знакомый. Пер. <i>М. Скуратова</i>	205
Тюлюш Кызыл-оол. На берегах Невы. Пер. <i>П. Железнова</i>	210
После дождя. Пер. <i>П. Железнова</i>	210
Горы. Пер. <i>П. Железнова</i>	211
Поток. Пер. <i>П. Железнова</i>	211
Осенний лес. Пер. <i>П. Железнова</i>	211
Кечил-оол Экер-оол. Сила дружбы. Пер. <i>В. Потемкиной</i>	212
Владимир Серен-оол. Агальматолит. Пер. <i>П. Железнова</i>	213
Восьмистишья. Пер. <i>П. Железнова</i>	216
Александр Даржай. Где ты, брат? Пер. <i>С. Козловой</i>	218
Зоя Намзырай. Партни Ленина. Пер. <i>С. Козловой</i>	221
Саянские горы. Пер. <i>С. Козловой</i>	221
Куулар Сарыг-оол. Гордость. Пер. <i>С. Козловой</i>	222
Капля. Пер. <i>С. Козловой</i>	222
Галина Принцева. Начало	223
Любовь	224
А там — грачи	224

УГОЛОК ДЛЯ ДЕТЕЙ

Марьям Рамазанова. Сказки дедушки Бюрбэжыка	226
Ховенмей Ойдан-оол. Борбак-оол и его друзья. Пер. <i>М. Рамазановой</i>	236
Январский цветок. Пер. <i>М. Рамазановой</i>	237
Экер-оол Кечил-оол. Капуста в небесах. Пер. <i>В. Потемкиной</i>	238
Ондар Дарыма. Загадки. Пер. <i>Т. Новичковой</i>	240

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Доржу Куулар. Современное состояние тувинской поэзии	243
Леонид Гребнев. Отражение в тувинском героическом эпосе религиозных представлений	251
Витольд Сапельцев. Что ты ищешь в музыке?	263

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Время творческой зрелости	277
Владимир Бахтин. Подарок Токн	279

УЛУГ-ХЕМ, 13

Литературно-художественный альманах

* * *

Редакционная коллегия:

Сарыг-оол С. А. (ответственный редактор).

Сюрюн-оол С. С., Пюрбю С. Б., Кюнзегеш Ю. Ш.

* * *

Редакторы издания: *Бородина А. Д., Тупицына Т. Е.*

Художник *Вахрин Ю. С.*

Художественный редактор *Кузнецов И. Я.*

Технический редактор *Чернова А. А.*

Корректоры *Тупицына Т. Е., Бухтеева Е. Ф.*

Сдано в набор 9/XI 1971 г. Подписано к печати 22/XII 1971 г. Формат
60×90¹/₁₆. Объем 17,75 п. л. Уч.-изд. л. 15,54. Тираж 2000 экз. Цена ~~68 коп.~~
ТС 26311. Заказ № 4192.

Тувинское книжное издательство при Совете Министров
Тувинской АССР, г. Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография Тувинского книжного издательства,
г. Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 1.

10-50K.
60 km.